

ВЗРЫВЫ НА БОЛЬШАКЕ

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ ПАРТИЗАНСКОЙ БОРЬБЫ НА БРЯНЩИНЕ

Издательство
БРЯНСКИЙ РАБОЧИЙ
1963

*Если Родине отдал
все, что в сердце берег,
если кровью и жизнью
устоять ей помог,—
пусть сейчас ты не с нами,
но твой подвиг вовек
не забудут в народе —
ты красив, человек!*

**БЕССМЕРТНЫЕ ПОДВИГИ
В. К. СОКОЛОВ,
секретарь Брянского обкома КПСС**

Эта книга — живой человеческий рассказ о людях большого подвига. Ее написали бывшие бежицкие партизаны, до войны — мирные, трудолюбивые, душевные люди и очень боевые, храбрые в годы, когда наступила смертельная опасность для советского народа.

Жизнь этих людей была напряженной, нередко трудной до физической боли и в то же время бодрой, полной оптимизма, живой и трепетной веры в победу. А сколько было у этих солдат народной войны добрых чувств: любви к Родине, боевой дружбы, высокой дисциплины, негибаемой воли и ответственности за судьбу людей?

Трагическим, но и животворным является рассказ партизан о весеннем севе в тылу врага. Засевали поля под бомбами и обстрелами вражеских самолетов. На работу выходили и старики, и женщины, и дети.

«Большое спасибо, — сказал партизанам старик из Денисовки. — От всего народа спасибо вам, родные наши, что помогаете осеменить землю-матушку, кормилицу. Сеем — значит, верим в жизнь?».

На этой ниве, где партизаны и колхозники сеяли зерно, фашистский пират-летчик дал несколько очередей из пулемета, убил трех женщин, ребенка и этого деда, который так крепко верил в победу. Но жизнь продолжалась, и к маю все яровые были посеяны.

Как велика была вера в родную землю, какая большая цена была труду и хлебу, ярко рассказано в этом сборнике Н. Шершневым. Многие страницы книги звучат призывом к новым поколениям — работать во всю силу, по совести, с полной верой в большие свершения во имя коммунизма.

Рабочие Бежицкого района города Брянска свято хранят революционные, боевые традиции. Идут годы. Но мы не можем, не имеем права забыть тех, кто в трудное для Родины время, находясь в тылу врага, с оружием в руках помогал своей стране, армии в героической борьбе с фашизмом. Уже сам факт, когда человек с оружием оставался в фашистском кольце с неугасимой верой в победу, с откровенным чувством личной жертвенности во имя Родины, идей Ленина, одно это — бессмертный подвиг. Это и есть часть истории нашей Коммунистической партии, народа, воспитанного революцией. Вот почему мы считаем эту книгу, написанную рукой самого народа, историческим документом.

В задушевном рассказе секретаря подпольного городского комитета партии тов. Гавриличева раскрывается много интересного в политической и организационной деятельности коммунистов среди населения временно оккупированных фашистами районов области: В сложных условиях партизанские вожаки своим словом, делом, личным примером доходили до сердца каждого человека. Они неутомимо несли томящимся под гнетом гитлеровских властей советским людям пламенное слово. Рассказывали правду о Советской Армии, о героическом труде на Большой земле, о творческих действиях Коммунистической партии. Несли правду не только устно, но и в листовках. Выпускали специальную листовку «Вести о Советской Родине». Ее переписывали партизаны при свете коптилок, в землянках, переписывали сотнями экземпляров и широко распространяли среди народа.

Партизаны разоблачали лживую фашистскую пропаганду и истошные крики Геббельса, пытавшегося запугать и деморализовать советских людей, сломить в них стойкость и веру в силу своей Родины.

Золотое слово правды, так необходимое людям, отрезанным от родной советской семьи, проникало во все уголки Брянского края, укрепляло сопротивление и боеспособность населения. Люди очень горячо отзывались на голос партизан. Когда, например, бежицкие партизаны обратились к

населению с призывом оказать помощь Советской Армии, то буквально в несколько дней было собрано в фонд обороны около миллиона рублей.

Благодаря коммунистам и комсомольцам люди чувствовали постоянное руководство и помощь Коммунистической партии. Подпольные партийные организации через многочисленную армию партизан устанавливали связь с самыми широкими массами населения, поднимали на борьбу, все новые и новые сотни и тысячи советских людей. Партизаны помогли трудящимся саботировать работу на врага, они выводили из строя промышленные предприятия, железнодорожные станции, сельскохозяйственные имения фашистов, разбивали железнодорожные пути, мосты, водокачки, мастерские, пускали под откос железнодорожные эшелоны. Не давали гитлеровским захватчикам грабить население, спасали от голода и холода тысячи советских людей. Партизаны громили фашистские склады, мельницы, транспорты с хлебом, мясом, одеждой и обувью, возвращали населению продовольствие и одежду, награбленные захватчиками.

Народные мстители выручили тысячи советских людей от угона на фашистскую каторгу в Германию, отбивали эшелоны с невольниками, и укрывали последних в неприступных Брянских лесах. Более 800 человек было выведено за линию фронта.

Подпольные партийные организации вели большую работу по разубеждению полицейских и жандармских гарнизонов, созданных фашистами из числа неустойчивых людей. Многие из этих людей вновь приобретали гражданское мужество и становились в строй борцов с захватчиками.

Коммунисты Брянска, ушедшие в партизаны первыми, были в центре сражений, они возглавляли партизанские отряды, цементировали их, настраивали на боевой лад.

Многие коммунисты и комсомольцы Брянска не вернулись из лесов, они отдали свою жизнь за Родину, за свободу и счастье на советской земле. От фашистских пуль погибли и прославленные командиры партизан города Дмитрий Кравцов и Александр Виноградов.

Большая часть рабочих Брянска впервые же дни войны ушла на фронт. Оставшимся предстояло выехать в тыл советской страны с эвакуированными заводами, чтобы и там ковать оружие победы. Партийные организации города решили часть людей — добровольцев оставить для борьбы в тылу. Вот что нам рассказал бывший командир объединенного партизанского отряда имени Виноградова В. Дурнев:

«С приближением фронта по решению Бежицкого горкома партии качалась организация партизанского отряда. В горкоме беседовали с каждым, разговор шел очень откровенно, говорили о больших трудностях, которые придется испытать, если город окажется в тылу врага. Свыше 500 человек изъявили свое полное желание стать партизанами».

8 октября 1941 года с болью в сердце покидали родной город рабочие Брянского машиностроительного завода. Среди них: А. И. Виноградов — начальник Машино сборочного цеха, И. М. Аксешин — мастер машиноборочного цеха, В. И. Артемов — слесарь инструментального цеха, В. Ф. Белов — рабочий инструментального цеха, Глотов Н. Н. — старший контролер, Гавриличев Г. Г. — секретарь партбюро чугунолитейного цеха, Горохов Л. Н. — кузнец, Коршунов А. П. — строгальщик, Левин В. М. — из отдела главного механика, Лунин И. Б. — помощник главного инженера, Козин А. П. — мастер сталь цеха и многие другие. Со сталелитейного завода — Коврищенков В. А. — слесарь, Обыденников А. Ж. — токарь, Павловский И. В. — начальник отдела кадров, Артюхова Е. А. — счетовод, Дробышевский В. — шофер и многие другие рядовые рабочие и служащие.

Особенной любовью в партизанском крае пользовался Александр Иванович Виноградов — доблестный командир бежицких партизан.

Александр Иванович Виноградов родился 29 августа 1898 года в Бежице в семье служащего. Рано лишившись отца, он не смог продолжать образование. Закончил бежицкое ремесленное училище и поступил учеником слесаря на завод. Ему нужно было работать: на иждивении у матери находились 5 малолетних братьев и сестер. В 1918 году он добровольцем вступил в ряды. Красной Армии и находился на фронтах гражданской войны, а когда началась мирная жизнь, он снова приехал на завод, сначала работал мастером, а затем начальником цеха.

Товарищ Виноградов упорно трудился и учился, без отрыва от производства он получил техническое образование. Партийная организация всегда посылала его на самые отстающие участки, и он, как правило, поправлял дело. Так было и в первые дни войны. Руководимый им машиноборочный цех держал переходящее Красное знамя, был в числе передовых.

Александра Ивановича знали как прекрасного общественника. Он был лучшим агитатором на заводе, любил литературу и искусство. Будучи начальником цеха, окончил драматическую студию при Бежицком Дворце культуры и часто выступал на сцене. Это был во всем инициативный

человек, требовательный, в первую очередь, к себе, чуткий и внимательный к людям.

В начале войны он стал командиром истребительного батальона и проявил себя волевым, умелым организатором. Это предредило его положение в партизанском отряде, он стал командиром бежицких партизан.

Александр Иванович с гордостью носил высокое звание члена партии. Он в самой трудной обстановке сохранял хладнокровие и самообладание. В тяжелые, критические моменты жизни в лесу и в боевой обстановке он всегда был собран, умел вдохновить людей личным примером, ободрить уставших, вернуть силу ослабевшему. Много славных дел, высоких подвигов совершил отряд под руководством своего командира.

Товарищ Виноградов погиб на боевом посту 26 июля 1942 года.

В сентябре 1962 года в Бежицком районе, в сквере на улице Почтовой, Александру Ивановичу Виноградову установлен памятник.

Партизанский отряд после гибели командира стал называться именем Виноградова. Он нанес немецко-фашистским оккупантам большие потери. В своем боевом рапорте Орловскому штабу партизанского движения 16 сентября 1943 года виноградовцы писали:

«В результате боев и диверсионной работы за время с 8 октября 1941 года по 16 сентября 1943 года Бежицким партизанским отрядом имени Виноградова спущено под откос 123 железнодорожных эшелона врага; уничтожено свыше трех тысяч фашистских захватчиков и около двух тысяч ранено; подорвано и уничтожено; 267 автомашин, 19 танков, 13 самолетов, 8 мостов, 31 километр линий связи и ряд других вражеских коммуникаций».

Большинство партизан-виноградовцев за храбрость и мужество, проявленные в боях с фашистами, удостоены высоких правительственных наград.

Боевые подвиги брянских партизан бессмертны. Это подвиги самого народа, утвердившего героической борьбой жизнь поколений, живущих и будущих.

"Каждый год, 17 сентября, в день освобождения, Брянска от немецко-фашистских захватчиков, трудящиеся идут колоннами с вешками и цветами на братские могилы воинов Советской Армии и партизан. Очень трогательными бывают встречи бывших партизан с трудящимися города в лесу, около Круглого озера, на местах «партизанских стоянок. Советские люди чтят память героев, павших, в борьбе за счастье своей Родины.

СВЕТЛЫЙ ОБРАЗ

Л. А. Виноградова

К 19-й годовщине со дня освобождения Брянска от немецко-фашистских захватчиков в Бежицком районе города, по улице Почтовой, открыт памятник командиру партизанского отряда Александру Ивановичу Виноградову (скульптор Г.П. Певзнер).

Как живой, всегда возникает передо мной образ дорогого мне человека, Александра Ивановича Виноградова. Я так ясно представляю себе его черты лица, его улыбку и почти всегда немного смеющиеся глаза, его голос, его походку. Мысленно он всегда со мной. Для меня, для его любимой дочери гибель мужа и отца невероятно тяжела. Мне всегда трудно представить, что умер человек (ведь он еще был молод, полон сил), который так любил жизнь, любил людей и всего себя отдавал людям. По характеру Александр Иванович был горячим человеком, но очень сдержанным и уравновешенным в общении с людьми. По работе он был требователен к себе и к своим подчиненным. Но рабочие на него никогда не обижались, так как уважали его справедливость и принципиальность. Мне вспоминается один случай. В 1940 году, в первой половине дня, я зашла в его цех. Вижу группу рабочих человек 20, которые шумно негодуют на то, что им неправильно выписали зарплату, спорят с помощником начальника. Тот не выдерживает и уходит, что еще больше обидело их. Кто-то решил пригласить Александра Ивановича. Я очень волновалась за мужа, предполагая, что рабочие нагрубят ему. Стою в стороне и наблюдаю. Спокойной, быстрой, уверенной походкой идет Александр Иванович. Группа рабочих притихла, ожидая, что скажет начальник. Александр Иванович спросил о недовольстве каждого, обстоятельно разъяснил, и в результате оказалось, что некоторым ошибочно было выписано больше того, что им полагалось.

Люди пошли спокойно к своим станкам.

Над Александром Ивановичем никогда не тяготел мир вещей. Он мог в цехе оставить свои премиальные деньги, распределяя их среди рабочих так, чтобы они этого не знали. А мне скажет: «Ведь нам и без этих денег хватит! Ты же не можешь на меня сердиться!». Я ему, помню, однажды ответила фразой Шота Руставели: «Давая, ты всегда приобретаешь». Ему очень понравилась эта мысль, и он с интересом прочел книгу «Витязь в тигровой шкуре».

Невольно вспоминается, как в 1923-24гг. возвращаясь я с работы часов в 6 вечера и вижу, что от нашего крыльца идет молодой человек, одетый в пальто, которое только сшили Александру Ивановичу, идет, улыбается чему-то. Я прибавила шагу, смотрю и вижу, как Александр смотрит в окно и тоже весело улыбается. Увидев меня, он поспешил открыть дверь и, поняв мое волнение, сказал: «Не волнуйся. Это мой рабочий цеха, хороший парень, старательный. Он женится, и я решил подарить ему пальто».

Чувство гражданского долга у Александра Ивановича было, прежде всего. Он являлся для окружающих примером. Это помогало ему находить пути к сердцам людей, помогало сплотить любой коллектив, которым он руководил.

Машиноборочный цех №3, которым он руководил, долгое время держал переходящее Красное знамя. Оно оставалось за цехом и в 1941 году.

Он был активнейшим участником художественной самодеятельности и на профессиональном уровне играл свои роли. Он являлся активным агитатором-пропагандистом, а агитпунктом была наша квартира. Народу всегда было много, а так как людей все время прибывало, пришлось заниматься в школе №14. Он часто старался помочь мне в моей воспитательной работе с детьми. Он приходил на все пионерские сборы отряда и удивительным умом оживлял их. Ребята очень полюбили, его и всегда письменно просили его быть на сборе отряда. Александр Иванович являлся примерным семьянином, много внимания уделял дочери и горячо любил ее. Всегда помогал мне в хозяйственных делах, заботился о моем отдыхе. Лет за пять до войны он выписал высокие сорта роз. В 1941 году они особенно пышно цвели.

Во время войны я с дочерью и сестрой эвакуировалась на Урал. Перед уходом к поезду зашли в сад, но почему-то никто из нас не смог сорвать ни одного цветка. Александр Иванович был на заводе. Вот мы в поезде. Невероятная тоска. Уезжаем, даже не простившись. И вот уже перед отходом поезда, стоя у дверей, мы видим Александра Ивановича с огромным букетом роз. Состоялось очень короткое горькое прощание. Ему было очень тяжело. Поезд тронулся. Это было прощание навсегда.

Александр Иванович был простой, скромный человек, человек большой души, которую и отдавал людям.

И вот сейчас, вылитый из металла, он в глубоком раздумье смотрит на свой любимый город, словно хочет сказать от лица всех, всех погибших: «Дорогие люди! Мы погибли, защищая ваши жизни и ваше счастье. Помните, что самое дорогое для вас – это мир. И пусть боевая партизанская слава подкрепляется героической славой вашего титанического мирного труда».

ИЗ ПИСЕМ О ВИНОГРАДОВЦАХ

Будучи командующим 10-й армии, я придавал исключительно большое значение партизанской борьбе и требовал от штаба армии установления надежной и непрерывной связи с партизанскими отрядами, а также установления наиболее тесного взаимодействия частей армии с боевыми действиями партизан. Необходимость и целесообразность этого диктовалась и тем обстоятельством, что части армии в районе города Кирова на длительное время вынуждены были перейти к обороне.

Начиная с января 1942 года, штабом армии была установлена непосредственная живая связь почти со всеми и партизанскими отрядами и военными группами, действующими в полосе армии. Связь эта осуществлялась непосредственно связными партизанских отрядов, офицерами и разведчиками, посылавшимися штабом армии в тыл врага, а также авиацией.

Партизанский отряд имени А. И. Виноградова, действовавший самостоятельно в районе Бежицы, также имел постоянную связь со штабом и оказывал большую помощь разведывательному отделу армии. Связные отряда, не щадя своей жизни, переходили линию фронта и доставляли в штаб армии ценные разведывательные данные. Партизаны отряда часто по заданию разведотдела армии

выполняли особо важные задания в тылу врага. Например, в феврале 1942 года захватили в плен двух немецких офицеров и через линию фронта привели их в штаб армии.

В. Попов.
бывший командующий
10-й армии.

Зимой 1942 года наше подразделение разведчиков 330-й Тульской дивизии занимало деревню М. Желтоухи Смоленской области. По существу это был участок за линией фронта, откуда шли пути в Брянские леса — партизанский край. Наши следопыты вели боевые операции в глубине расположения противника, и связь с партизанами помогала нам выполнить ответственные задания по разведке.

Время, надо сказать, было напряженное. Враг, разбитый под Москвой и Тулой, на этом участке фронта затих, концентрируя силы для нового удара. Каковы его замыслы? Все это обязаны были хорошо знать армейские разведчики. Связь с партизанами помогла нам в решении этих задач. Близко мы были связаны с отрядами людиновцев, бытошевцев, дятьковцев. Но о брянских партизанах (так тогда называли виноградовцев) мы знали меньше, хотя их боевые дела были хорошо известны.

И вот однажды в снежную зимнюю ночь встреча с группой партизан-виноградовцев состоялась. Они привели с собой немца, взятого в плен под Брянском. Моя душа разведчика не выдержала, немцу был учинен допрос. Удалось выяснить много нужных для нас данных.

Мы расспрашивали у своих гостей о делах отряда, о его людях и восхищались героизмом наших советских людей — рабочих, инженеров и крестьян, ныне партизан, сохранивших в самые трудные дни боевой дух. Мы восхищались их горячими сердцами и преданностью великому делу борьбы с врагом. Радостно было слышать, что народ на оккупированной немцами территории не прекратил борьбу и глубоко уверен в скорой победе.

Мы рассказали о жизни нашей армии, о новостях с фронтов.

Больно, прискорбно нам было узнать после о тяжелых потерях отряда, о гибели его командира Виноградова. И все мы склонили головы в память об этом боевом командире. Не знали мы его лично, но люди Виноградовского отряда своей волей и преданностью всегда были у нас, разведчиков, примером больших патриотов.

М. РОЗИН,
бывший комиссар разведки.

***

...Шел декабрь 1941 года. 10-я армия Западного фронта с соями за каждый населенный пункт теснила немцев. К началу января 1942 года мы вышли на рубеж: Зикеево—Людиново—Киров. Перед нами простиралась дремучие Брянские леса.

Поздно вечером числа 13 или 14 января меня вызвал начальник политотдела армии полковой комиссар Пономарев, и мы вместе с ним направились в Военный совет армий. Туда нас вызвал генерал В. С. Попов. Я в то время работал начальником отделения политотдела армии по работе среди партизан и частей Красной Армии, оставшихся в тылу противника.

Генерал В. С. Попов поставил передо мною задачу — перейти на участке армии линию фронта и связаться с партизанскими отрядами.

Был принят следующий план: выезжаю в Людиново в расположение 323-й стрелковой дивизии и с помощью ее разведчиков перебираюсь в тыл к врагу.

Почему избрали эту дивизию? Она ближе всех была к Брянским лесам.

Но... осуществить переход в тыл врага оттуда мне не пришлось.

Пользуясь тем, что фланг дивизии был открыт и растянут на несколько километров, а соседняя дивизия вела ожесточенные бои за Зикеево, немецкое командование бросило на Людиново много танков, самолетов и живой силы. Город Людиново перешел в руки врага, и мне пришлось передвинуться несколько северней.

Я прибыл в Киров, где стала в оборону 330-я стрелковая дивизия. Доложил командованию о своей задаче.

На мое счастье из тыла в одну из ночей перешел молодой парень. Назвав себя партизанским связным, он взялся провести меня «куда угодно».

Я подробно расспросил этого паренька (фамилию его не помню, помню только, что звали его Мишей) о делах в партизанских отрядах. Миша подробно рассказал мне обо всем, и почему-то он

мне понравился, я ему поверил. Посоветовавшись с командованием дивизии, я решил перейти линию фронта с этим связным.

Проводник Миша оказался настоящим партизаном. Он меня отрекомендовал командиру Бытошского отряда тов. Алексееву (Дедушка) и комиссару отряда Сильванскому (Чапай) как представителя командования Красной Армии.

Пробыл я в тылу врага около двух недель, побывав почти во всех отрядах. У орджоникидзеградских партизан я в этот раз не сумел побывать, но дал слово, что в следующий раз обязательно побываю.

Задачу, поставленную перед партизанами командованием 10-й армии, я постарался передать подробно и думаю, что ее поняли все руководители отрядов.

Отряды начали активно громить вражеские гарнизоны в населенных пунктах, полетели под откос эшелоны с живой силой, боеприпасами, техникой врага, на дорогах начали подрываться автомашины, танки противника от партизанских мин.

Вторично я переходил линию фронта в конце февраля 1942 года. В этот раз я взял с собой к партизанам майора М. П. Зиненкова — работника политотдела армии. С нами шла «к себе домой» группа орджоникидзеградских партизан.

Переход в тыл врага прошел благополучно. На этот раз я побывал в лагере орджоникидзеградских партизан, где впервые встретился с командиром отряда Александром Ивановичем Виноградовым. Он на меня произвел очень хорошее впечатление. Самые светлые воспоминания сохранились у меня и о рядовых партизанах — о людях, самоотверженно несших все тяготы лесной жизни, беззаветно преданных нашей Родине.

В расположении этого отряда я провел несколько дней. У меня был с собой фотоаппарат. Много было сделано снимков и целых групп и отдельных партизан-героев, а также руководителей отряда и подразделений. Очень жалко, что не сумел фотограф армейской газеты проявить пленки, которые я привез из отряда А. И. Виноградова. Он их засветил. А жаль, как бы они теперьгодились!

Вернувшись от партизан, я последующие месяцы был занят тем, что переправлял самолетами в расположение партизанских отрядов боеприпасы и оружие.

В эти же месяцы через нашу армию была организована переписка партизан со своими родными. В неделю ходил специальный самолет, который привозил письма партизанам, а также газеты и журналы.

Командование партизанских отрядов в этот период представило командующему 10-й армии генерал-лейтенанту В. С. Попову материал о награждении особо отличившихся партизан.

М. ЧАЗОВ.

***

Трудно переоценить значение тех разведывательных данных, которые передавал на Большую землю отряд А.И. Виноградова.

Достаточно вспомнить линию фронта, образовавшуюся после разгрома фашистских армий под Москвой. Соединения 10-й армии в ходе наступления вырвались далеко вперед. Для немцев создалась возможность из районов Юхнова и Жиздры ударом на Мещовск — Сухиничи окружить эти соединения. Отсюда вытекала неотложная задача изучить группировку противника перед фронтом 10-й армии и, особенно на ее флангах, выявить намерения противника в этом районе. Поэтому разведанные Виноградовского отряда в то время представляли особую ценность, тем более что они подкреплялись живыми «языками».

В конце апреля 1942 года мы сами направились в тыл противника по тропам, проторенным Виноградовским отрядом.

И. КОРЧМА,

зам. министра внутренних дел Карельской АССР.

***

В июле 1941 года по решению Бежицкого горкома партии я был назначен начальником второго эшелона по эвакуации семей рабочих брянского паровозостроительного завода «Красный профинтерн» в Красноярск.

Приехали мы в Красноярск и разместились на пустом поле, где была отведена площадка для строительства завода «Сибтяжмаш».

Условия были очень тяжелые: сибирская погода, отсутствие подъемно-транспортных средств... Но это не сломило боевого духа краснопрофинтерновцев.

Мы, хотя и находились далеко от Брянских лесов, в сводках Совинформбюро искали сообщений, прежде всего о делах наших партизан - краснопрофинтерновцев.

В конце июня 1942 года на строящийся завод «Сибтяжмаш» поступило коллективное письмо из Брянских лесов от наших родных партизан.

Трудно описать, какое мобилизующее влияние произвело это письмо на всех работающих на строительстве завода. Письмо читали во всех подразделениях и сменах, читали его в землянках и бараках, читали его и в школах. Это письмо пришлось несколько раз перепечатывать и пересылать в Свердловск и Новосибирск, где находились наши краснопрофинтерновцы в эвакуации.

В начале 1943 года в Красноярск прибыли раненые партизаны Николай Николаевич Глотов, Александр Иванович Кузнецов и другие. Они подробно рассказали о жизни партизанского отряда и о его боевых делах. Потом в гости к краснопрофинтерновцам прибыла группа партизан во главе с товарищем Шпадыревым.

Этой группе партизан не давали покоя ни днем, ни ночью, им приходилось выступать с докладами на рабочих собраниях по цехам завода «Сибтяжмаш» и на многих других предприятиях города.

В это время я работал первым секретарем Кировского РК партии. Я видел, чувствовал, какое огромное политическое значение имели эти встречи в мобилизации трудящихся глубокого тыла на увеличение выпуска продукции для разгрома врага, как они создавали уверенность в победе советского народа над фашизмом.

В. Луцук,
бывший секретарь
Кировского райкома партии Красноярска

***

Мне нравилось, что партизаны в Виноградовском отряде были одеты, обуты, сыты, хорошо вооружены, а главное — дисциплинированы, вежливы и с открытой душой встречали любого гостя из других отрядов. О них далеко шла заслуженная слава, их часто ставили в пример другим отрядам.

А. ПАНОВ,
бывший партизан Жуковского партизанского отряда.
* * *

Товарищи бойцы, командиры, комиссары и политработники! Если вы услышите в нашей передаче письмо своему другу, товарищу по оружию — сообщите ему об этом.

Передаем письмо партизану радисту Аркадию В. от его матери Елены Петровны: «Сын мой родной! Тревога за тебя сменилась большой радостью, когда, наконец, после пятимесячного молчания получили мы твое письмо.

Осенью прошлого года я проводила тебя на фронт. Я не плакала, нет, я пожелала тебе счастья. Я знала, что ты, мой смелый мальчик, вернешься ко мне героем. Ты сдержал свою клятву верности Родине. В трудную минуту, очутившись во вражеском тылу, ты не сложил оружия и пошел в глухие Брянские леса в партизанский отряд, чтобы еще крепче бить и истреблять немецких захватчиков. Дорогой мой! С каким волнением читали мы твое письмо. Казалось, мы незримо присутствовали вместе с тобой в землянке, вместе шли на боевую операцию, вместе у смонтированного тобой самодельного радиоприемника ловили голос родной Москвы. Вместе с тобой мы радовались, когда приходила весть об освобождении наших городов и деревень, вместе с тобой и твоими боевыми товарищами — партизанами переживали мы радость победы.

Сын мой! Через линии фронтов согреет тебя моя материнская любовь, сбережет от вражеской пули.

Я по-прежнему выступаю на концертах. Только теперь моя аудитория — это бойцы, воины Красной Армии. В землянках, блиндажах, на фронте под открытым небом приходилось мне петь.

Более благодарных слушателей, чем теперь, у меня никогда не было. Часто случается, что вражеские самолеты прерывают концерты. Тогда мои слушатели становятся к зениткам, на самолетах взмывают в небо, летят в бой...

Враг отогнан. Концерт продолжается. Любимую свою песню я заканчиваю словами:

Бывайте, здоровы, живите богато,
С победой вернитесь в родные хаты!

Это песня нашей силы, нашей веры в победу.
Обнимаю тебя, мой славный сын, мой храбрый партизан!

Елена Винницкая,
мать партизана-радиста Аркадия Винницкого»

I. АВАНГАРДНАЯ РОЛЬ КОММУНИСТОВ В ПАРТИЗАНСКОЙ БОРЬБЕ

Г. Г. ГАВРИЛИЧЕВ,

бывший секретарь Бежицкого подпольного горкома партии

1. РОЖДЕНИЕ ОТРЯДА

Шла третья неделя войны. К Алексею Глебову, работающему на своем участке, подошел секретарь парторганизации.

— Тебя, Глебов, вызывают в партком завода, — сказал он.

«Зачем? — встревожился Алексей, идя в партком. —

На участке вроде бы все в порядке, сам дисциплину не нарушал»...

В кабинете парткома сидели все члены бюро и директор завода. Секретарь парткома предложил Глебову сесть поближе к столу, поинтересовался работой на участке, составом семьи. Директор завода спросил, участвовал ли он в гражданской войне.

- Так точно! — ответил Глебов. — Три года отвоевал.

- Очень хорошо! — обрадовался директор завода.

- Побольше бы таких! — вставил секретарь парткома, а затем спросил: — Вы знаете, зачем мы вас пригласили? — И сам ответил: — В городе формируется истребительный батальон из коммунистов, комсомольцев и передовых рабочих. Сейчас батальон будет вылавливать вражеских лазутчиков, и следить за порядком в городе. Если город будет оставлен, батальон перейдет на партизанскую борьбу. Мы думаем рекомендовать вас в батальон. Согласны?

Глебов ответил:

- Я коммунист и готов выполнить любое задание партии.

Такие беседы партком провел с Г. Н. Ильюхиным, Д. Г. Пуклиным, М. М. Савельевым и многими другими рабочими и служащими завода.

С этими товарищами затем беседовали в горкоме партии. Там уже подбирались и утверждались командиры и политруки рот. Очень много уделял внимания организации батальона первый секретарь горкома партии Гавриил Маркович Луканов.

Вскоре батальон был сформирован. Только коммунистов влилось в него более ста.

Перед городским комитетом партии встала задача — подобрать человека на должность командира отряда, который бы явился душой своих бойцов, проявлял бы о них отцовскую заботу, обеспечил бы правильное руководство командным составом.

По рекомендации первичных партийных организаций и партийного комитета завода городской комитет партии решил назначить командиром отряда А. И. Виноградова, хорошо зарекомендовавшего себя в многотысячном коллективе бывшего завода «Красный профинтерн».

Вот что рассказывает об А. И. Виноградове А. Я. Белов:

«С Александром Ивановичем Виноградовым я познакомился в мае 1922 года на заводе «Красный профинтерн». Он в то время работал токарем, а я слесарем по ремонту оборудования в ремонтно-механическом цехе. Виноградов был жизнерадостным, веселым парнем, любимцем коллектива. Внешность обыкновенная: средний рост, приятное лицо, улыбочивые карие глаза, чистый лоб, на голове черные с гладкой прической волосы. Спокойный, выдержанный, всегда внимательный к людям. Он никогда не зазнавался в коллективе, был трудолюбив, добросовестен, честен и прям. Одним из первых сумел успешно совмещать работу с учебой в техникуме.

От токаря по металлу он вырос до мастера, начальника цеха.

Начальником ремонтно-механического цеха А. И. Виноградова назначили в 1938 году, я был назначен его заместителем. Работал он жадно, болел за производство, бывали случаи, что сутками не выходил из цеха.

Через два года начальником цеха был утвержден я, а А. И. Виноградов был переведен начальником в машиноборочный цех № 3. Но и работая в разных цехах, мы все равно советовались, и многие производственные вопросы решали вместе.

Июнь 1941 года. Вероломное нападение фашистских банд на нашу Родину. Мне поручили демонтаж и эвакуацию заводского оборудования на восток, а в сентябре было приказано выехать и самому на монтаж оборудования в Красноярск. Перед отъездом в Красноярск я встретился с А. И. Виноградовым. Он мне сказал, что остается в партизанском отряде в качестве его командира».

А. И. Виноградов оказался, действительно, душой отряда. У него была исключительная забота о людях. Он, как правило, рано по утрам обходил все роты отряда. А когда повара приготавливали завтрак, он у них интересовался вкусом блюд, нередко садился на пенек у костра под сосной и вместе с партизанами ел приготовленный завтрак или обед.

А. И. Виноградов ценил и берег командно-политический состав отряда. На совещании в штабе он старался выслушать каждого и потом уже принимал свое решение. Противник опрометчивых решений, особенно, когда это было связано с неизбежной гибелью людей, он говорил: «Мы должны всегда хорошо разведать, узнать силы врага и с меньшими потерями для себя уничтожить фашистских захватчиков».

Когда мы размещались в районе Круглого озера, Виноградов провел большую подготовительную работу по созданию групп самообороны в населенных пунктах. Население этих сел и деревень, встречаясь почти ежедневно с Виноградовым, питало к нему исключительное уважение.

Виноградов бывал в селах и деревнях не только по случаям боевых дел отряда, но и нередко организовывал собрания, рассказывая людям об организаторской деятельности партии, ее руководстве Красной Армией и партизанским движением.

Виноградов был известен фашистам как Иванов, и они через своих агентов принимали все меры, чтобы уничтожить этого Иванова.

Стойкий коммунист, любимец партизан, верный сын Родины, А. И. Виноградов за боевые дела удостоен высоких правительственных наград. Он погиб в борьбе с врагами, защищая честь и независимость нашей социалистической Родины.

2. ПАРТИЙНАЯ РАБОТА В ТЫЛУ ВРАГА

Коммунисты с первых дней гитлеровской оккупации возглавили партизанскую борьбу. Рос партизанский отряд, менялись, усложнялись формы борьбы с врагом — соответственно росла и партийная организация, совершенствовались формы ее работы с партизанами и населением.

После того, как первоначальная стоянка отряда была раскрыта фашистами, мы перебазировались в район Круглого озера. Это произошло накануне 24-летия Советской власти.

Парторганизация в эти дни провела большую работу среди партизан по усилению бдительности, по улучшению караульной службы.

Днем шестого ноября были собраны докладчики и распределены по ротам.

Ровно в девять часов вечера командиры рот открыли торжественные собрания. Рассказав о великих завоеваниях Октябрьской революции, докладчики призывали партизан и партизанок усилить борьбу по разгрому немецких захватчиков.

С февраля 1942 года в селах Дятьковского района устанавливается Советская власть. Подразделения нашего отряда в это время разместились в Липове, Лядах, Дорожове, Соколове, Лазинке — там тоже была восстановлена Советская власть. Партийной организации представилась возможность систематически вести политическую работу с населением. Агитаторы читали в деревнях «боевые листки», выпускавшиеся в отряде, а также газеты и журналы, полученные с Большой земли.

Разъяснительная работа среди населения помогла успешному созданию групп самообороны в каждой деревне и поселке.

Тяжелое положение складывалось с продовольствием. У крестьян кончались запасы хлеба. Личный состав отряда жил кое-как за счет разгрома продовольственных баз противника. Но трофейные «пирогии» — ненадежная вещь. Нужно было принять срочные и решительные меры, чтобы создать твердый запас хлеба и картофеля для партизан. Нельзя было допустить голод и среди населения, а оно уже доедало последние крохи.

Мы собрали широкое совещание партизан. Говорили командиры и рядовые. Речи были короткие, но конкретные и страстные.

— Надо изыскать зерно и засеять поля, — делали вывод ораторы.

А где его найти? — спрашивали другие.

Слово взял партизан из роты Рудакова тов. Ильюшенко.

Мне известно, — заявил он, — что в Чайковичах есть мельница и в ней много зерна озимых и яровых. — И тут же, обращаясь к члену партийного комитета тов. Андрееву, попросил: — Разрешите мне пойти на операцию по изъятию этого зерна.

Заявление партизана Ильюшенко всех обрадовало. Назавтра же в Чайковичи выехала рота Шпадырева. В качестве проводника был взят Ильюшенко.

Командованию было известно, что в Чайковичах много немцев и полицаев. Поэтому отряд около поселка остановился, выслал вперед разведку. А. И. Кузнецов и М. В. Сергеичев, переодевшись в немецкую форму, пошли к ближайшим домам. Встретив подвыпивших полицаев, они стали кричать на них, обвинять в халатном несении службы.

Рядом партизаны, а вы болтаетесь с красными носами. А ну, пошли проверять караульное помещение!

С полицейскими переодетые партизаны беспрепятственно вошли в караульное помещение. Кузнецов на ломаном немецком языке крикнул:

Встать!

В это время Сергеичев, схватив в руки автомат, крикнул:

Руки вверх! Вы арестованы.

Полицаев конвоировали к мельнице, где Ильюшенко и партизаны роты Шпадырева уже сочиняли расписку мельничному сторожу.

Вскоре зерно и полицейские были доставлены в отряд. Однако этим количеством семян нельзя было засеять все поля нашей зоны.

Партийный комитет послал наиболее активных коммунистов в деревни провести с крестьянами собрания. Докладчики на этих собраниях разъяснили жителям сложившуюся обстановку, предлагали изыскать семена и инвентарь для проведения сева.

В итоге настойчивой работы партийной организации у крестьян поднялся дух, они всерьез стали готовиться к севу. Отряд отдал особенно нуждающимся жителям изъятые на чайковичской мельнице зерно, выделил на посевные работы своих лошадей. И сев был проведен.

Помогли мы населению и во время уборки. Основную часть собранного урожая — по совету парторганизации — жители спрятали в надежных местах в лесу, часть выделили для партизанского отряда.

Крестьяне чувствовали в партизанском отряде свою опору, свою защиту, а в коммунистах отряда — своих наставников. И чем больше неистовствовал враг, тем больше тянулось крестьянское население к партизанам. К августу 1942 года почти все мужское население Лазинки, Ляд, Соколова и Липова влилось в наш отряд.

Партийная организация, однако, не довольствовалась этим. Мы каждый день расширяли и укрепляли связь с населением. Так, по указанию партийного комитета в Голяжке направилась группа разведчиков во главе со старшим лейтенантом Петром Наумовым. Он связался с семьями Панасовых, Савиных и Гришковых, а те в свою очередь помогли ему связаться и с другими жителями. С помощью этих доверенных людей группа собрала важные данные о движении сил противника по Смоленско-Орловской трассе в сторону Орла и Курска.

Партийный комитет поручил молодым партизанкам Гришковой и Лисичкиной проникнуть в Бежицу и распространить газеты со сводками Совинформбюро, которые мы получили с Большой земли.

Когда нам стало известно, что в Москву вызывают группу партизанских командиров из Брянских лесов, мы провели открытое партийное собрание с повесткой дня: «Итоги борьбы партизанского отряда по разгрому немецко-фашистских оккупантов за одиннадцать месяцев». Выступившие на собрании тт. Евтеев, Анохин, Шпадырев и другие дали высокую оценку деятельности многих партизан, отдельных рот и отряда в целом. Были отмечены значительный рост отряда, сплоченность личного состава. Докладчик и выступающие в прениях подвели итоги боевых операций отряда.

О таких итогах не стыдно будет докладывать в Кремле! — говорили на собрании.

Были отмечены и наши промахи, серьезные недостатки. Не забыли мы сказать и о своих нуждах и запросах.

После собрания коммунист Михаил Маркелов с группой товарищей спустил под откос вражеский эшелон на железной дороге Брянск—Рославль.

Такая же операция была проведена под руководством Михаила Пайторова на железной дороге Брянск — Москва.

Вскоре был подорван немецкий эшелон Сергеем Лисичкиным.

Развернулась борьба на большаках. Партизаны устраивали там засады и уничтожали автомашины и живую силу противника.

В ноябре 1942 года при нашем партизанском отряде был создан горком партии. Предложение это внес на партсобрании приехавший к нам работник Орловского обкома партии тов. Борцов И. И. Многие из нас хорошо и раньше знали Ивана Борцова как опытного организатора. Он действительно разъяснил, что делается это по указанию Центрального Комитета партии для обеспечения полного охвата партийно-политической работой Бежицы и прилегающих к ней поселков, для мобилизации всего населения на полный разгром врага. Секретарем подпольного горкома был избран я.

Создание подпольного горкома партии сразу же заметно подняло активность коммунистов, усилился приток в партию партизан.

25 декабря бюро горкома партии рассматривало заявления Головина Георгия Федоровича и Ревенко Евгении Владимировны с просьбой принять их в кандидаты партии.

— Если бы примете меня в Коммунистическую партию, — заявил Головин, — я не пожалею сил и даже жизни своей, чтобы оправдать ваше доверие и высокое звание: коммуниста.

Слова Георгия Головина не разошлись с его делами. Он мужественно сражался с оккупантами и в любышской операции пал в бою смертью храбрых.

В первые дни своей деятельности горком партии принял в партию также врача отряда И.Т. Батюнина, Н.Д. Меньшикова, П.А. Захаркина и других. А всего подпольным горкомом было принято в партию свыше 50-ти человек.

Среди них комсомолец В. П. Дурнев, принятый в кандидаты партии, показал себя настолько хорошо, что впоследствии был назначен командиром отряда имени Виноградова.

Кстати замечу: в Брянском краеведческом музее хранится заявление Коменев Ф. П. о приеме в партию. Коменев был политруком роты. В тылу врага он был первым принят в партию.

В 1943 году, когда наша армия приближалась уже к Брянщине, перед горкомом партии встала новая задача: подобрать и подготовить кадры, которые сумели бы обеспечить партийное и хозяйственное руководство восстановлением нормальной жизни в городе после его освобождения.

Успешно справиться с этой задачей нам помогло то, что мы хорошо знали своих людей, проверили их деловые и организаторские качества в смертельной борьбе с врагом. Нам не нужно было ломать голову, кому доверить руководство здравоохранением. Конечно же, мы утвердили в этой должности Ивана Тихоновича Батюнина. Молодого коммуниста В. Г. Дурнева,

руководившего в последнее время объединенным партизанским отрядом, утвердили первым секретарем горкома комсомола. На ответственные участки работы были поставлены проявившие себя умелыми организаторами в партизанской борьбе И. Д. Корявченко, Е. И. Петров, Д. Г. Пуклин, Д.А. Ромашин, А. Я. Кейтлин, Ф. И. Артамонов, Е.Р. Бернд, М. Г. Евтеев и другие.

В радостный день 17 сентября 1943 года Бежицкий горком партии перестал быть подпольным.

3. КОМСОМОЛЬЦЫ И МОЛОДЕЖЬ В БОРЬБЕ С ОККУПАНТАМИ

Трудно описать, тем более через двадцать лет, все то, что сделали комсомольцы и молодежь Бежицы по разгрому гитлеровски: оккупантов нашего края. Совершенно было очень много, об этом можно и нужно писать повести и романы, поэмы и песни. В этой небольшой статье мне хочется хотя бы несколько слов сказать о самых ярких молодых героях из нашего отряда.

У нас было около сотни комсомольцев и полторы сотни несоюзной молодежи. Все они — выходцы из рабочего класса и трудовой интеллигенции.

Этот солидный отряд молодежи возглавлял Владимир Симонов. Он отличался общительностью и сильной волей. Перед войной Володя учился в одной из школ Бежицы.

Возглавив партизанскую комсомольскую организацию, он воспитывал молодежь не только умным и сердечным словом, но и личным примером. Так, он участвовал в разгроме нескольких вражеских эшелонов, в захвате фашистского обоза в деревне Крючки, в засадах на большаках.

Когда партизанами были освобождены Дятьковский и часть Брянского района, Владимир Симонов вел большую политическую работу среди сельской молодежи, вовлекая ее в партизанское движение.

В июле 1942 года в одном из тяжелых боев Владимир Симонов погиб.

Комсомольцы Андрей Обыденников и Алексей Журавлев были отличными командирами рот. В трудные минуты они поднимали своих бойцов в атаку и сами шли впереди. Это были любимцы партизан. Они тоже погибли героической смертью в ожесточенных схватках с карательными

силами противника.

Смертью героя погиб и комсомолец Анатолий Коршунов. Он был храбрым и умелым минером. На его боевом счету уже значилось два подорванных танка и двенадцать воинских эшелонов. Идя с товарищами на последнюю свою операцию, он говорит им: «По-моему, жить – это бороться за лучшее будущее».

...Минеры не успели подложить мину под рельс, вот- вот вражеские эшелон прогремит мимо и увезет к фронту солдат и боевую технику. И Анатолий Коршунов с миной на груди сам бросился под поезд, пожертвовал своей жизнью, но подорвал двенадцатый эшелон.

В конце 1941 года гитлеровцам удалось захватить молодых партизанок Сою Кривевскую и Лену Яник. Враги обещали отпустить девушек, если те скажут, где находится отряд. Молодые патриотки умерли от рук палачей, но не выдали партизанскую тайну.

Много подвигов во имя Отечества совершил комсомолец Георгий Щербаков. Он десятки раз участвовал в подрыве вражеских эшелонов, часто ходил с товарищами в засады. Он тоже погиб (был захвачен и расстрелян фашистами), но боевыми делами обессмертил свое имя.

Четырнадцатилетним пришел к нам в отряд Анатолий Бычков из Радицы-Крыловки. Его юное сердце кипело ненавистью к фашистам. Он рвался в самые опасные операции. В ноябре сорок первого года верхом на лошади он пробирался из деревни Можель в Радицу - Крыловку. Его перехватил Афанасьев - староста Чайкович.

— Ты от партизан? Скажи, где они? - потребовал изменник Родины.

- Нет, твердо ответил Анатолий, — я партизан не знаю. Вот у меня записка, я еду забрать повозку.

Анатолий Бычков был отпущен. В поселке он провел наблюдение за вражескими силами, узнал тех, кто изменил Родине. Собранные им данные оказались весьма ценными для отряда.

Молодой партизан стал прекрасным проводником минеров, совершавших диверсии на участке железной дороги Брянск—Сухиничи.

Анатолий Бычков погиб в пятнадцать лет, но в трудное для Родины время он столько сделал для нее хорошего, сколько иной не сделает и за всю свою длинную жизнь.

Беспримерное мужество проявила комсомолка Александра Гришкова. Она доставала ценнейшие разведданные о силах противника, размещавшихся в Брянске и Бежице. Она сумела установить связь с работниками городской управы, чтобы достать паспорта для партизан-разведчиков. Однако во время выполнения этой операции Александра Гришкова была схвачена гестаповцами. В тюрьме, под пытками, она сказала: «Погибну я, погибнут многие, но не победить вам, зверям, нашу Россию!». Фашисты расстреляли партизанку и в пламени пожара сожгли ее родных. Сейчас на могиле героической семьи Гришковых воздвигнут памятник.

Комсомолец Николай Лапин был участником разгрома вражеского гарнизона на станции Судимир. Об этой операции написано во втором томе истории Великой Отечественной войны. Не раз Николай Лапин минировал Жиздринский большак, не раз на его минах подрывались немецкие машины с живой силой и боеприпасами. Его действия всерьез были напуганы гитлеровцы. Чтобы пропустить по большаку машины, гитлеровцы вынуждены были запрягать коней в бороны и бронить дорогу. Николай Лапин пал в районе села Любыш во время атаки на гарнизон оккупантов.

Нельзя забыть дерзкую операцию, проведенную комсомольцем Александром Кузнецовым. В 1942 году он, облачившись в форму гитлеровского офицера, с тремя партизанами сумел разоружить полицейский караул в Чайковичах. Изменники были доставлены в отряд.

При выполнении очередного задания Кузнецов подорвался на вражеской мине и почти лишился зрения. В тяжелом состоянии он был эвакуирован на большую землю.

Я назвал нескольких героев из нашего молодежного отряда. Но это лишь начало большого списка тех юношей и девушек, которые были верными помощниками коммунистов в борьбе с врагом.

Бежицкие комсомольцы и молодежь в годы Великой Отечественной войны достойно пронесли по тылам врага знамя Ленинского комсомола.

4. МАССОВО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА В ТЫЛУ ВРАГА

Партизанское движение, развернувшееся в дремучих Брянских лесах, разрасталось и крепло в результате большой организаторской работы Орловского областного комитета партии.

Коммунисты партизанских отрядов с первых дней развернули большую работу среди

населения, оставшегося на оккупированной территории.

В ноябре 1941 года состоялось заседание партийного комитета Бежицкого отряда. В решении, принятом на заседании, было сказано: «Мы коммунисты, оставшиеся в тылу для борьбы с врагом, являемся представителями великой партии коммунистов. Мы должны разъяснять населению, оставшемуся на временно оккупированной врагом территории, цель нашей борьбы, вселять уверенность в неизбежной победе русского оружия».

В решении было сказано о необходимости расстановки своих людей на посты старост и мельников, с помощью которых приобретать продовольствие для партизан и фураж для коней. В решении особое внимание обращалось на подготовку людей из числа населения, которые могли бы иметь доступ в населенные пункты, где размещались фашистские гарнизоны, для разведки и диверсий.

Вскоре после заседания я, командир отряда тов. Шпадырев, политрук Борисенков и Минаев выехали в деревню Буда Брянского района, чтобы провести собрание с населением. Буда расположена недалеко от Чайкович, а в Чайковичах размещался немецкий гарнизон. Когда мы выехали на опушку леса, уже вечерело. Подъехали к окраине деревни. Тихо. Подошли к крайнему дому, постучали в окно. Через некоторое время со скрипом открылась дверь в сени, послышался мужской голос:

- Кто там?

Шпадырев спросил, есть ли в деревне немцы.

Мужчина ответил:

-Нет.

Мы возвратились к коню, сели в сани и быстро помчались в центр деревни. На горке стоял большой пятистенный дом, в котором чуть светилась керосиновая лампа. Минаев остановил коня, мы слезли с саней, и пошли к дому. Только постучали в дверь — свет в доме тотчас погас. Через минуту в сени вышла женщина, спросила: «Кто там?» Мы попросили открыть дверь. Вошли в дом. Хозяйка торопливо искала спички. Борисенков вынул из кармана спички и зажег керосиновую лампу. Дети из-под одеял один за другим высовывали головы. С печи, покряхтывая, слезал пожилой мужчина. Почесывая большую жесткую бороду, он спросил нас: «Откуда?». Шпадырев ответил, что мы — партизаны и прибыли провести собрание.

Старик оторопел:

Как же вы, в Чайковичах немцы, они же вас, да что вы, разве можно?

В разговор вступил Борисенков:

- Ладно, отец, ты быстро одевайся и собери народ, мы все вам расскажем, разъясним.

Старик одел полушубок, шапку-ушанку и вышел из дому. Минут через пятнадцать в дом по одному, по двое начали прибывать жители деревни. Часам к десяти дом был полон народу. Вместе со старыми прибыли и подростки. Для безопасности из числа ребят Борисенков назначил патрулей. Шпадырев, открыл собрание слово для доклада, предоставил мне. Обращаясь к народу, я сказал, что фашистские захватчики имеют временный успех, что гитлеровцам ценой огромных потерь удалось завоевать часть нашей территории. Они путем угроз, виселиц и расстрелов хотят установить свои «новые» порядки. Но им не удастся добиться этого. Мы, представители партии, обращаемся к вам: «Давайте брать оружие и вместе с вашими отцами и братьями, которые ведут кровопролитные бои на фронтах Великой Отечественной войны, будем уничтожать фашистских захватчиков!»

Когда я закончил свое выступление, в доме все заметно оживились. К Шпадыреву подошли несколько человек и, озираясь по сторонам, шепотом сообщили, что в деревне есть женщина, которая занимается слезкой за колхозным активом, наталкивает нас растаскивать колхозное добро, говорит о каких-то новых порядках. Недавно она из Бежицы принесла приказ и показывала нам, в котором говорится, что за укрытие советских солдат и партизан будут расстреливать.

Когда мы прощались с жителями и выходили из дому, нам показали эту женщину. Шпадырев отвел ее в сторонку и строго предупредил. С желающими вступить в партизанский отряд мы назначили новую встречу.

К декабрю 1941 года партийный комитет отряда сумел установить связь с населением деревень Липово, Можель, Соколово, Дорожово, Дарковичи, Голяжье, Стайки, Домановка, Большая и Малая Жукова, Овсорок, Любыш.

В декабре состоялось первое партийное собрание. На собрании с итогами о боевой деятельности отряда выступил командир объединенного отряда А. И. Виноградов.

Собрание приняло решение: «Закрепить отряды за населенными пунктами для политической

работы с населением, для привлечения населения в партизанский отряд и создания групп самообороны».

К концу декабря партизанам удалось очистить от вражеских сил населенные пункты и установить Советскую власть в Дятьковском районе. Партизанский отряд вышел из леса и разместился в населенных пунктах — Дорожове, Соколове, Лазинке, Липове, Можеле. Штаб отряда расположился в поселке Головашки.

Население снова вздохнуло свободно, в домах засветились керосиновые лампы, вечерами снова пела молодежь. Партийный комитет с большой энергией развертывает политическую работу среди населения. В деревне Дорожове дом Крисана становится центром политической и культурно-массовой работы. В этом доме организовывались вечера танцев и художественной самодеятельности, в нем коммунисты выступали с политическими докладами, рассказывали населению об успехах борьбы Красной Армии.

Вскоре партийный комитет устанавливает связь с населением Голяжья, Бордович, Бежицы. Эта связь дала возможность партизанам проникать на шоссейную дорогу Брянск — Смоленск и подрывать вражеские автомашины. Из этих населенных пунктов в отряд пришли Виктор Гришков, Александр Понасов, Петр Наумов, Николай Прудников, Сергей Савин, а их родные стали прямыми помощниками отряда.

Нити связи партийного комитета распространялись на десятки километров. Несмотря на то, что наш отряд был расположен всего лишь на расстоянии 80 километров от линии обороны противника, пользуясь хорошей связью с населением, нам удалось сковать в районах Бежица—Любохна, Сельцо — Дорожово, Бежица — Сельцо, Жиздра — Сухиничи все проселочные, шоссейные и железнодорожные пути, по которым противник старался подтягивать свои силы. Наши минеры днем и ночью выходили для подрыва транспортных средств противника. В конце апреля была проведена крупнейшая операция по разборке железнодорожной магистрали Сельцо — Ржаница. Враг лишен был возможности доступа на территорию, занятую партизанами. Партизаны ни днем, ни ночью не давали покоя захватчикам, вылавливали и уничтожали их пособников, рвали мосты и вырезали липки связи, вели большую политическую работу среди населения, распространяли по заданию партийного комитета листовки и «боевые листки», которые издавались в отряде.

Однако в июне 1942 года противник бросил большие карательные силы против партизанского движения северо-западной группировки, уничтожил все населенные пункты, где была восстановлена Советская власть. Население, тесно связавшееся с партизанами, ушло в леса, чтобы продолжать борьбу с ненавистным врагом. После 26-дневных июньских походов и боев с карательными силами партизаны снова разместились в своих сырых землянках, снова заработали металлические печи-временки, первобытные мельницы. Жителям сожженных деревень пришлось строить шалаши для жилья, с трудом пробираться на пожарища своих усадеб и выкапывать продукты, спрятанные от немцев.

Когда члены партийного комитета, и политработники приходили в стан, население собиралось вокруг них. В грязной и рваной одежде старухи и молодые женщины стояли, ожидая, что скажут представители партии. Дети с тонкими ручонками и выцветшими от недоедания бледными лицами, смахивая с лица и ног назойливых комаров, с жадностью глотали хлеб, испеченный из суррогата.

Коренастый дед Артем, который жил в поселке Овечкино, спрашивал:

- Что, сынки, нового слышно на фронте?

Когда мы говорили, что Красная Армия ведет ожесточенные бои с противником, он тяжело вздыхал и говорил:

- Хотя бы скорее, хотя бы скорее сыночки возвращались!..

Партийный, комитет в это трудное время сочетал массово-разъяснительную работу с организационной. Была проведена тщательная подготовка к уборке хлеба, затем был собран урожай и созданы продовольственные базы для населения и партизан.

Партизаны активизировали свою боевую деятельность. На железных дорогах шли под откос железнодорожные эшелоны, на большаках от мин взлетали в воздух автомашины и подводы — партизаны мстили за сожженные села и деревни.

В свободное от боевой деятельности время у костров устраивались литературные вечера, комсомольцы под руководством своего массовика Николая Зинова организовывали концерты художественной самодеятельности.

Политическая работа партийного комитета воодушевляла партизан, объединяла их вокруг

партии. И не случайно, что в тылу врага многие партизаны вступили в ее ряды.

26 декабря 1942 года в районе Круглого озера, расположившись вечером у костра, подпольный горком партии рассматривал заявление партизана комсомольца Бориса Ровного о приеме его кандидатом в члены партии. До Великой Отечественной войны Б. Горный являлся секретарем комсомольской организации ремесленного училища в Бежице. Ко дню приема в партию он имел на своем счету более 50 уничтоженных фашистов, спустил под откос два вражеских железнодорожных эшелона.

12 мая 1948 года, когда немецкое командование готовило карательные силы против партизан, в районе Святого озера состоялось заседание бюро горкома партии по рассмотрению заявлений партизан и партизанок о приеме в кандидаты. Член бюро Андреев зачитал заявление Птичкиной Марии Дмитриевны. Михалкин задал ей вопрос:

— Сейчас фашисты готовят против нас блокаду. Кто знает, что с нами случится? Вы женщина, имеете сына. Если врагу удастся схватить вас, а сына на ваших глазах будут подвергать пыткам, требуя от вас пойти на службу к ним, как вы поступите?

Птичкина, ни минуты не задумываясь, ответила:

- Я до Великой Отечественной войны работала учительницей, детей я воспитывала в любви к Родине, я рассказывала им об Ильиче, о его борьбе с врагами революции. Сейчас к вам я пришла по зову своей совести. И если я умру в боях, то хочу умереть только коммунисткой.

В тылу врага в партию коммунистов вступили десятки комсомольцев воспитанников Бежицкой комсомольской организации. И все они оправдали высокое звание коммуниста.

Роль массово-политической работы в тылу врага трудно переоценить. Если мы пулями убивали врагов, то правдивым и горячим партийным словом мы укрепляли сердца советских людей, и этим сердцам тогда уже не страшны были никакие зверства фашистов. Мы вселяли уверенность в победу над врагом. Мы сплывали население вокруг Коммунистической партии.

Благодаря нашей неутомимой разъяснительной работе жители активно включились в партизанскую борьбу.

Население оказало партизанскому движению неоценимую помощь в разгроме фашистских захватчиков. С помощью населения поселка Голяжье нам удалось живьем захватить немца и полиция, с помощью населения поселка Сельцо – уничтожить Сельцовский лесопильный завод, с помощью населения Фокино – напасть в этом поселке на немецкий гарнизон, с помощью населения Судимира – уничтожить судимирскую водокачку, вокзал и разбить эшелон.

Все боевые успехи наших партизан – результат связи парторганизации с массами, результат огромной организаторской и душевной работы с людьми, которую провела парторганизация в тылу врага.

II. О НЕКОТОРЫХ ИЗ МНОГИХ

1. АФОНЯ ДЕНИСЕНКО

В отряд он пришел, как говорится, еще безусым пареньком. Мечтатель и романтик, он быстро привык к лесной жизни. Был прилежен в изучении боевой техники, в совершенстве овладел станковым пулеметом, изучил миномет и в отличном состоянии содержал свой автомат. Однако в первое время ничем не выделялся и был настолько скромнен, что многие партизаны даже не знали, как его зовут.

Однажды – это было зимой 1942 года – партизаны, усевшись около костра, слушали рассказ бывшего рабочего завода «Красный Профинтерн» Ивана Минаева, как он вступал в отряд, как давал клятву защищать Родину.

Из землянки с автоматом в руках вышел Афоня Денисенко, пощелкал затвором и медленно подошел к командиру:

- Вас можно побеспокоить?

- Слушаю тебя, - ответил Шпадырев.

- Товарищ командир! Еще рано, погода хорошая, разрешите выехать в засаду – подкараулить фашистов.

Шпадырев, несколько помолчав, согласился.

Сидевшие у костра партизаны обратили внимание на разговор Афони с командиром. Предложение Афони и решение командира быстро стало достоянием отряда. Все стали проситься в отряд.

И вот уже дана команда запретить коней. Пока партизаны укладывали в сани автоматы, миномет

и мины, было решено организовать засаду в поселке Новый свет, так как из Бежицы в том направлении немцы часто выезжали грабить мирное население.

Мы двинулись по просеке густого леса, покрытого хлопьями пушистого снега. Километрах в двух от места засады остановились, чтобы послать разведку, нет ли неприятеля. В разведку ушли Семин и Горный. Через некоторое время они вернулись и доложили, что в поселке тихо, немцев нет.

Подтянув весь обоз к опушке леса, командир и комиссар вошли в поселок и расставили огневые точки. У крайних домов, чтобы в упор расстреливать фашистов, были установлены ручной и станковый пулеметы, а на опушке леса, метрах в ста от домов, расположились автоматчики, чтобы бить противника с фланга. Все сделано хорошо. Ждем. Проходит час, второй, а немцев не видно.

- Пропал наш выезд,- проронил кто-то с досадой. Но больше всех переживал, конечно, Афона – инициатор этого дела.

- А нельзя ли изменить место засады? – спросил он. Бывший раньше в разведке И.М. Аксе шин рассказал, что немцы из Чайкович часто выезжают за продовольствием в Буду. А до Буды от нас было недалеко. Командир посмотрел на часы и дал команду: сняться и ехать к Буде.

Вскоре нас встретили жители этой деревни. Убегая в лес, они сообщили нам, что в деревню из Чайкович едут фашисты. Мы, ударив по коням, быстро добрались до Буды.

Въезд со стороны Чайкович в Буду, был посредине деревни, у въезда стоял колхозный амбар. Командир дал указание: пулеметчика Куксина посадить со станковым пулеметом с левого фланга, миномет расположить на опушке леса. Все остальные партизаны с автоматами и полуавтоматами засели в домах, направив стволы в сторону приближающихся немцев.

Немцы уже вплотную подъехали к деревне. На девяти подводах мы насчитали сорок пять рядовых и два офицера. Ехали они очень уверенно, гогоча во все горло.

Вдруг я заметил, как быстро согнувшийся Афоня Денисенко перебежал улицу и подскочил к углу колхозного амбара. И тотчас же застрочил автомат. Это он, Афоня, ударил по офицерам. Один из них был убит наповал, а другой, раненый, спрыгнул и бросился в сторону, отстреливаясь. Загремел станковый пулемет Куксина. Упала задняя лошадь и преградила путь отхода врагу. В панике фашисты скучились. Сила партизанского огня все больше усиливалась. Заработал миномет. Пулеметчик Куксин шквальным огнем уничтожал фашистов. Меткой пулей Ильюшенко был добит второй офицер. Бой стих. Партизаны подошли к свалке немецких трупов, сняли с них автоматы, парабеллумы, обувь и одежду.

Когда мы возвращались к месту стоянки коней, Иван Минаев обратил внимание, что чудом уцелевший оккупант, спотыкаясь, удирал по направлению к Чайковичам.

Мы открыли огонь по фашисту, но было уже поздно. Только ему одному и удалось убежать.

С этого дня все запомнили и даже полюбили Афоню Денисенко.

К декабрю 1942 года в дятьковской деревне Любыш немцы создали крупный гарнизон. Он сковывал деятельность партизан: трудно было проникать для диверсий к железной дороге в районе Жиздры, затруднялась и агитационная работа среди населения.

Было решено объединенными силами партизанских отрядов разгромить любышское гнездо оккупантов.

Из каждого отряда выделялась для операции ударная группа. Подготовили и мы ударную группу. В нее вошли лучшие партизаны и партизанки, в том числе и Афоня Денисенко, хорошо зарекомендовавший себя в будском бою.

От нашего лагеря до Любыша было около 30км. Получив приказ, мы двинулись в путь по глубокому снегу. Жгучий мороз обжигал нам лица. Мы знали, что предстоял тяжелый бой. Разведчики доложили, что в Любыше находится около 400 немцев и около 200 полицейских. В гарнизоне имеются не только пулеметы, но и минометы и пушки

Знали мы, что и партизан соберется много, и твердо верили в победу.

Однако случилось непредвиденное. В Любыше (после того, как оттуда ушли наши разведчики) остановилась на отдых немецкая часть численностью до двух батальонов. Таким образом, любышский гарнизон к началу боя удвоился. Это привело к тому, что мы потерпели неудачу.

...В 24.00 взвилась зеленая ракета, возвестившая начало штурма. Застрочили пулеметы, в центр села, минометчики посылают одну за другой мины. С колокольни ответили немецкие крупнокалиберные пулеметы. Противник осыпал улицы трассирующими пулями. Мы сразу же почувствовали, что плотность вражеского огня значительно сильнее нашего.

От автоматчиков, которым предстояло подавить огневые точки противника, подбежал связной Сергей Иванов и доложил, что в их группе тяжело ранены Николай Лапин и Степан Артамошин,

что в десяти метрах от немецкого дзота лежит Афоня Денисенко и просит гранат. Гранаты были доставлены, и Денисенко взорвал дзот, открыв путь автоматчикам для прохода в центр села. Но противник усилил огонь из других мест.

Уже погиб наш пулеметчик Иван Куксин, ранен Филипп Кузнецов. Связные докладывают, что пулеметчиков, расположившихся на колокольне, охраняет больше тридцати автоматчиков, что противник начинает теснить наши силы из деревни.

И вот подана сигнальная ракета для отхода партизан.

Ударной группе автоматчиков, которой раньше поручалось подавить огневые точки противника, дано новое задание — охранять с тыла отступающих партизан. Храбрость и мужество проявили в этом деле автоматчики. Мы видели, как они, в том числе и полюбившийся нам Афанасий Денисенко, в упор расстреливали наседавших гитлеровцев и полицейских.

Несмотря на значительно превосходящие силы противника. Командование партизанского соединения сумело обеспечить. Правильное маневрирование своих сил при отступлении и наносить серьезные потери противнику.

Четыре дня и четыре ночи длился этот тяжелый отрыв от фашистов, стремившихся окружить и уничтожить нас. И голод, и холод пришлось испытать. Но партизаны держались стойко, не теряя бодрости духа. Мужественно держались и наши партизанки — Мирошина Вера, Прудникова Аня, Ермолаева Надя и другие. Поглядят они на Афоню Денисенко, как он в бушлате и кирзовых сапогах идет легко да еще улыбается, и вроде самим теплее и легче становится. Такова уж сила доброго примера.

Мы вернулись в свой лагерь. И снова — схватки с врагом, диверсии на большаках и железных дорогах, снова — налеты на вражеские гарнизоны. И всюду с нами Афоня Денисенко.

К концу нашей лесной жизни на счету у Афанасия Денисенко оказалось более шестидесяти убитых фашистов и пять подорванных автомашин. Сейчас он живет и работает на Кавказе.

2. ТОНЯ КУЗНЕЦОВА

В пятницу, 20 июня, Тоня взяла отпуск, а в субботу пригласила своих подруг на вечеринку. В воскресенье по путевке она должна была выехать в Жуковский дом отдыха. Но в этот день утром прокатилось зловещее слово — война.

Стихло в поселке Ржевка, где жила Тоня. Ушли на фронт отец и брат. Мать Тони не могла эвакуироваться и с маленькими детьми осталась дома. Вместе с нею осталась и Тоня.

По ночам полыхало зарево пожаров, содрогалась земля от рвущихся бомб. Фронт приближался к городу. Враг стремился овладеть железнодорожными узлами Брянска, чтобы потом маршем двинуться на Москву.

Советские войска на Брянском направлении мужественно сражались с танковой армией Гудериана, однако вечером 9 октября вынуждены были оставить Брянск и Бежицу.

Бежицкий истребительный батальон, созданный для вылавливания вражеских лазутчиков, ушел в лес на заранее подготовленные места. С этого времени он стал именоваться партизанским отрядом. В него влились другие отряды, которые впоследствии назывались ротами. Возглавил объединенный партизанский отряд Александр Иванович Виноградов. Первоначально лагерь отряда находился в Карачижско-Крыловском лесу — недалеко от поселков Ржевка и Багрино.

Партизанские разведчики по заданию командования рассылались во все направления, чтобы узнать, какие силы врага движутся на восток, сколько и каких войск разместилось в Бежице, Брянске и рабочих поселках Радице-Крыловке и Чайковичах, Требовалось знать также, какую работу немцы ведут среди нашего населения.

В один из вечеров А. И. Виноградов пригласил бывшего рабочего завода «Красный Профинтерн» Филиппа Егоровича Кузнецова и спросил, знает ли тот кого-либо из жителей соседних поселков.

-Знаю.

-Надо вам связаться с ними, поговорить по душам - они нам могут оказывать большую помощь. Сможете вы это сделать?

-Смогу, — уверенно ответил Филипп Егорович.

Сперва Филипп Егорович установил связь с семьей Целиковых — своих старых знакомых, а через эту семью и с Тоней Кузнецовой.

В дом однофамильцев Кузнецовых Филипп Егорович постучался с Ваней Целиковым —мышленным 14-летним пареньком. Хозяйка, узнав Филиппа, заплакала.

Насыпались ироды на нашу голову, осталась вот теперь одна и не знаю, как прокормить детей...

Филипп Егорович уверился, что семья может, когда это потребуется, помочь отряду. Он завел разговор о немцах. Подошла Тоня.

- Какими судьбами попали к нам? — спросила она.

Филипп Егорович помолчал, а затем сказал, что хочет устроиться у них в поселке жить. Только попросил их не говорить об этом немцам. Тоня сказала:

— Что вы, дядя, да мы их, сволочей, ненавидим! И добавила, что, если бы было у нее оружие, она бы их била, гадов проклятых.

Ты вот что, Тоня, с немцами одна не войой, а помоги лучше мне, — ответил ей Филипп Егорович.

- В чем же эта помощь?

Филипп Егорович отвел Тоню в сторонку и тихо спросил:

— Ты сможешь побывать в Радице-Крыловке и узнать, где размещаются немецкие войска, есть ли там танки, автомашины и какие эмблемы на танках и автомашинах?

— Конечно! - обрадовалась девушка.

Филипп Егорович договорился с Тоней о встрече для передачи сведений.

Тоня успешно выполнила первое задание.

Затем Тоне поручили собирать средства на танковую колонну, медикаменты: и перевязочные материалы для отряда.

Уверившись в преданности и исполнительности девушки, Филипп Егорович дал ей новое задание: с помощью матери партизана Григория Сидорова узнать о численности и родах немецких войск, расположившихся в Бежице, в каком направлении они движутся из города.

Назавтра рано утром Тоня направилась в Бежицу. Когда она подходила к мосту, ее окликнул часовой и приказал остановиться. Он подошел к Тоне, осмотрел ее с ног до головы, обыскал и спросил на ломаном русском языке:

-Куда идешь?

Тоня ответила, что идет в город, чтобы через управу устроиться на работу. Часовой пропустил ее. И вот Тоня уже в семье Сидоровых — у тети Тани. Мать партизана выслушала Тоню и стала собираться.

Вскоре они уже медленно шли по улицам города, незаметно наблюдая, как скапливались немецкие автомашины с автоматчиками за железнодорожным переездом на Почтовой улице. Тоне становилось ясно, что эта автоколонна пойдет в сторону Жиздры.

Более четырех часов Тоня и тетя Таня ходили по городу. Когда нужные сведения были собраны, Тоня распрощалась с тетей Таней и направилась домой.

У моста часовой приказал остановиться. Подошел второй солдат, обыскал, что-то зло пробормотал, однако пропустил.

Опасность, казалось, миновала, но когда Тоня подходила к Ржевке, навстречу ей выбежала маленькая девочка, сестра Вани Целикова, и крикнула:

- У вас обыск!

Тоня оторопела. Осмотревшись вокруг, передала записку для Филиппа Егоровича. Возвращаться назад было невозможно, так как со стороны Багрина в двухстах метрах она увидела двух вооруженных полицейских. Тоня пошла к дому. Полицейские остановили ее и заявили, что она арестована.

Ее привели в дом. За столом сидел сын лесника Ваня Васютин. До войны, он окончил лесотехнический техникум, и по решению комсомола был оставлен в тылу для разведывательной работы в партизанском отряде Михаила Кошелева. Ваня не раз проникал в Брянск и Бежицу, собирал разведанные о расположении сил противника и доставлял их партизанскому отряду. Сейчас он по заданию отряда прибыл к Тоне для совместной работы, но был внезапно захвачен. В квартире была и сестра Тони — Маруся.

Тоню, Марусю и Ваню увели в бежицкую полицию. Всех троих поместили в одну камеру. Было уже поздно, поэтому допрос учинять не стали. Предложили подумать и завтра рассказать, какое задание они имеют от партизан. В камере Тоня сказала:

-Пусть лучше нас уничтожат, но мы, русские люди, ни слова не скажем о партизанах!

Утром заскрежетал засов, открылась дверь. Полицейский вызвал Тоню и увел ее в кабинет начальника полиции Лапеко. Тот взял со стола пистолет, подошел к девушке и сказал:

-Я требую, чтобы ты рассказала, какое задание имеешь от партизан, и с какой целью находилась в городе.

Кузнецова молчала.

Лапеко ударил ее по лицу.

Вскрикнув, Тоня сказала, что приходила в город для устройства на работу, так как ей необходимо кормить мать, маленьких братьев и сестру.

- Врешь! — крикнул Лапеко. Он до кровоподтеков избил девушку, а затем вызвал полицейского и приказал увести ее в камеру.

Следующим на допрос был вызван Ваня Васютин.

Ваня Васютин, тоже молчал, и Лапеко его тоже зверски избил. Дикая расправа повторилась и с Марусей.

Пять дней фашистский холуй глумился над юношей и двумя девушками, преданными советской Родине. На шестой день, снова ничего не добившись, Тоню и Марусю, избитых до полусмерти, полицейские выбросили на улицу. Ваня Васютин остался под стражей. А через несколько дней с окровавленным лицом, со страшными синяками на боках и спине был выброшен на улицу и он.

В этот день, отправив мать с младшей сестрой и братом за Десну, к тетке, Тоня с помощью Филиппа Егоровича ушла в партизанский отряд.

И сразу же она зарекомендовала себя отличной партизанкой: участвовала в разгроме цементовского, любышского немецких гарнизонов, ходила в засады на большаки, вела диверсионную работу по уничтожению вражеских эшелонов с техникой и живой силой на железной дороге.

Однажды вызвал ее командир отряда и говорит:

- В Радице-Крыловке два парня попытались уничтожить вещевой и продовольственные склады, но фашисты увидели их и одного ранили в руку. Патриотов теперь легко могут опознать, их надо спасти от нависшей над ними смерти.

- Что именно требуется сделать, Александр Иванович? — спросила Кузнецова.

- Сегодня вечером, — ответил Виноградов, — надо попасть в поселок к Ване Целикову, он сведет вас с этими товарищами.

- А можно узнать, кто они? — поинтересовалась девушка.

- Василий Каблуков и брат нашего командира роты Кошелева. Имейте в виду, — добавил командир отряда, — их сейчас выслеживают, так что будьте очень осторожны. Действуйте только через Целикова.

Вечером Тоня Кузнецова отправилась на выполнение задания.

Звезд на небе было так много, и горели они так ярко, что на полянках, которые переходила Тоня, виден был каждый цветок. Со станции доносились гудки и пыхтение манежового паровоза, свистки сцепщиков, лязг буферов. Партизанка осмотрелась и медленно по кустарнику направилась к дому Вани Целикова, прислушиваясь к каждому шороху. Легонько постучала в окно. Скрипнула в сенях дверь, вышла мать Вани. Тоня вошла в дом, проснулся и встал Ваня. Он сказал, что Каблуков и Кошелев ждут ее в лесу. Не задерживаясь ни на минуту, Тоня направилась с Ваней к ним. Когда они подошли к опушке, Ваня подал условный сигнал. Через минуту показались две фигуры — это были Кошелев и Каблуков. Увидев Тоню, бросились к ней с возгласами: «Вот она, наша боевая подруга!»

Тоня распрощалась с Ваней и повела товарищей в отряд. Наступало утро. По вершинам огромных деревьев медленно расстилался серого цвета дымок. Уже донесся запах жареного лука. Обращаясь к товарищам, Тоня сказала, что они как раз успели под горяченький завтрак. Кошелев и Каблуков слегка улыбнулись, но на их лицах улыбка еще более засияла, когда они увидели партизан, сидевших у костра.

1942 год. По решению командования отряда группа партизан была размещена и законспирирована в Карачижско-Крыловском лесу с целью усиления связи с населением Радицы-Крыловки и приобретения разведанных для партизанского отряда и для фронта.

Группа устанавливала явочные квартиры, распространяла политическую литературу, газеты и журналы, сводки Советского Информбюро и «боевые листки», дававшиеся в партизанском отряде. Она вела наблюдение за движением воинских вражеских эшелонов па железной дороге Брянск — Москва, собирала данные о расположении сил противника в Брянске и Бежице. Группа помогала отряду обеспечивать ценными данными нашу 10-ю армию.

Однако она была выслежена и захвачена немцами. Спасти удалось только И. П. Духанину. Он и рассказал командованию отряда о случившемся.

После ареста группы связь со значительной частью товарищей в явочных квартирах Радицы-Крыловки прервалась. А наша армия в это время разгромила фашистов у Волги и наносила

сокрушительные удары по врагу и в других местах. Фронту срочно требовались разведанные о скоплении немецких войск в районе Брянска. Без связи с населением сделать это было невозможно.

Первого марта в штаб отряда были вызваны Тоня Кузнецова и Попов. Им сказали там, что надо восстановить связь с населением Радицы-Крыловки и собрать данные о численности войск противника в Бежице и Брянске.

Попов служил в полиции, а затем раскаялся и через наших доверенных лиц оказался в отряде. Он участвовал в нескольких операциях. Перебежчику стали доверять, но после захвата немцами группы наших партизан следовало серьезнее проверить его: не он ли повел противника? Если он, то немцы вот-вот должны нагрянуть и на лагерь отряда. Значит, командованию надо незамедлительно принимать соответствующие меры...

Тоня Кузнецова настороженно держалась с Поповым, когда они отправились в путь. Шли тропинками, которые проторили партизаны, выходя на большаки и железные дороги для подрыва автомашин и железнодорожных воинских эшелонов врага с техникой и живой силой. Эти тропинки были знакомы Тоне — она не раз была сама участницей подрыва немецкой техники в этих местах.

Вот они перешли уже Любохонский большак, оставляя с левой стороны поселок Шибенец, перешли Болву и стали подниматься на гору. Справа мелькнула будка, где когда-то проживал лесник. Здесь Тоня совсем недавно, всего полтора года тому назад, в июле и августе собирала ягоды, а в сентябре — грибы. В эту минуту, несмотря на усталость, ей стало легко, и она полной грудью вздохнула и почувствовала подкрепление сил.

А вот уже и Чистенка, где в 1941 году бежицкие партизаны отбивали психические атаки значительно превосходящих сил врага. Тоня знала, что в этом бою погибли смертью храбрых коммунист Алексей Козин и комсомолец Андрей Обыденников, тяжело был ранен командир Городищенского отряда Г. А. Мирошкин. Тоня подошла к могиле, стала на колени и поцеловала землю, под которой покоились 12 героев, павших из-за злодейского предательства Латышева, приведшего немецких карателей в расположение партизанского отряда.

Было 22 часа. Она села у могилы героев, развязала мешочек, вынула продукты и предложила Попову перекусить. Они наломали веток, развели костер. Отдохнув, пошли дальше. В первом часу ночи они были у поселка Радица-Крыловка. Кругом царил тишина, и даже не верилось, что на Урицком поселке в концлагере томились под открытым небом тысячи советских военнопленных и мирных жителей Брянщины.

Для проникновения в поселок у Тони с Поповым путь был один: они должны были пробираться опушкой леса на улицу Пушкина в дом № 4 — к Екатерине Косаревой.

Тоня внимательно осмотрелась вокруг, поджидая, когда серые тучи, медленно плывущие с запада на восток, нагромождаясь друг на друга, закроют луну. Дождавшись этого момента, Тоня с Поповым подскочили ко двору Косаревой, и зашли в сарай. Попов предложил Тоне запрятаться в сено, сказав, что он сходит к Косаревой для уточнения обстановки.

Тоня согласилась и стала ждать. Шли сверх напряжённые минуты, прошло уже не меньше часа, а Попова все не было. Начало светать. «Значит, предал негодяй!» - резанула душу догадка. «Бежать, скорее, бежать!» — решила она, приоткрывая дверь. Но открыть так и не успела — послышались мужские голоса. Она успела зарыться в сено. Заскрипели ворота сарая, послышался голос: «Кто здесь, выходи, стрелять будем». Тоня молчала. Грянул выстрел, но тут же последовала команда: прекратить стрельбу, взять живьем. Полицейские стали вилами прощупывать сено. Теперь таиться было бесполезно. «Хоть одного гада, да уложу!» — подумала Тоня и, сбросив с головы сено, стала целиться. Однако выстрелить не успела: кто-то выбил винтовку из рук и ударил прикладом по голове. Партизанка потеряла сознание.

Когда Тоню конвоировали по улицам к зданию полиции, огромная толпа радицко-крыловских жителей шла по сторонам. Все сочувствовали патриотке.

В кабинете начальника контрразведки сидел невысокого роста немец. Как потом Тоня узнала, это был Доллерт. Доллерт пригласил Тоню ближе к столу и приказал ей сесть на стул. Тоня села. Немец строго предупредил Тоню не обманывать и сказал, что им известно, что она партизанка, имеющая связь с населением, что она приходила в город и разбрасывала листовки. Доллерт требовал от Тони, чтобы она рассказала, с кем была связана в Радице-Крыловке и в Бежице. Тоня молчала. Молчание раздражало немца, он ударил Тоню по щеке. Она продолжала молчать. Доллерт ударил ее в грудь, Тоня упала со стула на пол.

Ничего не добившись от мужественной партизанки, ее отправили в камеру. Там к Тоне подошел

Глебов, бывший в составе захваченной немцами группы партизан-разведчиков. Глебов сказал, что всех членов группы расстреляли, один он остался в живых. Затем он предложил Тоне признаться и рассказать все, что знает, чтобы сохранить жизнь. Тоня, не ответив ни слова, плюнула ему в лицо. Ей стало ясно, какой ценой он купил себе жизнь и зачем находится в камере. Она ушла в сторону от предателя.

Часа через три Кузнецову снова вызвали к Доллерту. И Тоня снова молчала. Вызвав двух солдат, Доллерт приказал бить партизанку резиновыми палками.

От страшной боли Тоня потеряла сознание и только в камере пришла в себя. На минуту ей вспомнилась братская могила героев-партизан, подруги, которые провожали ее в разведку, а потом она снова потеряла сознание. Через некоторое время, придя в себя, она почувствовала, что чьи-то руки держали ее. Открыв глаза, она увидела, что по обе стороны ее стоят две женщины средних лет.

— Терпи, дорогая! — прошептала одна из них.

И она терпела — более двух месяцев терпела избиения и пытки во время допросов.

В конце мая Кузнецову вызвали на допрос к немецкому майору Шнееру. Тот пригласил Тоню к карте и приказал показать, где располагаются партизанские отряды. Тоня ответила, что она неграмотная и в карте ничего не понимает. Майор злобно закричал, ударил партизанку в грудь, назвал русской свиньей. Затем, взяв себя в руки, Шнеер сказал, что Попов рассказал все, и если Тоня ничего так и не скажет, ее расстреляют. Тоня ответила майору:

— Если вам все рассказал Попов, будьте довольны этим, а я ничего не знаю.

Майор расвирился и приказал следовать за ним. Тоня медленно встала и, еле передвигая ноги, пошла. Рядом со зданием фронтовой немецкой контрразведки стояла небольшая будка, у двери ее — часовой. Когда Тоня и майор подошли к будке, часовой открыл дверь, они вошли в будку. На земляном полу лежала потертая солома и грязное тряпье. На этом тряпье в углу сидел человек в окровавленном офицерском кителе. Майор, обращаясь к Кузнецовой, спросил, знаком ли ей этот человек. Тоня сказала, что не знает. В самом же деле она знала, что это был командир партизанского отряда капитан Кулик. Тоне вдруг вспомнилось все-то страшное, что было в Гришиной Слободке, где из-за предателя - проводника погибли в бою многие партизаны и при отходе был тяжело ранен и контужен тот человек, который сейчас был перед ней.

Кузнецову снова избили до потери сознания. Только на завтра в камере Тоня пришла в себя. Она лежала на полу, ощущая в боках страшную боль, правый глаз был залит кровью, невыносимо хотелось пить.

Не успела отдышаться — снова допросы, избиения...

В июне Кузнецову и Кулика из бежицкого гестапо доставили в брянскую тюрьму. Более двух месяцев просидела там Тоня в одиночной камере. Кузнецова чувствовала себя очень плохо, лицо ее покрылось черными пятнами, появилось кровохарканье. Партизанка объявила голодовку и обратилась к начальнику тюрьмы с просьбой, чтобы ее расстреляли.

В августе Тоню снова доставили в бежицкое гестапо к фашистскому холую Замотину. Снова допросы, снова избиение, снова угрозы и шантаж. Три дня глумился Замотин, стараясь достичь своей цели, но Тоня наотрез отказывалась отвечать.

На четвертый день Тоню из камеры вызвали в кабинет к Доллерту. Тоня стояла у порога, Доллерт сказал:

— Значит, не желаешь нам ничего рассказать? За это мы тебя расстреляем.

Доллерт нажал кнопку, в кабинет вошел немец. Доллерт что-то ему сказал, немец приказал Тоне выйти из кабинета, а сам — за ней. Тоня вышла на улицу, у подъезда стояла автомашина. Немец приказал девушке садиться в машину и сел сам. Машина направилась через барьер, затем повернула влево и направилась в Брянск. Тоня подумала, что снова тюрьма, но машина шла дальше, на Брянск II. Ей стало ясно, что везут ее на расстрел. Машина прошла под мост, затем повернула вправо. У будки, стоявшей около путей, машина остановилась. Часовой поднял желтого цвета флажок. Немец, сопровождавший Тоню, быстро спрыгнул и передал часовому какой-то пакет, приказав Тоне слезть с машины. Часовой открыл дверь будки и предложил Тоне войти в нее. Дверь будки захлопнулась, щелкнул засов. Немец сел в кабину машины и поехал обратно. Окно в будке было с железными решетками, дверь обита железом.

Часа через два к будке подошел немецкий офицер. Он поговорил с часовым, открылась дверь, офицер приказал Тоне выйти и повел ее к вагону, где стояло множество народа. В толпе Тоня увидела Аню Изотову, проживавшую в Бежице по улице Ливенской. Тоню посадили вместе со многими другими в товарный вагон, закрыли двери вагона на железный засов. Слышно было, как

подошел паровоз. Раздался паровозный свисток, и вагоны вздрогнули. В темноте вагона вдруг раздался чей-то женский нежный, но в то же время сильный голос: «Прощай, любимый город». Песню с тоской и болью в голосах подхватили многие...

В Польше эшелон остановился, из вагонов вывели всех, кого увозили в Германию. Толпу охраняли немецкие солдаты.

Всем сделали дезинфекцию, подстригли, после чего дали холодной баланды, и снова — в вагон, снова — на запад.

Вот уже Гамбург. Эшелон остановился. Открылись двери вагонов, у дверей их стояла охрана. Тоню вместе с другими - а их было более 1000 человек — повели на окраину города и загнали в концентрационный лагерь, обнесенный колючей проволокой. С четырех сторон лагеря были вышки, где стояли часовые с пулеметами. Вокруг лагеря прохаживались в гражданской одежде люди, парами и в одиночку. Были здесь мужчины и женщины, старые и молодые. В стороне стояла охрана с немецкими овчарками. Начальник лагеря по одному выводил заключенных из-за колючей проволоки, гражданские подходили, осматривали, ощупывали их и уводили с собой. Два года Тоня работала на хозяина, жила как раба.

Хозяин, к которому попала Тоня, был Карл Ваньч, инженер. Он от зари до зари заставлял работать Тоню, а кормил холодной баландой из кукурузной муки. И это длилось два года.

Наступил 1945 год. Настроение немцев менялось. Гражданское население мобилизовывалось на какие-то работы. Карл Ваньч часто о чем-то разговаривал со своей хозяйкой. Обращение с Тоней становилось все хуже. Она чувствовала: что-то неладное творится у немцев.

Апрель. Немцы бешено гнали свои войска на восток, на станцию эшелон за эшелонам привозили раненых. В воздухе стали появляться самолеты, на крыльях которых горели красные звездочки.

28 апреля ночью Тоня покидает ненавистного Карла Ваньча и уходит в горы. А 5 мая она встречается с воинами Советской Армии и попадает в 2348-й полевой госпиталь, где ухаживает за ранеными. Через некоторое время ее зачисляют в 200-й запасной полк. В 1946 году Кузнецова демобилизуется и возвращается в Бежицу.

Два года и два месяца Тоня Кузнецова просидела в немецких застенках, подвергаясь нечеловеческим пыткам, вынесла весь ужас гитлеровской каторги, оставшись чистой перед товарищами по борьбе, сохранив верность своей Родине.

Сейчас Антонина Кузнецова (после замужества Волчкова) снова работает на Бежицком сталелитейном заводе в фасонолитейном цехе. И специальность у нее та же — электросварщица. С глубоким уважением и любовью относятся к ней рабочие родного завода.

3. ВРАЧ ОТРЯДА

Иван Тихонович Батюнин обратился в горком партии с просьбой, чтобы его зачислили врачом в партизанский отряд. Он недавно окончил Смоленский мединститут — ему хотелось на самом трудном участке делом отплатить народу, который дал ему любимую профессию.

И вот Батюнин — врач отряда. Первые бои партизан с оккупантами. Первые раненые... Радостно на душе у молодого специалиста, когда он возвращает в строй бойца. И обидно, горько, когда это не удается.

...Фашисты напали на землянку Климова. В лагере тревога. Вместе со всеми партизанами бросился к месту боя и врач. Вот раненый парень. Это Аниканов. Он стоял часовым у землянки и первым принял удар врага. Теперь он лежал на плащ-палатке навзничь. Живот у него в крови. Иван Тихонович, став на колени, завернул рубашку и взглянул на рану. «Тут я бесполезен, — подумал врач, - все внутри порвано». А вслух сказал:

- Крепись, молодой человек!

Но Аниканов тоже чувствовал, что ранен смертельно. Открыв глаза, он торопливо сказал:

- Не трудитесь, не поможет.

Умирая, Аниканов еще успел выкрикнуть:

Латьшев — предатель! Я его видел... сейчас... с немцами!..

Предатель не ушел от нашего возмездия. Жестоко поплатились фашисты и за мученическую смерть партизан отряда Климова, которые были в землянке, и за гибель Аниканова.

5 ноября 1941 года карательный отряд численностью свыше 700 человек, с двумя танками и пушками вторично напал на наш партизанский отряд. Завязался сильный бой. Партизаны организовали круговую оборону. Вековые деревья дремучего леса, как бы воедино с нами, стали стеной против вражеских сил. Противник под прикрытием пулеметного и минометного огня не раз

бросался в атаку, но партизаны насмерть стояли. Каратели из танковых пушек открыли огонь по чаще леса. На участке, где руководили боем командиры отрядов Мирошкин и Обыденников, противник предпринял атаку. Партизаны поднялись в контратаку. В этом бою, сраженные вражескими пулями, пали смертью героев командир Обыденников и коммунист Алексей Козин; командир Мирошкин был разрывной пулей тяжело ранен в руку. Мирошкина доставили в землянку. Иван Тихонович осмотрел рану, дал указание медсестре Ане Канченковой подготовить пакет, а сам пинцетом стал вынимать из раны куски нательной рубашки. Обработав рану, Иван Тихонович сказал: «Ничего, Григорий Аркадьевич, я знаю — больно, но до свадьбы заживет». Он взял ватку, обмакнул ее в пузырек, наполненный реванолом, смазал рану и попросил Аню наложить бинт.

После четырехчасового боя отряд, форсировав Болву, ушел в район Круглого озера. Когда при очередной перевязке Иван Тихонович снимал бинт с руки, Мирошкин от боли вздрагивал, а Иван Тихонович говорил:

- Тьфу, ерунда — ранки уже почти незаметно.

В самом деле, рана оставалась еще значительной и опасной. Но оптимизм врача — тоже лекарство.

В одном из боев на большаке был тяжело ранен комсомолец Анатолий Коршунов. Раненого на носилках доставили в землянку отряда. Вызвали Ивана Тихоновича, Аня уже держала наготове медицинскую полевую сумку с пакетами. Иван Тихонович попросил Дмитрия Анискина и Лукьяна Михалкина положить больного вниз лицом и стал осматривать рану. Анатолий мучительно стонал от боли. Взяв рукой ногу, врач потянул ее на себя, затем снова аккуратно положил. Иван Тихонович определил, что кости не затронуты осколками пуль; снял пинцетом запекающуюся кровь с раны, наложил повязку и тихо сказал:

- Все обошлось хорошо, могло быть хуже, чуть не задело позвоночник.

Ежедневно под наблюдением Ивана Тихоновича Аня перевязывала рану Анатолия. Прощаясь с Анатолием, Иван Тихонович всегда говорил:

- Потерпи, Толик, скоро выздоровеешь, да и болеть-то нам некогда, кругом враги, их надо бить.

Не прошло и месяца, как Анатолий стал передвигаться с помощью костылей, а в марте 1942 года и совсем вернулся в строй.

В конце 1942 года по заданию командования отряда Владимир Дворянчиков и Валя Леднева были направлены в разведку узнать обстановку в Бежице. Пройдя около двадцати километров по Карачижско-Крыловскому лесу, они напоролась на гитлеровцев. Разведчики были обстреляны. Однако в наступающей темноте им удалось укрыться от врага, но они потом не могли найти друг друга. В полночь, с трудом преодолевая снежные заносы. Володя вернулся в лагерь и рассказал обо всем.

Леднева в лагерь не возвратилась. Командование отряда направило партизан Титова и Сойкина во главе с Дворянчиковым на лыжах в поиски Ледневой. На опушке леса, едва передвигаясь, по направлению к Любохонскому большаку шел человек. Комсомольцы остановились, Дворянчиков посмотрел в бинокль и обрадованно крикнул:

— Леднева! На помощь, товарищи!

Когда к ней подбежали спасители, она остановилась, подняла голову, взглянула на друзей и тут же упала. Комсомольцы сняли свои шарфы, обмотали ими ее обмороженные ноги и руки, связали лыжи, уложили на них Ледневу и повезли в лагерь.

На помощь Ледневой в землянку прибежали Иван Тихонович и медсестра. Уложив на нары Ледневу, они стали снегом оттирать ей обмороженные руки и ноги.

Невыносимые боли переносила Леднева. Потребовался свежий гусиный жир и медикаменты, чтобы спасти жизнь партизанки. Вскоре все было приобретено. У полицаяев взяли гусей, сметаны, пригрозив им оружием, через преданных лиц достали камфорной мази. Иван Тихонович провел десятки бессонных ночей у нар Ледневой. На ее обмороженном теле появились язвы, большая опухоль, но с полным знанием дела Иван Тихонович самоотверженно оказывал помощь больной.

С помощью Ивана Тихоновича через три месяца Леднева стала в строй боевых друзей и снова принимала активное участие в разгроме вражеских сил.

Летом 1943 года среди жителей, ютившихся у партизан, вспыхнул тиф. Стали заболеть тифом и партизаны.

Иван Тихонович срочно радиogramмой запросил у командования штаба 10-й армии Западного фронта необходимое количество нужных средств помощи. Приказом по отряду было дано распоряжение Батюнину провести противотифозные мероприятия. Всем партизанам были сделаны

противотифозные уколы. В районе тифозного очага уколы были сделаны и населению. Одновременно проводилась санитарная обработка белья и одежды. Эпидемия тифа была предотвращена. Все заболевшие тифом были вылечены.

Как правило, врач рано утром обходил все землянки, интересовался состоянием здоровья партизан, проверял, чем старшины будут кормить их.

После завтрака с сумочкой на плече он направлялся в ближайшую деревню, где ждали его с нетерпением, чтобы он осмотрел детишек, больных коклюшем и скарлатиной. За помощь старики иногда пытались отблагодарить всем тем, чем они только располагали, но Иван Тихонович, раскланиваясь, прижимал правую руку к груди, говорил:

— Благодарствую. Мой долг отдать народу все то, что я с помощью народной получил в институте.

Он брал сумочку, вешал свой карабин на правое плечо и, попрощавшись, уходил в отряд.

И. Т. Батюнин выполнял по сути дела роль районного врача, оказывая медицинскую помощь всем людям, пострадавшим от фашистов.

В январе 1943 года в районе села Любыш после неудачного тяжелого боя у нас оказалось много раненых и обмороженных.

На помощь больным, как всегда, пришел Иван Тихонович. Он провел десятки бессонных ночей. Для некоторых, во избежание гангрены, потребовалось хирургическое вмешательство. У Александра Бичева были ампутированы все пальцы на ноге. Тяжело раненному Филиппу Кузнецову пришлось делать расчистку раны и вынимать осколки разрывной пули.

Как ни трудно было, но всех вылечил настойчивый и умелый врач, и все снова вступили в строй для борьбы с врагом. Филипп Кузнецов сейчас пенсионер, а Бичев работает резчиком на Бежицком сталелитейном заводе.

Не был без работы Иван Тихонович и в день освобождения города от оккупантов. Когда мы соединились с частями Красной Армии в поселке Ивот, к нам прибежала плачущая женщина с двухлетним мальчиком на руках. Мальчик корчился от боли и кричал. Оказывается, 16 сентября гитлеровцы, отступая под натиском Красной Армии, угоняли мирное население на запад. В числе угоняемых была и мать этого мальчика. Она попала на немецкую мину и погибла. Окровавленного мальчика подобрала в воронке женщина, которая и принесла его к нашему врачу.

Иван Тихонович вымыл руки, покрыл марлей лицо, взял мальчика из рук женщины и уложил на стол. Ребенок кричал, подтягивая к животику свои израненные ножки. Иван Тихонович ощупал ножки мальчика и обнаружил минные осколки в его теле. Хирургическое вмешательство длилось более часа. Без слез нельзя было смотреть на это нечеловеческое страдание мальчика, но Иван Тихонович со свойственным ему спокойствием делал свое дело. Вынув осколки, забинтовал раны, завернул измученного ребенка в одеяло, взял его на руки и передал женщине, предложив ей завтра же пойти в больницу.

Сейчас Иван Тихонович работает в Москве научным сотрудником одного из медицинских учреждений.

4. ЧЕЛОВЕК КРЕПКИХ НЕРВОВ

Алексей Павлович Глебов был назначен командиром взвода и избран секретарем ротной парторганизации.

Как вожак коммунистов он много сделал по укреплению дисциплины в роте, по повышению бдительности партизан. Часто он пробирался в окрестные деревни и неутомимо вел там разъяснительную работу среди населения.

Как командир взвода он не раз отличался в бою, добровольно вызывался на самые дерзкие операции и всегда добивался победы. Впервые же месяцы партизанской борьбы ему перед строем объявляются благодарности:

- За удачную разведку.
- За обеспечение переправы.
- За обеспечение отряда продовольствием.
- За уничтожение вражеского самолета.

Две роты из Виноградовского отряда — Горбачева и Денисова — перешли железную дорогу Брянск — Рославль, форсировали Десну, пересекли шоссейную дорогу Брянск — Смоленск и вышли в Клетнянские леса. Отряды быстро росли — в них вливалось местное население. Вскоре эти отряды были преобразованы в бригаду имени Чапаева.

В боях, которые вела бригада, взвод Глебова выполнял, как правило, задачи ударной группы.

В мае 1943 года фашисты стали усиленно подтягивать свои силы к Орлу и Курску, все больше стали оседать в бывшем Жирятинском и Клетнянском районах.

Большой фашистский гарнизон разместился в селе Корсики. В его задачу входило сковать действия партизан.

Бригада имени Чапаева решила разбить фашистов в Корейках.

...Уже произведена разведка. Уже бригада собиралась занять исходные позиции для атаки. И вдруг в это время связной доложил комбригу, что крупные силы карателей движутся на бригаду со стороны деревни Меловое.

Надо было, во что бы то ни стало, встретить противника внезапным огнем. Взвод Савкина был срочно направлен в деревню Коростовец, вслед за ним подтягивались остальные силы бригады. Взвод Глебова был выброшен за Коростовец, на опушку леса близ дороги. Глебовцы первые открыли ошеломляющий пулеметный и автоматный огонь по фашистам. Гитлеровцы бросились в паническое бегство, оставив убитых и раненых.

Вскоре враг опомнился и двинулся на партизан. Пока подоспели главные силы бригады, всю тяжесть боя стойко выдерживал взвод Глебова. Вот тяжело ранен Павел Масюков, вот еще кто-то вскрикнул, хватаясь руками за живот... Вот вздрогнул и побледнел Алексей Глебов: разрывной пулей ему раздробило колено левой ноги. Когда он упал, к нему подбежали бойцы.

- Наложите жгут выше колена, — попросил он.

Лицо командира побелело.

- Семен! — позвал он командира первого отделения. — Командуй взводом!

- Есть командовать взводом! — ответил тот.

Глебова и других раненых отправили в Добрую Корну. Там врач Арам Туманян сделал перевязки и дал указание отправить тяжелораненых в лагерь.

Однако бригаде пришлось с тяжелыми боями отступить перед превосходящими силами карателей. Сперва, раненых везли на подводах, но враг все время наседал на нас, мы вынуждены были бросить повозки, а для тяжелораненых сделали носилки. С большим трудом удалось перенести раненых на новую стоянку бригады.

У Глебова к этому времени появились признаки газовой гангрены, требовалось немедленное хирургическое вмешательство, но в партизанском «госпитале» не было никакого инструмента. И все же врач Туманян сумел оперировать, а больной сумел мужественно перенести эту необыкновенную операцию.

Вот как описано это в книге А. Семенова «Шумел сурово Брянский лес».

«В землянку, где лежал раненый, часто заходил Матвей Гузиков. Фельдшер всегда видел одну и ту же картину: на подстилке мечется в жару и кусает губы Глебов, а из угла в угол ходит Арам Аркадьевич, хмурый, похудевший, с воспаленными глазами. Время от времени Туманян запускал пальцы в свою густую шевелюру и останавливался. Однажды он взглядом задержал Матвея и сказал:

- Понимаете, Гузиков, я решился.

- На что, Арам Аркадьевич?

- Ампутировать ногу. И вот хожу и придумываю — как ампутировать, чем? Чувствую, что человек скоро умрет, если я не решусь на эту операцию!

Матвей недоумевал: как можно ампутировать ногу, когда нет хирургических инструментов.

- А об отправке на Большую землю не слышно ничего? — спросил Гузиков, пытаясь отвлечь врача от опасного замысла.

Арам Аркадьевич все ходил по землянке и говорил:

- Мы обязаны спасти ему жизнь. Понимаете, обязаны! Он защищал наше Отечество, не жалея жизни! А мы? Для чего же наша наука, если мы бессильны перед такой несложной операцией? А насчет Большой земли нечего и думать! Какая может быть эвакуация раненых, когда бригада находится в постоянном движении, когда все время идут бои, и мы уже две недели не даем раненым горячей пищи! Будем ампутировать, товарищ Гузиков!

- Но чем? — спросил Матвей.

- Простой, обыкновенной пилой-ножовкой.

Гузиков представил себе, какую должен испытать боль Глебов, когда ему будут резать пилой кость.

Вы не смущайтесь, Матвей Степанович, — продолжал Арам Аркадьевич. — Я знаю, что Глебову будет ужасно больно. Но ведь речь идет о спасении его жизни. Он поймет. У партизан

должно быть сильное сердце и много терпения.

Врач предложил Гузикову взять в хозяйственной роте ножовку, поострее наточить ее и прокипятить.

- А чем мы будем очищать надкостницу?— спросил Матвей в тайной надежде, что Туманян откажется от опасного предприятия.

Но тот спокойно ответил:

— Очистим напильником. Найдите напильник и тоже прокипятите.

Когда «хирургический» инструмент был подготовлен, Туманян приступил к операции. Раненому ввели новокаин, и врач взял пилу. От первого же движения пилы Глебов закачал головой и стиснул зубы. Потом он начал кричать и кричал долго. На лицо ему легла могильная синева, он был весь в липком поту, с искусанных губ стекала кровь. Туманян, казалось, окаменел, его руки двигались точно и размеренно. Когда операция была закончена, он вздохнул и вяло улыбнулся Глебову:

- Ну, вот и все, дружок. Я заканчиваю...

Глебову дали снотворного, он закрыл глаза и затих. Одновременно с ним уснул и усталый врач.

Операция была произведена удачно, у раненого сразу снизилась температура, и он попросил есть. Через несколько дней «великий мученик», как прозвали партизаны Глебова, был самолетом переброшен на Большую землю.

Сперва А. П. Глебов попал в Юхнов. В это время на Большой земле был и командир бригады А. С. Горбачев. Узнав, что в Юхнове его боевой командир взвода, он 12 июня прибыл в госпиталь и вручил партизану-герою два ордена: Красного Знамени и Отечественной войны.

Из Юхнова Глебов был перевезен в Новосибирск, а оттуда, когда нога была вылечена, уехал в Нижний Тагил к семье. Но там на него обрушилось новое горе: он узнал, что его мать и жена умерли. В живых остались крошки-сыновья Виктор и Саша. Полу осиротевшие дети не знали, куда усадить отца, а усевшись у него на коленях, со слезами стали рассказывать о смерти матери и бабушки.

Тяжело, горько было на душе у инвалида. Облокотившись на костыли, он думал: как ему жить дальше, как воспитывать детей?

Тагильский райком партии оказал А. П. Глебову материальную помощь, помог ему вернуться в Бежицу.

Вернувшись, домой, Глебов принял активное участие в восстановлении разрушенного войной города.

Сейчас А. П. Глебов работает на стальзаводе.

ЭТИХ ДНЕЙ НЕ СМОЛКНЕТ СЛАВА, И. С. КОРЕНКОВ, бывший командир роты

1. ВЫХОД В ЛЕС

Наш истребительный батальон представлял единственную воинскую силу в городе, нес его охрану, поддерживал образцовый порядок и активно содействовал эвакуации предприятий.

Одновременно проводилась большая работа по созданию в лесу баз для будущей партизанской деятельности.

В первых числах октября 1941 года, после незначительных боев на пойме Десны, батальон перешел в лес. К батальону присоединилось еще несколько созданных отрядов. Батальон превратился в объединенный партизанский отряд. В его составе находился и наш третий отряд, или рота, командиром которой был я, а комиссаром Иван Борисович Лунин — человек исключительной обаятельности, широкой эрудиции, скромный товарищ.

В лагере нас встречали ранее туда высланные и занимающиеся оборудованием землянок бойцы батальона.

Роты расположились в Карачижско-Крыловской лесной делянке, восточнее поселка Чайковичи, между рекой Болвой и большаком на Жиздру.

Весь наш лесной «массив» был не более четырех, максимум пяти километров в любом направлении, а лежал он в десяти километрах от Бежицы.

Все мы от рядовых партизан до командиров и комиссаров, понимая, что идем на тяжелые дела, смутно представляли реальные условия партизанской борьбы в тылу врага.

Что греха таить, обстановка была гнетущая — горели взорванные объекты, армия, как нам казалось, отходит без настоящих боев, а немецкие полчища нависли темной тучей от горизонта до горизонта.

Земля стонала от раздирающих ее грудь и кромсающих ее тело взрывов бомб и снарядов, лежала истоптанная и израненная гусеницами и колесами, коваными копытами просто животных и коваными сапогами «двуногих озверевших животных» — немецко-фашистских захватчиков.

Боль и злость делали партизан замкнутыми и как-то сразу постаревшими, нет-нет, да и слышался тяжкий вздох от груза, давящего плечи, и лихой беды, надвинувшейся на родной край.

О чем говорили между собою партизаны, уходя в неведомые партизанские дали?

Звучали и несерьезные слова бахвальства неискушенных: мы, мол, зададим им такого жару, что сами удерут к себе в Германию; слышались и упреки за то, что оказались застигнутыми врасплох. Большинство партизан, болезненно переживая события, говорили, что с такой лавиной сразу не справишься, что придется дорого заплатить за шапкозакидательство, но что теперь не время копать свершившееся, а нужно всем стеной становиться против врага и стоять насмерть, как бы ни было тяжело, чтобы избежать порабощения, как при нашествии татаро-монгольских полчищ; вспоминали нашествие Наполеона и как громили французов первые русские партизаны; вспоминали партизанские дела в годы интервенции и гражданской войны, и как не страшны, казались события, верили в силу и несокрушимость Советского народа, в силу своей социалистической Родины. Так начинались наши боевые будни с походами и боями, успехами и поражениями, будни тяжелой партизанской борьбы против немецко-фашистских захватчиков.

Осень стояла на редкость теплая и сухая. Листья с деревьев еще не опали, кустарник не оголился, и наши землянки трудно было заметить. Порядки в лагере царили строгие — запрещалось шуметь, даже кашлять открыто не разрешалось. Однако через день-два все в лагере кипело, появились тропы и дорожки, как-то сами собой оголились землянки. Одни группы возвращались, другие уходили в разведку во все концы, сведения поступали неутешительные.

Немецкая армия лавиной двигалась на Москву, фронт уходил все дальше и дальше на восток, и мы оказались в глубоком тылу противника без связи с Красной Армией и Большой землей.

Не успели мы по-настоящему развернуть боевую деятельность, как нам самим был нанесен жестокий и коварный удар руками продажных полицейских и предателя, знавшего расположение одной из наших рот.

2. ЗАЖИВО ПОГРЕБЕННЫЕ

Из роты Климова остался в Бежице ранивший себя в руку некий Латышев, который ездил раньше в лес, строил ротную землянку. Через несколько дней к этой землянке он привел немцев.

Произошло это уже в 9—10 часов утра. Помню, мы с комиссаром Луниным обошли посты, присели около землянки и обсуждали дела отряда. Вдруг в стороне от нас поднялась беспорядочная стрельба. Мы тотчас заняли оборону и усилили посты, а в направлении места, где шла стрельба, послали разведку из пяти человек под командованием помкомроты Савельева. Два партизана были посланы в штаб для связи.

Прошло около 30—40 минут, стрельба продолжалась, а что там творится — никому не известно.

Договорившись с Луниным, что он возьмет на себя охрану ротной базы, я с двумя взводами поспешил к месту боя.

Пробежав по лесу с километр, мы почувствовали, что пули долетают и до нас. Развернувшись цепью, мы уже перебегали более осторожно. Встретившийся связной Колесников, посланный Савельевым, сообщил, что бой идет у землянки роты Климова.

Левее нас показалась группа партизан роты Гудакова. Гудаков тоже обстановки не знал.

Продвинувшись еще с полкилометра, мы попали под огонь немецкого прикрытия, которое стало поспешно отходить. Сперва мы залегли, а потом бросились вперед.

Когда мы подбежали к землянке Климова, там уже все было кончено.

Оказывается, приведенные предателем немцы и полицейские окружили землянку и напали так неожиданно, что никто не мог выскочить оттуда.

Долго немцы и полицейские требовали от закупоренных в землянке партизан сложить оружие и сдаться, но партизаны отстреливались до последней минуты.

Немцы и полицейские, не добившись от партизан сдачи, сбросили в землянку три ящика с

бутылками самовоспламеняющейся жидкости «кс», закрыли вход и стали засыпать землей.

В этот момент взвилась и полетела ввысь песня заживо погребенных:

Врагу по сдается наш гордый «Варяг»,

Пощады никто не желает...

Песня вырывалась с клубами дыма и заглушала выстрелы. Это было так поразительно, что даже немцы растерялись и прекратили стрельбу, а полицейские в ужасе пятились от землянки, точно песня могла взорваться страшной бомбой и похоронить не партизан, а их, предателей.

Так героически погибло двенадцать партизан во главе с командиром роты Климовым,

Пусть они не сокрушали вражеских рядов, пусть никто из них не закрыл грудью амбразуру дота противника, но разве они не герои, перед прахом которых должен поклониться любой? «Вечная память», — шептали мы над их трупами и клялись беспощадно мстить озверевшим гитлеровцам.

Страшная ненависть разгорелась в наших сердцах и к отродью рода человечества — предателям типа Латышева, повешенного позже в Бежице.

Партизаны лавиной ринулись преследовать противника, который, сделав свое кровавое дело, трусливо удирает из леса.

Назавтра с утра все роты заняли уже планомерную оборону со стороны Шибенца, ожидая отсюда нового нападения. Однако немцы ограничились воздушной разведкой и нападения не повторили.

Для командно-политического состава стало ясно, что нужно усилить охрану лагеря, организовать связь и взаимодействие между ротами.

3. ПОХОД К РЕССЕТЕ

Через несколько дней после гибели Климова и его товарищей нашей роте было дано задание, совершить поход в Батаговские леса и уничтожить оставленную советскими войсками технику и имущество, чтобы они не достались противнику.

Поход предстоял большой, рассчитанный на несколько дней, поэтому физически более слабые партизаны были оставлены охранять ротную базу.

Жиздринский большак и железную дорогу Брянск—Вязьма перешли на рассвете, движения по ним немцев еще не было; известно, что немцы передвигались по захваченной территории, как правило, часов с 8—9 утра, темноты боялись, как черт ладана.

Когда же по опушкам леса и мелкому кустарнику вышли к железной дороге Брянск—Москва, было три часа дня. На полотне дороги понуро трудились рабочие под усиленной охраной.

Вступать в бой не сочли благоразумным: все равно не прорвались бы. Долго шли по лесу вдоль дороги, пока не встретили железнодорожную трубу для прохода вешних вод; там и работающих с охраной близко не было.

Пришлось открытую полосу перед насыпью переползать, пролезать через трубу и снова ползти до кустарника, буквально в полукилометре от немцев.

Как ни маскировались, но немецкая охрана заметила нескольких товарищей и обстреляла. За кого они нас приняли — то ли за бродячих окруженцев, то ли за сбежавших рабочих, — во всяком случае, тревоги у них не поднялось, стреляли они, видимо, больше для собственного успокоения, и мы благополучно ушли.

За станцией Батогово, на реке Рессете, куда мы пришли, в свое время, видимо, вел жестокие бои с немцами наш советский артиллерийский полк, пока не погиб почти полностью.

Много лежало трупов наших советских воинов, очень много, но немцами было буквально завалено все плато у реки, все было изуродовано, искорежено. Картина, прямо скажем, жуткая, в дрожь бросало.

Добывать там было почти нечего, все было добыто в бою. Далеко в стороне, в кустах, заметили грузовую машину, быстро подожгли ее, а потом кто-то из партизан заметил застрявший на проселочной дороге, точнее, в гати, немецкий трактор с оборванной гусеницей. Влепили и ему пару бутылок «кс», и он запылал, как факел.

Продвигаясь вдоль реки, мы прошли километров пять, углубились в лес. Наступила ночь, и мы расположились на ночевку.

Рано утром двинулись в направлении Хвастович, но когда наша разведка подошла, кажется, к деревне Пиневицы, там была поднята тревога и стрельба, подозрительно быстро показалось несколько машин с войсками, мчавшихся со стороны Хвастович.

Не успели мы отойти по лесу и двух километров, как над нами стал кружиться самолет-

разведчик, а через 10—15 минут на бреющем полете, чуть не задев деревья, пролетело три немецких самолета типа тяжелых истребителей, обстреливая опушку леса из пулеметов.

Стало ясно, что наше расположение немцы засекли, точно, мы спешно двинулись в обратный путь. Мы решили возвращаться другим маршрутом, чтобы избежать возможных засад немцев, и пошли значительно ближе к Брянску и Бежице, считая, что здесь враг никак не догадается нас встречать.

Поход с полной боевой выкладкой, даже по хорошим дорогам на 30—40 километров—тяжелое испытание сил, а мы шли по лесу, кустарнику, болотам, кочкам, канавам, да рытвинам, и люди выбились окончательно из сил.

Пришлось, выбрав погуще рощицу, затаиться в ней и дать партизанам отдых. На своей родной земле мы вынуждены были прятаться и на каждом шагу ждать неожиданного удара.

Внешне казалось все растоптанным, задавленным, и жители, попавшие в оккупацию, казалось, если не поддерживают немцев, то смирились с горькой судьбой.

Нужен был очень глубокий и внимательный взгляд, чтобы проникнуть в думы простого советского человека, в ту тяжелую внутреннюю борьбу и кипящую ненависть к захватчикам.

По этому случаю вспоминается такой эпизод. Выдвинувшись с несколькими партизанами на опушку леса, мы увидели мужчину, нагружавшего сено. Отдав автомат, гранаты и кобуру, спрятав пистолет в карман, я подошел к нему. Это был худощавый, седой и согбенный годами старик лет семидесяти.

Поздоровавшись с дедом, я стал расспрашивать, есть ли близко немцы, какой виднеется поселок. И что-то еще в этом роде. Дед пожевал губами; видно, зубов у него не было, а потом и спрашивает; «Ты что же, не из окруженцев ли будешь?». Я поддержал его предположение, тем более что форма у меня была военная, да и так легче было не выдать себя. «Видать, из начальников, — продолжал допрашивать меня дед, — а куда же теперь тикаешь, а?»

Мои слова, что, мол, вот брежу, а сам не знаю куда, деда окончательно взорвали, он впился в меня злыми глазами, затряс бороденкой, сплюнул раза два и понес меня честить, на чем свет стоит. Его злоба настолько показалась подозрительной, что я невольно нащупал пистолет, думая, что дед чего доброго всадит вилы в живот.

А дед, продолжая сверлить меня глазами, злобно спрашивал:

- Так значит тикаешь? Отвоевался? Ищешь теперь нору, куда бы нырнуть, как тот премудрый пескарь, да? Мужик ты ладный, смотришь, какая-нибудь дуреха и примет в зятя, вот и будешь воевать на печке. Никуда ты, малый, не попадешь, а быть тебе лакеем или, как его, холуем у немецких господ-офицеров, и будут они чистить тебя по рылу, как пса бездомного, да еще пятки лизать заставят...

Это было уже чересчур, и я вспылел, забыв свою роль. Моя вспышка деда почему-то не напугала, и он продолжал ехидно поддевать, как говорится, под девятое ребро.

Молодой ты малый и ой как зеленый, и как такого в армию взяли. Поставили сопляков командовать, а они увидели немцев и давай кричать караул! Вот, небось, и ты как увидел немцев, так не команды тебе было подавать подчиненным, а в пору кричать - мама, и дух от тебя, наверно, был тяжелый. Э-эх, комса ты комса несчастная. Дали вам волю, дуракам желторотым, вот вы и занеслись выше небес, а на проверку выходит, что батьками завоеванное удержать не можете. И ни стыда, и ни совести, побросали баб да детишек, да таких, как я, старых корчей, а самих и Ванькой звать.

И надо же было ему угораздить про Ваньку, не знал дед, что перед ним стоит красный, как рак, Иван. А разговор чем дальше, тем сильнее распялял деда.

Увлечшись, он особенно нажимал на кличку «комса несчастная», которая-де слова не давала сказать старикам на сходках, потеряла к старикам уважение.

- Ну, — говорю, — хватит, вы всех вот оплевали, видно, здорово насолила вам Советская власть.

Дед насупился, точно собирался бодаться со мною, и говорит:

- Иди-ка ты, дурная голова, своей дорогой, а то и впрямь пырну вилами в бок. Мне Советская власть солила как раз неплохо, так что ни разу не подавился. Я с малых лет батрачил да скот пас при царе, дура ты стоеросовая, а при Советской власти я человеком стал, и ты мне не замай Советскую власть.

Долго дед полоскал меня и вдоль и поперек, вначале поднималось на него озлобление, но затем постепенно стало щемить душу, точно я сам, как говорил дед, бросил корень всей своей жизни, забыл свой род и немцу в пасть сунул беззащитных женщин, детей и его, немощного старика.

А дед, постепенно меняя тон, напутствовал:

- Ты вот что, милоч, поищи-ка добрых людей в лесу, так и Россию-матушку не осрамишь, и уж если и погибнешь, так не дурацкой смертью, а как умирали за свою землю наши, да и твои отцы. — Помолчав, старик заговорил еще мягче: — Скажу прямо, напрасно вы запутались супостата, на испуг он любит брать, но посмотришь, подавится он нашей земелькой, кишка тонка у их благородия немецких господчиков. Найдутся у нас Кутузовы и заткнут Гитлера за голенище, как тот когда-то Бунопартишку — мусью французского заткнул за голенище, и прозвали его Голенищев, вот так-то вот.

В это время мне стали из леса махать оставленные там партизаны, дед заметил, загадочно усмехнулся и говорит:

- А что же это немцы брехали, будто они всех партизан перебили?

Как он догадался, что я партизан, а не окруженец, я так и не додумался, но заверил деда, что родную землю мы не забыли, не оставим врагу.

Попрощался я с дедом как с родным, и стало легче на душе от его слов.

Иду и думаю: «Вот так дед, а ведь простой человек, вряд ли даже и газеты читает, а твердости духа хватит на десятерых».

Вернувшись из столь своеобразной разведки (впрочем, дед подробно и толково рассказал, где и сколько примерно немцев, где, сколько и кто подался в полицию), мы долго потом вспоминали ее подробности с Иваном Борисовичем.

Быстро наступил вечер. Переменив на всякий случай расположение и выставив посты, мы заночевали в лесу.

Рано утром, воспользовавшись предрассветной мглой, мы пересекли железную дорогу Брянск — Москва, не забыв разболтить несколько стыков рельсов и заложить самодельную мину. Пересекли железную дорогу Брянск-Вязьма, тоже разболтав несколько стыков рельсов (мин больше не было); на разъезде Пунка обнаружили две цистерны с бензином, проббили их, и бензин хлынул на землю. Оставили засаду, чтобы кто-нибудь не перекрыл отверстия в цистернах, и скрытно двинулись на большак. Там, южнее поселка Орловские Дворики, устроили вторую засаду. Часов до десяти никакого движения не было, затем пошли крупные воинские части, ввязываться с которыми в бой мы не могли.

Затем снова замерло движение на весь день, стал накрапывать дождь. Но вот под вечер послышался стук мотора. Не доходя до нас, остановилась машина.

На большаке показался немецкий офицер, который шел в нашу сторону с автоматом на груди.

Заметив кого-то из нас, он резко бросился в сторону, залег и с криком «хальт, хальт» застрочил из автомата.

Я подал команду «огонь».

Изрешеченный пулями немец оказался лейтенантом с двумя железными крестами и петлицами «СС». Забрав документы, офицерскую форму и оружие, мы сразу же обнаружили на большаке, за поворотом, пустую машину, и подожгли ее.

Быстро сгущались сумерки, а когда хлынул сильный дождь, стало совсем темно.

Пришлось собраться в колонну и буквально держаться друг за друга. Ям, колдобин не обходили, т. к. не видели их. Когда кто-то падал, все останавливались, поднимали или вытаскивали его из ямы или болотной топи и скова брели за направляющим.

Все так промокли, что на дождь уже не обращали внимания. Но как ни плутали, а вышли почти к самой своей землянке, и мы долго потом смеялись, что Колесников и Зинов шли по запаху.

А ввалившись в землянку, мы и впрямь точно в рай попали — посбрасывали все мокрое и набросились на горячий ужин.

Вкуснее еды, как после мытарства, похода, да еще холодной купели, видимо, не бывает на свете.

Офицерскую форму с железными крестами и петлицами «СС» затем не раз партизаны использовали для проникновения в лагерь противника, и особенно для расправы с полицией.

Автомат немецкого офицера мы от имени всех партизан подарили всеобщему любимцу — нашему врачу Ивану Батюнину, взяв с него клятву, что он больше не будет лезть сам в пекло, что являлось его страстью, а будет только врачевать нашего брата.

Из захваченных документов было видно, что немецкий лейтенант направлялся в Верхи и Орловские Дворики для координации действий по подготовке и проведению карательной экспедиции на партизан, в частности, на наше расположение. Это встревожило наш штаб, тем более что лагерь наш был, уязвим со всех сторон.

Александр Иванович Виноградов с ротами Шпадырева и Гудакова спешно ушел в Соколовскую

дачу готовить новый лагерь.

4. ПРОЩАЙ, КРЫЛОВСКИЙ ЛЕС!

Стало известно о разгроме соседнего небольшого партизанского отряда и гибели его командира Михаила Кошелева.

В ответ на это силами почти объединенного отряда был совершен налет на большак, по которому немцы гнали пленных. Перебив конвоиров, партизаны освободили около 500 человек.

Наша рота прикрывала операцию со стороны поселка Урицкий.

Пленные разбежались по лесу, очень многие просились к нам в отряд, но командование принимать новых людей запретило.

Дерзкую по замыслу и скоротечности боя операцию совершил отряд Горбачева, открыто, днем выскочив на большак и разбив несколько немецких машин, нагруженных посылками, отправляемыми фашистами своим фруа в Германию.

Пока немцы опомнились, партизан и след простыл, машины догорали, а посылки с русским добром пошли по законному своему назначению — к партизанам.

Немцы стали стягивать силы и обложили лагерь со всех сторон, выходы из леса были все закрыты. Утром 5 ноября немцы повели наступление вдоль просеки от большака прямо на землянку Городищенского отряда, которым командовал Мирошкин.

Партизаны не растерялись и встретили непрошенных гостей огнем, особенно досталось оккупантам от кинжального огня станкового пулемета.

Немцы залегли, вначале даже попятнулись назад, но потом стали подтягивать все новые и новые силы. Бой закипел по всему лагерю.

Быстро заняв оборону, вступила в сражение и наша рота. Комиссар Лунин по моей просьбе сам пошел в штаб выяснить обстановку. Вернувшись, Иван Борисович рассказал, что ожидается нападение от Чайкович и что нашей роте приказано, выдвинувшись в сторону Чайкович, занять оборону и остановить противника.

Развернувшись, мы двинулись по заданному направлению, вышли на опушку леса, однако немцев здесь не было.

Направили разведку и вправо и влево по опушке леса, вдоль Болвы. В конце концов, мы убедились, что со стороны Чайкович нападать немцы не собираются.

Послали с донесением двух партизан, прошел час, два, а они не возвращаются. Послали еще троих (помню, старшим пошел Зинов — и тоже как в воду канул), послали командира взвода Демина с двумя или тремя партизанами — и эти не вернулись, а бой, слышим, гремит.

Что делать? Решил идти Лунин с группой партизан и лично разобраться во всем.

Возвращается Иван Борисович злой и ведет всех наших посыльных. Оказывается, их заставили оборонять штаб, а про нас, собираясь уходить в новый лагерь, впопыхах совсем забыли.

Вернувшись в лагерь, рота повела наступление вдоль просеки и столкнулась с наступающим противником. На наше счастье мы успели первыми залечь и открыть огонь, противник тоже залег, и завязался бой.

Через час — полтора подошел Горбачев со своим отрядом, затем подошел со своей ротой и Смертин. Дело сразу пошло веселее, и противник ослабил нажим.

Быстро темнело, и немцы стали отходить, прикрываясь сильным огнем.

Бой затих, и роты разошлись по своим землянкам. Отряд вышел из боя и на этот раз с небольшими потерями, во всяком случае, немцы потеряли без преувеличения раз в двадцать больше нашего.

Приготовив кое-как пищу, подкрепились за весь день и по команде штаба стали готовиться к переходу в новый лагерь.

Землянки заминировали, продукты, которые не могли поднять, зарыли и замаскировали.

Торопились мы невероятно, и около трех часов ночи под шестое ноября вышли с обжитых мест.

Пользуясь темнотой, форсировали Болву, переплывая ее на плотках и нескольких лодках. Суетни было, конечно, много, но никто в воду не угодил, и противник нас не обнаружил.

Шли медленно, нагруженные мешками с продуктами, рассвет застал отряд вытянувшимся километра на три, шли кустарником, оврагами, лощинами и, конечно, опасались быть замеченными с самолетов.

На наше счастье противник по-прежнему блокировал старый лагерь, который мы покинули и где

остались только отряды Горбачева и Денисова. Последние были вынуждены тоже уйти в сторону и затаиться.

Немцы утром ворвались в лагерь большими силами, разрушили землянки, а на некоторых сами взорвались, опустошили все и ушли. Это, однако, их нисколько не образумило: они громогласно уже второй раз объявили о полном разгроме и полнейшем уничтожении всех партизан.

Пришли мы в новый лагерь — в Соколовскую дачу уже ночью, встречали нас партизаны, пришедшие туда раньше, и сам Александр Иванович Виноградов.

Партизаны буквально валились с ног от усталости.

Назавтра новый лагерь кипел работой — рыли ротные землянки, рубили срубы, обсыпая их землей.

Теперь уже землянки делали большие и не погребам, как раньше, а в холмах с траншейными входами и выходами. Через несколько дней мы капитально здесь обосновались. Этот лагерь — в трехугольнике деревень Можель, Липово и озеро Круглое — остался основным до конца партизанской борьбы.

Невольно вспоминается наша первая партизанская баня. Прошло больше месяца, как мы вышли из города, да и в городе последние дни было не до бани, а в лесу партизаны вовсе подзаконали.

Устроили мы нечто похожее на огромный шалаш, набросали на промерзшую землю еловых сучьев с лапками, поставили две бочки — вот и баня вся.

Хочешь - мойся, хочешь - парься ветерком. Рядом разожгли костры и грели воду. Ну, и пошла потеха. Горячей воды хоть отбавляй, валяй, окатывай вволю друг друга да натирай задубевшие спины.

Многим так понравилось, что их приходилось из импровизированной бани выставлять силой.

Некоторые вначале не решались подвергнуть себя такой «экзекуции», подолгу стояли, мялись, переступая с ноги на ногу, но из бани, если позволено будет так назвать наше сооружение, в котором ветер гулял всюду, да снег таял под еловыми сучьями, раздавалось такое заразительное уханье и оханье, кряхтенье и смех, искушение было так велико, что стоит такой «мерзляк», затем махнет рукой: «Эх, была, не была!», сбросит обмундирование и нырнет в баню, а через пару минут и он уже ухает и требует поддать пару.

Позже мы потом не раз мылись в самых различных деревенских банях, но такого блаженства уже не испытывали.

...А через несколько дней пришли в новый лагерь отряды Горбачева и Денисова.

5. ДОМАШОВСКИЙ ОТРЯД И ЛИКВИДАЦИЯ ЗМЕИНОГО КЛУБКА

Примерно в середине декабря 1941 года А. И. Виноградов предложил командование ротой передать В. П. Дурневу, так как мне поручают другую работу.

Я получил задание отправиться в село Домашово, организовать там и возглавить партизанский отряд.

В этом селе я уже был с Горбачевым и имел связь с двумя товарищами, попавшими в окружение и ставшими затем моими первыми помощниками. Это были Николай Васильевич Ерохин и Николай Сергеевич Гришин.

С их активной помощью велась организация мелких групп, а затем объединение групп в партизанский Домашовский отряд. Набрал силы, отряд стал подлинным хозяином этого большого села.

Сложность организации и борьбы домашовских партизан определялась наличием сильного агентурного гнезда гестапо, свитого в селе и возглавляемого матерым немецким прихвостнем старостой Кузнецовым, по кличке Дюбчонок.

С отпущенной благообразной бородкой он чем-то напоминал купца-старовера, готового торговать с кем попало, как и чем попало, вплоть до чести своих родных, лишь бы прикопить лишнюю сотню.

Кузнецову и его агентуре удалось нащупать расположение партизанского отряда.

В декабре 1941 года немецкое командование предприняло карательную экспедицию против партизанского отряда Виноградова. Карательный отряд двинулся в наступление на Круглое озеро и захватил там, в плен партизанок Симу Кричевскую и Лену Яник. Пыткой немецкие каратели хотели заставить комсомолок предать своих товарищей.

В небольшой деревушке Липове, в которой остались одни женщины, старики да дети, немцы

проявили «чудеса храбрости и отваги»: на глазах у запуганных жителей расстреляли Симу Кричевскую и Лену Яник, вволю поиздевавшись над немощными стариками и женщинами, сожгли все дома и ушли, так и не рискнув сунуться к партизанам.

Впрочем, это не помешало им, затем хвастливо объявить, что ими якобы полностью, наголову, окончательно и бесповоротно разгромлены все брянские партизаны.

Как позже стало известно, вели эту карательную экспедицию домашовский староста Кузнецов и его помощник Бежаков Илья.

Естественно, партизанский отряд после столь «полного уничтожения» усилил удары по немецким коммуникациям, организовал охоту на Кузнецова и его помощников, а командир роты, Дурнев с группой партизан днем ворвался в полицейскую управу и перебил всех полицейских буквально, как говорится, под носом у немцев.

Немцы и полицейские укрылись в крупных гарнизонах, и снова полетели приказы уничтожить партизанский отряд. Кузнецов уже боялся показываться в зоне досягаемости партизан, и все дела взял ка себя Бежаков. Гестапо потребовало от него данных о партизанах, и он заставил свою жену, дочь и сына вместе с другими тайными агентами разыскать пути и тропы в партизанский лагерь.

В селе Домашово продолжала тайно скрываться и орудовать жена старосты Ефимия Кузнецова. Эта Дюбчиха и Бежаков были пойманы с поличными и расстреляны.

Надо было поймать жену, дочь и сына Бежакова, успевших укрыться в Сельце. Стало известно, что дочь Бежакова под вымышленной фамилией, с подложными документами пробралась в один из партизанских отрядов, разоблачена там и кое-что рассказала, в том числе и то, что она должна была опутать командира и как своего любимого жениха привезти его за «благодарением родителей» прямо в руки полиции.

А. И. Виноградов, рассказывая это, стал вспоминать, как он играл на сцене, в каких ролях выступал удачно, и закончил свою мысль, что если бы не поторопились расстрелять эту гадюку, нашлись бы и у нас молодцы, которые сумели бы так сыграть роль жениха, что весь змеиный клубок вместе со своим главарем оказался бы в наших руках.

И все же мы ухватились за эту мысль.

Партизаны Николай Ерохин и Петр Цуканов взялись переиграть и перехитрить старосту и Бежачиху, которая объявила себя старостихой. Самого старосты в Сельце не оказалось, он надолго уехал в Брянск.

Находясь под охраной полиции и немецкого гарнизона, эта ведьма, если уж разгадает наш замысел, то не только не выпустит живьем, а сдерет шкуру с наших посланцев, да несдобровать тогда всему селу Домашову. Однако взять ее нужно было любой ценой, так как она и ее придурковатый сын знали все наши тропы.

— Вот чертово семейство, — говорил пожилой партизан Петр Цуканов, — ведь жили же, как все, неплохо работали в колхозе, правда, держались как-то замкнуто, отчужденно, но разве тогда можно было подумать, что они превратите?! в таких ненавистников и предателей своего народа,

В нашем представлении героизм — броситься грудью на пулемет дота или умереть под пытками, не выдав военной тайны, и т. п. А вот как назовешь поступок партизан, отлично сознающих, что малейшее подозрение — и их замучают, растерзают, будут глумиться даже над их трупами, и все-таки поехавших в самое логово врага.

Мне тогда казалась наша затея слишком рискованной и опасной, и невозможно передать, тем более теперь, как было тяжело посылать товарищей почти на верную смерть. Но другого выхода не было.

План был построен, если хотите, на игре, на артистических способностях участников этой смертельной игры, на своеобразном варианте воплощения идеи, высказанной Александром Ивановичем Виноградовым.

Поехали наши партизаны без оружия, поехали прямо открыто, днем, рассчитывая только на свою смекалку, на твердость своего духа, поехали потому, что этого требовали тяжелая обстановка и нависшая угроза над всеми отрядами.

Ввалившихся гостей Бежачиха встретила настроенно, но не выгнала и полицейским не сообщила — уж больно миролюбивый вид был у наших посланцев. А нашим героям только того и нужно было, и они приступили к «сватовству». Позже мы буквально падали со смеху, когда эту сцену повторяли для нас наши «артисты».

Бежачиха пыталась их уличить, упорно требовала, чтобы сначала приехала сама дочь, а там-де их воля, родители мешать не будут и т. п. Ну, а как ей показать дочь, которой уже нет в живых? И Ерохин пускает в ход последний козырь. Незаметно отзывает в сторону и тихо говорит старухе:

— Дочь просила передать, что жених ей не совсем доверяет и к родным поедет только после того, как они приедут на свадьбу.

То ли слова, то ли сам заговорщический вид убедили Бежачиху, но она даже одернула чурбана сына, который бубнил что-то ей.

Она как-то вдруг всему поверила, нетерпеливо засуетилась и поспешно собралась в дорогу, захватив дары своему чаду и новоявленному зятю. На собственном рысаче примчалась Бежачиха вместе с сыном в Домашово.

Село Домашово очень близко располагалось к немецким гарнизонам, и мы оберегали его всячески, поэтому, как ни неприятно, а пришлось мне разыгрывать роль жениха, влюбленного в дочь Бежачихи, которую никогда даже в глаза не видел.

Играл я наверняка неуклюже, однако главные «артисты» даже сумели это повернуть в пользу «жениха», нашептывая ей, что он очень скромный, стесняется, страшно боится не понравиться теще...

Впрочем, что она думала, аллах ее знает. Может быть, и она прикидывалась и играла, но внешне все шло мирно.

Только сынок её все требовал водки, делая это трусливо, чтобы не заметила мать. Где-то нашлось и это зелье, и его угостили так, что он вышел из игры.

«Теща» со слезами умиления слушала клятву «будущего зятя» — горячо любить, носить на руках, чуть ли не молиться на дочь. Пробовала переходить на интимно - игривый разговор, хитрыми вопросам и всячески вытягивала все подробности отношений с дочерью — не преступили ли закон божий до родительского благословения и т.д.

Очевидно, она опасалась, как бы ее дражайшая дочурка не забылась и не переиграла свою роль. Нужно было видеть, как эта старая ведьма, услышав, что дочь строго соблюдает закон божий и ждет материнского благословения, даже прослезилась, расхваливая дочь, похвалила за примерность поведения и троекратно облобызала своего «будущего зятя».

Погрузились мы на подводы и торжественно поехали «к невесте». «Теща» так увлеклась, что стала демонстрировать качества своего рысача, и, надо прямо сказать, наездник из нее вышел бы неплохой.

Глаза ее разгорелись, как у хищника, от всей ее натуры веяло какой-то дикой жадностью, стяжательством потерявшего здравый рассудок хапуги. Увлечшись перспективой разбогатеть, она стала даже шептать своему «будущему зятю», что теперь вот война кончится, и если он будет умницей и будет слушать родителей и беречь жену, то будет жить чуть ли не как у Христа за пазухой.

Это было так оскорбительно, что «зять» чуть ли не испортил всю игру, заерзав, как ужаленный, благо Ерохин, сидевший вместе на санках, начал что-то каламбурить и разрядил обстановку.

Приехали в деревню Липово. «Невесты» там, естественно, не оказалось, и «теща» начала нервничать, может быть, стала догадываться, что попала в ловушку, но вида не показывала, чувствовалось, что храбрится через силу.

«Жених» для пущего вида тоже нервничал, что нет «невесты», и вскоре поехал за нею. Дело в том, что привозить, кого бы то ни было в лагерь отряда - без разрешения А. И. Виноградова категорически было запрещено.

Прибыв в штаб, я доложил А. И. Виноградову о захвате старостихи с сыном. По словам Александра Ивановича, мы у врага вырвали глаза, уши и щупальца.

Получив указание, я вернулся в деревню Липово и, сбросив маску «жениха», начал допрос. Бежачиха металась, как затравленная волчица.

Зачитали приговор — и предатели были расстреляны.

Змеиный клубок был не только распутан, но и уничтожен, правда, главный змей этого клубка — Кузнецов уполз и затаился, но, лишенный своих щупалец-агентов, он уже не представлял особой угрозы.

ОСТАЕМСЯ В ТЫЛУ ВРАГА

Д. Г. ПУКЛИН,

бывший командир роты

Конец июля 1941 года. Усиленно эвакуируется сталелитейный завод. Подается эшелон за эшелон. Работаем день и ночь. «Не оставить врагу ни одного гвоздя» — таков наш девиз. Мартеновцы, железнодорожники закапывают неотправленные слитки стали. Копровики снимают

мостовые краны, литейщики грузят в вагоны оснастку, ремонтники бережно упаковывают станки — и все это направляется в глубокий тыл.

Враг приближался к Бежице.

Как-то после работы меня с группой сталелитейщиков вызвали в горком. Нас встретил секретарь горкома партии Луканов. Он поздоровался, поинтересовался ходом работ, нашим самочувствием, затем коротко рассказал о военных действиях на фронтах Отечественной войны, о том, что фашисты форсированным маршем продвигаются в глубь страны и уже находятся под Смоленском. «Куда же он клонит? — думали мы, — не затем же он вызвал нас ночью, чтоб узнать, каково наше самочувствие. Скорей бы уж говорил о главном?» — мысленно торопили мы Луканова, и он не заставил себя долго ждать.

Есть мнение горкома, — сказал он, — оставить вас в тылу врага для организации партизанской борьбы с фашистскими захватчиками.

Он поочередно посмотрел на каждого из нас, прошелся по кабинету, закурил. Вдали, в направлении Брянска, слышались разрывы бомб.

Бомбят, варвары, мирные города бомбят! — Луканов энергично затащился дымом, продолжил: — Итак, кто хочет остаться в партизанах, прошу сдать партийные билеты.

Все присутствующие пожелали остаться в родных местах, чтобы бить заклятого неприятеля. Бывший заместитель начальника железнодорожного цеха Кустарев, подавая красную книжку секретарю, сказал:

Я давно ношу партийный билет и храню его возле сердца. Прошу сберечь. А в том, что вы скоро вернете его мне, я уверен.

Группа коммунистов и беспартийных, вызванная в ту ночь в горком, и была тем ядром, вокруг которого создавался партизанский отряд Бежицкого сталелитейного завода.

В скором времени было определено, что наш отряд должен дислоцироваться в Улемльской даче Жиздринского района. Для ознакомления с участком группа партизан выехала на место будущей стоянки. Директор лесхоза Иван Титович Догадаев познакомил нас с лесами, местностью, показал этот район на карте.

Вот, товарищи, и все, — он немного помолчал и добавил: — Просьба у меня. В 69-м квартале живут лоси — две матки, два телка и отец... красавец... Так вы их не того, — и он сделал жест рукой, который сказал то, чего не мог выразить в словах Иван Титович Догадаев.

...В сентябре наш отряд насчитывал уже около ста человек. Командиром был назначен я, политруком И. В. Павловский. Почти ежедневно мы направляли своих партизан в тыл врага для организации диверсионной работы. Так были направлены группы во главе с Киреевым, Орешиним, Петровым. Позже было установлено, что группы Киреева и Орешина погибли в боях с фашистами в Клетнянском районе.

В те дни мы еще находились в городе и готовились к выходу в лес.

8 октября, около трех часов ночи, меня и Павловского срочно вызвали в горком партии. Нас встретили заведующий отделом ГК КПСС и двое военных.

- Ну, братцы, отчаливайте да побыстрее: немцы в Брянске.

Мы быстро погрузили свои пожитки на старую - престарую трехтонку, взяли курс на Фокино. Миновав Чайковичи, грузовик спустился к мельнице, но на подъеме заглох и стал как вкопанный.

Пробило прокладку, — сказал шофер и вылез из кабины. — Вы откручивайте крышку блока, а я пошукаю в кустах. Техники тут до черта, может, и найдется какой-либо драндулет.

Мы быстро сняли крышку блока и стали ждать шофера. Но он так и не появился, видно, струсил и убежал. Пришлось раздать партизанам оружие, боеприпасы и другое имущество и пешком продвигаться дальше. По дороге нас нагнала группа солдат. Офицер окликнул ребят.

— Торопись, хлопцы, фашисты в Бежице.

— Пройдя километров пять, мы встретили полторку. Газик стал. Из кабины высунулся шофер Самойленко.

- Еду из-под Хвастович в Бежицу. Подрывники, говорят, остались там, захватить нужно.

Ребята его разуверили:

- Последними вышли из города, гитлеровцы там. Может, к ним на блины...

Самойленко развернул машину.

- Грузи, хлопцы, свое барахло! Поедем вместе немца бить!..

Но попользоваться машиной нам пришлось считанные часы. Едва свернули с Жиздринского большака в лес, чтобы добраться до землянки, как наткнулись на завал.

Поворачивай оглобли — и к леснику. Он нам враз обстановку разобъяснит, — посоветовал

Павловский.

Ну что ж, к леснику, так к леснику, — согласился я. — Разворачивай, Самойленко, свой «самокат».

Едва машина сделала разворот, как раздался сильный взрыв. Он так неожиданно грохнул и перепугал нас, что мы долго не могли прийти в себя. Да и как не испугаться, когда никто из нас еще в боях не участвовал, пороху не нюхал.

Я в первый момент подумал, что гитлеровцы бросили гранату, но, видя, что взрывов и стрельбы нет, догадался — налетели на мину.

Машина вышла из строя, но никто из наших не пострадал.

- Слезай, приехали, — раздался голоса. — Опять пехом топать.

Идти пешком к леснику, да еще с грузом, нам не было расчета, и я приказал двигаться к «Шаховой пристани». Там в ста метрах от Болвы, в сторожевой будке, должны встретить нас Кустарев и Лапин, которые раньше были переброшены туда. На указанном месте их не оказалось. Позже выяснилось, что они, не дождавшись нас, отправились на разведку в Бежицу, где их схватили гитлеровцы и расстреляли.

Побродив по лесу, мы, наконец, добрались до Ивана Титовича Догадаева, и он проводил нас до нужного места. Расположившись в глухом лесу, мы мало-помалу начали налаживать связи с жителями окрестных деревень, уточнять обстановку, действовать. Уже через неделю-другую группа подрывников в составе Петрова, Архипова, Маркелова, Сазонкина и Глебова спустила под откос у 25 разъезда эшелон противника с солдатами и техникой.

На Жиздринском большаке на наших минах взорвалось несколько автомашин гитлеровцев.

...Начались партизанские будни: диверсии, походы, схватки с врагом. Ничто не нарушало их ритма. Но однажды размеренный ход жизни отряда был нарушен. К нам в распоряжение пришла разведка из отряда Медведева — нашего земляка, чекиста. Того самого Медведева, который впоследствии совершил много славных рейдов по тылам врага, написал замечательные книги о беспредельном мужестве и отваге народных мстителей. Медведевцы просили проводить их к линии фронта, они выполнили задание и возвращались на Большую землю.

Провести отряд Медведева через линию фронта изъявили желание политрук Павловский и партизан Осипов. Но им не удалось исполнить свое желание. Павловский подорвался на mine и погиб, а Осипов был контужен.

Медведеву были посланы другие партизаны, которые провели их через передовую.

Прошло два месяца с момента выхода отряда в лес. В первых числах декабря за деревней Пупково мы встретились с разведкой отряда Александра Ивановича Виноградова. В числе разведчиков был Евгений Берндт и Юрий Протопопов. Мы отрекомендовались.

— А мы вас ищем. Вот, — и Берндт вручил мне пакет, в котором западный штаб партизанского движения и Орловский обком партии предлагали нам влиться в Бежицкий партизанский отряд.

— Знают о нас, оказывается, на Большой земле. Ишь, даже распоряжения шлют, — заметила Зоя Овчинникова.

Эта встреча, это предписание до слез взволновали нас. О нашем существовании знают, нас разыскивают, нам дают задания. И от нахлынувшего чувства хотелось крепче сражаться с врагом. Хотелось свершить что-то большое, важное, необходимое для изгнания оккупантов с родной земли.

В марте мы влились в отряд А. И. Виноградова, и началась наша боевая жизнь.

РАСПРАВА С ГРАБИТЕЛЯМИ

Комсомольцы деревни Стайки Жиздринского района сообщили, что немцы, расположившиеся в деревнях Улемец и Большое Мишино, почти ежедневно приезжают на лошади с корзинами в Малое Мишино и насильно отбирают кур, яички, сало, сливочное масло, берут все, что попадет под руку. Часто приезжают вдвоем, а иногда и по одному.

Посоветовавшись с командиром соседней роты Михаилом Коршуновым, принимаем решение направить трех - четырех смелых товарищей в деревню М. Мишино и взять грабителей живьем, тем более что мы имеем указание штаба доставить языка из района нашей деятельности.

12 февраля 1942 года Ильюхин, Архипов, ныне работающие на Бежицком сталелитейном заводе, и другие товарищи рано утром отправились на операцию.

Расположившись в одной из хат в центре деревни, группа терпеливо стала ожидать приезда любителей чужого добра, предварительно распределив обязанности, кому, что делать при

появлении «гостей». Долго ожидать не пришлось. Со стороны Б. Мишино к четвертому дому от края подъехала лошадь, запряженная в сани, на санях стояла плетеная корзина, накрытая дерюгой. Соскочив с саней, немец с винтовкой пошел в хату, через несколько минут вышел и с собой вынес пару кур, которых тут же посадил в корзину, и поехал дальше, к центру деревни. Вот он еще забежал в дом, вынес курицу, пропустив несколько домов, подъехал к следующему.

Команда: окружить дом и взять грабителя живьем. Но оккупант заметил партизан и открыл огонь. Пришлось фашиста побыстрее пристрелить, а то он своей стрельбой мог привлечь внимание. Награбленное раздали хозяевам. Фашиста погрузили на сани и повезли в лагерь.

На второй день староста Бекшеев с группой немцев собрали все взрослое население деревень Стайки и М. Мишино и предупредили, чтобы в течение суток живым или мертвым доставили «комрада», в противном случае деревни будут сожжены, взрослых расстреляют, а детей в Германию угонят. Взяли по пять человек заложников от каждой деревни.

Было внесено предложение — вывезти убитого фашиста на дорогу между М. Мишино и Стайками и заминировать его.

Труп оккупанта вскоре был замечен. Со стороны М. Мишино появились три немца, сзади них — лошадь, запряженная в розвальни, а за розвальнями — еще около тридцати фашистов. Около трупа все остановились, некоторые сняли шапки. Один из присутствующих, — видимо, офицер — стал на сани, начал произносить речь. Вдруг сильнейший взрыв, все окутано дымом, а в дыму — крики, стоны...

РОЖДЕСТВО В СУДИМИРЕ

Вернувшись из разведки со станции Судимир, Коля Лапин и Миша Сазонкин доложили, что гарнизон там небольшой и что 25 декабря у немцев будет елка.

Решаем организовать нападение на станцию Судимир. О своем намерении мы письменно поставили в известность командование Орджоникидзеградского партизанского отряда, которое согласилось на совместные действия. Для более организованного хода операции к нам был направлен начальник штаба Орджоникидзеградского отряда Марков.

Мы договорились с председателем колхоза из деревни Дубровка Жиздринского района о предоставлении лошадей с повозками и вozовыми для перевозки партизан к Судимиру. Скоро прибыла рота Орджоникидзеградского партизанского отряда под командованием Е. Р. Берндта. Рота расположилась в западной части Улемльской дачи — примерно в трех километрах от деревни Пупково. Вторая рота под командованием М. П. Коршунова расположилась в южной части дачи — на таком же расстоянии от станции Любышь, на левом берегу Болвы.

25 декабря, в 15 часов, все участники операции были в Дубровке. Начальник штаба Марков собрал командиров, политруков, разъяснил задачи, стоящие перед каждой ротой. Рота Коршунова должна была обстрелять из станкового и ручного пулеметов вагон, стоящий на путях, где проживала охрана станции. Рота Берндта из ручных пулеметов и автоматов должна была обстрелять школу — там как раз и устраивалась елка.

Караван в 30 подход двинулся в поход.

Перед станцией нас встретил связной. Еще раз уточнена обстановка. Фашисты начнут встречать рождество в 9 часов вечера. Время нас устраивало, полчаса еще было в запасе. Условились: красная ракета — начало боя.

И вот команда: «Вперед!» И партизаны двинулись на свои позиции молча, без шума. Когда до намеченных целей осталось метров сто, вверх взвилась красная ракета, в мертвой тишине раздалось русское «ура», застрочили пулеметы, автоматы. В ответ слышали беспорядочные отдельные выстрелы. Несколько сильных взрывов — загорелось здание станции, кругом светло, отлично видны силуэты товарищей, бросающих гранаты. Еще несколько взрывов в двух поездах. Загорелся вагон, где находилась охрана. В школе погас свет, знаем, что и стекла там повысыпались...

Взвивается зеленая ракета это команда отхода на исходные позиции.

Начальник штаба Марков перед строем сказал:

— Станция подорвана и сожжена, выведено из строя два паровоза, убито примерно тридцать оккупантов.

Раздалось: «по коням!». Партизаны двинулись в обратный путь, захватив с собой богатые трофеи.

В этот же день из местных жителей деревни Дубровка был организован партизанский отряд, который расположился в лесу, в трех километрах от деревни.

СИВЫЙ СВОЕ ДЕЛО ЗНАЕТ...

30 декабря 1941 года политрук И. З. Петров, Миша Сазонкин, Коля Меньшиков, Федя Артамонов и Ваня (фамилии не помню) отправились в район 25-го разъезда Московско-Киевской железной дороги на минирование железнодорожного полотна. На обратном пути группа должна была взять два станковых пулемета, спрятанных одним из отступавших - воинских подразделений. Место нахождения пулеметов знал Ваня.

Группа отбыла на Сивом — старом, но еще резвом коне. Предстояло преодолеть километров двадцать пять. А следует заметить, что была сильнейшая метель, буквально на расстоянии трех метров ничего не было видно.

Подорвав полотно железной дороги, занялись розыском пулеметов. Погрузив один пулемет (в другом не было замка) и несколько коробок с патронами, опробовав там же в лесу пулемет несколькими небольшими очередями, группа двинулась в обратный путь.

Ваня предложил товарищам заехать к его матери в Овсорок пообедать. Ясно, товарищи устали и с удовольствием хотели бы чего-нибудь горяченького. Решено заехать. Остановив у крыльца Сивого, подложили ему сена и вошли в дом. Мать Вани была рада неожиданным гостям. Все лучшее, что у нее было из еды, поставила на стол. Партизаны с аппетитом стали угощаться.

Вечерело, метель усиливалась.

Прибытие партизан в село всех заинтересовало. Через пять минут в хате и на улице появились ребяташки. Кто осматривал коня, кто повозку, а кто пулемет. Вдруг в дом вбегают более взрослые ребята и кричат, что со стороны Жиздры на повозке едут фашисты, что они уже около дома.

Петров крикнул: «в ружье!», выскочил на улицу и залег к пулемету. Остальные открыли стрельбу из автоматов.

Испуганные неожиданными выстрелами, вражеские лошади рванулись к Сивому, а тот, сорвавшись с привязи, помчался к лесу.

...Уже поздний вечер, а Петрова с группой нет, беспокоимся, не случилось ли что.

В 8 часов вечера дозор докладывает, что к посту прибыл Сивый, на санях станковый пулемет, в замке пулемета лента в перекошенном состоянии. Вместе с Сивым еще две лошади, также с санями, на одной — убитый немец и винтовка, на другой — немецкий автомат.

- Сивый свое дело знает! — сострил кто-то.

Немедленно была направлена разведка по следу лошадей. Через три часа, разведка возвратилась без каких-либо результатов. Вьюга не прекращалась, все следы замело.

К полуночи возвратился Миша Сазонкин, раненный в лопатку.

На вопрос, где остальные товарищи, он сказал, что после двух коротких очередей пулемет Петрова отказал, политрук начал отстреливаться из винтовки, потом конь сорвался с привязи и помчался к лесу, а за Сивым и немецкие лошади.

Когда меня ранило, я стал отходить, где остальные товарищи — не знаю...

Утром председатель колхоза из деревни Стайки привез раненого политрука Петрова. Вскоре вернулись и остальные партизаны.

На второй день село Овсорок было дотла сожжено, фашисты долго глумились над населением. Взрослых и детей фашисты вывели на улицу. Мужчин построили с правой стороны улицы, женщин с левой, всех детей поставили между женщинами и мужчинами. Появилась танкетка и на полном ходу между шеренгами мужчин и женщин помчалась прямо на детей. Так издевались фашисты над нашим народом. Оставшиеся в живых были направлены под конвоем в Жиздру.

Политруку требовалась немедленная квалифицированная хирургическая помощь. Хирург в Дятькове есть, но там фашисты, как быть? В лес он может не поехать.

Раненого отправляем в Романовку, находим чистую квартиру, где и располагаемся. По словам жителей Романовки, устанавливаем местожительство хирурга Анохина — и вечером мы у него. Он спросил, где больной. Ему рассказали. Хирург быстро оделся, вышел из квартиры, а через некоторое время появился с женщиной. Это была медицинская сестра. Тихо, по одному вышли из города к условному месту, где ожидали партизаны на Сивом.

УХОДИМ В ТЫЛ М. С. МАТЮШИН,

партизан подрывши; бригады имени Чапаева

Сентябрь 1941 года. Мы сидели, слушая последние слова преподавателя минного и подрывного дела — армейского капитана. Собирая на столе бумаги, он сказал: — Ну, вот и все, товарищи. Желаю вам остаться всем в живых. Хорошо было бы встретиться с кем-либо из вас после войны.

На этом закончились занятия нашей группы минеров и подрывников.

Перед вечером, получив все необходимые боеприпасы, мы на автомашине уже мчались к линии фронта. Немного отдохнув в Жирятине, снова зашпешили в путь и к вечеру приблизились к деревне Морачево, где и проходила тогда линия обороны.

Немцы, увидя нашу автомашину, открыли артиллерийский огонь. Вот разорвался один снаряд, за ним другой. Шофер дал такого газа, что мы чуть не повывлетали из кузова.

Спустившись в низину, машина остановилась. Еще разорвалось несколько снарядов — и все стихло.

- Приехали! с грустной усмешкой сказал шофер, вылезая из кабины.

Впервые в жизни на душе у меня стало невыносимо горько: Морачево было сожжено, и все кругом тоже было сожжено, деревья порублены осколками, многие яблони валялись с вывернутыми корнями.

Внизу под большой уцелевшей ракитой, кое-как приспособив на кирпичках котел, солдат кипятил чай. Мы, промерзшие за дорогу, подошли к нему и стали размещаться.

- Что, кашу варишь? — обратился к солдату Николай Петрин.

- Нэт, мий чай варым, - ответил солдат, не обращая на нас внимания.

«Наверно, с Кавказа», — подумал я, глядя на его смуглое небритое лицо и потертую шинель.

Нас повели в укрытие. Я сказал солдату: «до свидания» и, поправляя на ходу лямки своего мешка, поспешил догонять свою группу.

Среди кое-как уцелевшего сада нас разместили в почти разбитом здании, которое по своей величине напоминало школу. В помещении я увидел человек пятнадцать, среди них были Георгий Ильяхин, Андрей Обыденников, Александр Пузачев, с которыми учился на минерских курсах в Белых Берегах. Они тоже отправлялись за линию фронта.

С юга на север, насколько можно было видеть глазом, широкой желтоватой полосой проходил здесь противотанковый ров. Он и был границей нашей передовой линии обороны.

С наступлением темноты с немецкой стороны в воздух взвилась ракета, послышалась пулеметная стрельба, и ровными струйками полетели трассирующие пули.

Часа через два нам объявили, что переходить линию фронта будем сегодня ночью, т. е. 16 сентября. Получив окончательный инструктаж о порядке движения при переходе фронта, мы все улеглись на пол. Но вряд ли кому пришлось уснуть, хотя и было часов двенадцать ночи.

И вот наступила минута — подалась тихая команда: «Подъем!»

Мы быстро встали, разобрали каждый свой груз и без шума вышли на улицу.

Стояла тихая ночь. То здесь, то над линией фронта вспыхивали ракеты. Южнее Морачева татакал пулемет. Наверно, в деревне Столбы шел бой.

Переводить через линию фронта, было решено, сразу все четыре группы — двадцать два человека. Место перехода — севернее Издешичи.

...Наша линия обороны уже позади. Идем один за другим и до того тихо, что я, кажется, слышал, как в моей груди билось сердце. Миновали нейтральную полосу, где, хотя было и темно, я разглядел замаскированный наш пулеметный расчет.

Прошли еще немного — и вдруг в воздух взвилась ракета, и послышался непонятный крик. Мы залегли. Не успела догореть ракета — взвилась вторая, за ней последовала пулеметная очередь. А потом немцы на этом участке подняли такой переполох, что двигаться дальше было нельзя. Армейская разведка, проползая вдоль цепи, приказала вернуться назад. Так и не пришлось в эту ночь перейти фронт. Остаток ее мы провели в той же разбитой школе Морачева.

Назавтра нас перебросили вдоль обороны в деревню Столбы, где ночью 17 сентября мы благополучно перешли фронт и вступили в темный Брянский лес, направляясь к Козелкину хутору.

К рассвету мы зашли, как казалось нам, в такие дебри, что и выйти трудно. Сделали небольшой привал.

И вдруг с правой стороны послышался рев моторов. В разведку ушли Павел Бурлаков и Андрей Обыденников. Вскоре они вернулись и сообщили, что мы перед Козелкиным хутором и там полно немцев и машин.

Распрощавшись с товарищами других групп, наша группа под командой Василия Родичева взяла курс на запад — к деревне Мармазовке. Прошли с полкилометра, лес начал редеть, и вдруг Бурлаков, который с компасом шел первый, остановился и присел.

Мы последовали его примеру.

- Смотри, — повел рукой Бурлаков.

Там, куда указал он, по деревьям на высоте двух метров кое-как прикрепленный висел толстый черный кабель. По команде Родичева мы вырезали метров сто кабеля, порезали его на мелкие куски и поспешно покинули это место.

Прошли еще с километр по редющему лесу, с правой стороны послышался рев моторов.

Мы залегли. Вскоре показались мотоциклисты, за ними шли машины. Дорога от нас была метрах в пятнадцати, в высокой траве мы остались незамеченными. Родичев привстал и тотчас же резко прилег: на дороге появилась длинная цепь велосипедистов.

Переждав их, мы перебежали дорогу, и отошли в ельник.

Родичев приказал:

- А ну, Матюшин, приготовь им гостинец — наверняка клюнет! Видишь, какое движение.

Я достал трехкилограммовую тротильную мину и быстро с Бурлаковым побежал на дорогу. В один момент двумя ножами вырезали в утрамбованной машинами земле гнездо для мины, замаскировали и — молнией в ельник.

Группа углубилась в лес примерно на километр. Родичев распорядился сделать привал и перекусить, а Степана Копылова с Николаем Петриным отправил назад к дороге — вести наблюдение за миной.

Я только что успел нарезать колбасы, как раздался взрыв. Вскоре прибежали Копылов и Петрин. Копылов крикнул:

- Ух, расселись, как у тещи! Уходить надо быстрее!

- Не кричи, — сказал спокойно Родичев и указал ножом па нарезанную колбасу. — Садись да говори, что там.

- А что говорить, — ответил Копылов, — наехала машина — и вдруг пропала в черном столбе дыма. Ну, а как ахнуло, вы слышали, конечно.

Ладно, — сказал Родичев, — за десять минут перекусим и уходим подальше в лес, а там — отдых.

Остаток дня провели в лесу. Спали не все, по одному дежурили. А к вечеру, выйдя на низину из леса, увидели две большие скирды сена, которые решили зажечь с наступлением темноты. Так и сделали.

Ночевали в лесу, костра не разводили и к утру до того замерзли на сырой земле, что я с трудом удерживал зубы, чтобы они не стучали. К третьей ночи в тылу, нам удалось перейти дорогу на Мармазовку. Мы решили заминировать ее.

Немцы в то время вели себя очень развязно, они даже ночью не выключали фар своих машин. И вот в три часа ночи, когда движение прервалось, мы заминировали дорогу, поставив сразу две мины — в две колеи.

Дорогу минировали Василий Фролович Родичев и Бурлаков. Я и Петрин охраняли их с правой стороны, а Алексеев и Копылов — с левой.

Сыро и холодно в сентябрьском лесу. Мы дрожим и ждем. Машин нет. Проскочили мотоциклисты, но они не напоролась на мины. И только в половине шестого утра подползла по разбитой лесной дороге крытая машина. Она до того была огромна, что показалось, будто движется дом.

Мы лежали рядом за большими вековыми соснами метрах в тридцати от дороги.

И вот вспышка, осветившая все кругом, и оглушающий взрыв...

Только на седьмые сутки к вечеру добрались мы до Клетнянской железной дороги. Переночевав, стали вести наблюдение, но движения по ней никакого не было. Отсюда нам надо было добраться до Мужиновского большака, который проходит через лес из Клетки на Мужиново. Клетню обходили с восточной стороны, и из-за незнания леса много пришлось пройти лишних километров. На девятый день, не дойдя до Мужинова километра четыре, мы пробрались к большаку и с тревогой стали рассматривать движение. Почти сплошным потоком двигались немцы из Клетни, часто стреляя по лесу из автоматов. С наступлением темноты как будто утихло. Только на востоке гремела артиллерийская канонада. В полночь под 29 сентября большак

заминировали также двумя минами. Мины поставили в низине, а со стороны Клетни в этом месте большак был устлан лежневкой.

Сидя в лесу, Петрин сказал:

- Если не ночью, то днем обязательно клонет.

Когда рассвело, прошли на большой скорости мотоциклисты, но мимо мин. Мы стали подбираться к большаку ползком. Наконец, мы увидели сквозь деревья черную линию дороги. Возник и потом долго был слышен рев машин, который раскатывался по лесу, и нельзя было понять, откуда движение. Дрожим в одежде, заостеневшей от росы. Теперь мы уже поняли, откуда идут машины, вот уже и видим их. Вот уже первая прошла по лежневке и стала сходить с нее. У нас учащенно бьются сердца, а в голове только один вопрос: «Сработает или не сработает?» Алексеев даже привстал. В это время машина, наклонив нос, скользнула с лежневки. Раздался сильный взрыв, со свистом метнулись по лесу какие-то осколки, но мы, подхватив свои мешки, уже убегали в чашу.

На привале Родичев проверил наши запасы, и мы ужаснулись: мина — одна, сухарей — с полкилограмма, махорки — на несколько закруток.

- Ну, ребята, — сказал Родичев, — задание свое мы выполнили, а теперь возвращаемся на запад. По пути воткнем оставшуюся мину на мармазовской дороге. Голов не вешать, возможно, несколько дней придется идти без еды.

Вид у командира был суровый, он оброс рыжеватой бородой. Я никогда с детства не видел его таким.

-Бурлакову, — продолжал он, - приказываю строго по компасу идти на восток.

Родичев определил, какого придерживаться градуса, но, тем не менее, до самого вечера никак не могли сориентироваться, где находится Мармазовка.

Под вечер стали выходить на какую-то большую лесную поляну. Замерли — послышался лай собаки. Лай был в одном месте. Подумали, что Мармазовка, а когда подползли ближе, то увидели: вокруг огромных штабелей ходит часовой и на цепи водит собаку. Все штабеля были покрыты маскировочным брезентом. Часто ревели машины, приезжая и уезжая со склада. Мы стали обходить поляну с северной стороны и уже ночью перешли мармазовскую дорогу. Поставили на ней последнюю мину и ушли по направлению Козелкина хутора.

Отдыхая, Петрин, вытряхнув последний табак, закурил. Папироса пошла по кругу. Все, курнув по разу, умолкли.

Измученные, усталые, мы перешли линию фронта 2 октября под утро, но не в Столбах, а в Стипкове, отклонившись от маршрута влево километров на шесть. Так через полмесяца мы вернулись с первого боевого задания.

НЕУДАЧА

Шел седьмой день, как наша группа вернулась из-за линии фронта. Утром 8 октября день обещал быть светлым и солнечным, но часам к одиннадцати стало от дыма и гари затемнять даже солнце: горела оставленная нашими войсками Бежица.

Наш истребительный отряд, организованный из жителей Городища, Бежицы и совхоза «Красный кооператор», ушел из города. К вечеру, переправившись через Болву около Белой кручи, мы вступили в Брянский лес и направились к заранее подготовленной землянке, которая находилась в 124-м квартале — в трех километрах от Орловских Двориков.

После первой ночевки в лесу наш командир А. С. Горбачев послал на автомашине группу бойцов — меня, Н. Савкина, В. Дробышевского и М. Горбунова - в Бежичи узнать обстановку. Мы благополучно добрались до Бордович, где через Десну еще существовал кое-какой мост. Дорога по лугу до того была разбита, что наша полуторка еле-еле продвигалась. За рулем сидел Н. Савкин, рядом с ним В. Дробышевский, а я и Горбунов стояли в кузове, прижавшись к кабине.

Вот уже до моста метров триста. Я посмотрел — на нем люди, еще внимательнее присмотрелся — в зеленых мундирах.

- Немцы! — наклонившись с кузова, негромко крикнул я водителю.

- Что ты, ответил он, — это наши мост исправляют.

Метрах в тридцати от дороги с правой стороны стоял стог сена. Из-за стога, полусогнувшись, с автоматом в руках стал показываться немец. Я быстро снял с предохранителя винтовку и выстрелил. Немец упал.

Савкин, поняв, наконец, что приехали прямо в лапы фашистов, стал разворачивать машину.

«Нет, не убил», — подумал я, перезаряжая винтовку.

Машина уже ковыляла по кочкам обратно, я уперся спиной в кабину, не сводя глаз со стога. Немец показался с другой стороны — и я выстрелил в него еще раз, но тоже не попал. Не успел я перезарядить винтовку, как немец дал очередь из автомата. В заднем борту появились пробоины.

- Стреляй, Мишка! — закричал я Горбунову.

Мы стали стрелять вдвоем, не давая немцу показаться из-за стога.

Забил пулемет, разорвалась с перелетом мина, за ней вторая. Вдруг мина разорвалась с правой стороны машины, совсем рядом, капот подхватило кверху, машина чихнула и заглохла. Горбунов и я спрыгнули и, пятась, стали отстреливаться.

В это время В. Дробышевский высочил из кабины и тут же был убит.

- За мной! — крикнул Савкин, — и мы, оставив машину и убитого товарища, стали уходить.

Немцы преследовали, поливая нас из пулеметов и автоматов.

Вдруг мина разорвалась совсем рядом со мной. Что-то кольнуло меня ниже локтя правой руки. Я перехватил винтовку в левую руку и показал Савкину окровавленную правую.

- Ничего, — сказал он, — лишь бы не в голову.

Долго еще гнались за нами немцы, но они скорей выдохлись и отстали. В поселке Октябрьском мы почувствовали себя в полной безопасности. А в отряд вернулись только ночью.

ПЕРВЫЙ БОЕВОЙ ВЫХОД ОТРЯДА

12 октября — четвертый день, как мы живем всем отрядом в тылу врага.

Моя рана, которую я получил под Бордовичами, особенно не беспокоит. Осколок, пробив телогрейку, очевидно, ослаб и только задел мягкие ткани руки пониже локтя.

Круглые сутки идут машины через лес по большаку из Брянска на Жиздру. Мы находимся всего, в двух километрах от большака, так что стоит сплошной гул.

А. С. Горбачев говорит:

- Ну, ребята, пойдем на большак и будем следить за легковой машиной.

- А почему за легковой? — спросил Пушной.

- Возможно, в легковой будет ехать генерал, вот мы его и трахнем! — смеется командир. Потом пояснил: — Для начала грузовую бить, да еще, если она попадет с хорошо обстрелянными немцами, нам будет тяжело.

Я сидел и надевал на гранату рубашку. Горбачев спросил:

- И ты, Миша, думаешь идти?

- А как же, Андрей Сергеевич! — ответил я.

- А как рука? — спросил он.

- Ничего, — ответил я.

- Ну, смотри.

А через несколько минут мы оставили в своем лагере шесть человек, а шестнадцать ушли на большак (вначале с Горбачевым в лес выехало двадцать мужчин и две девушки). Пожелтел лес, под ногами — слой опавшего листа. Вот из-за деревьев видны уже проходящие машины. Наблюдаем несколько минут. Горбачев разъясняет:

Сперва забросаем машину гранатами, а завершим дело из винтовок. Кто будет бросать гранаты, подползет к самому большаку, а остальные метров за пятнадцать от гранатометчиков лягут цепочкой.

Потом командир спросил:

- Кто добровольно будет бросать гранаты?

- Я! — ответил Анатолий Алексеев, — с которым я ходил в тыл врага до оккупации Брянска.

- Разрешите мне, Андрей Сергеевич, — сказал я.

- Нет, Миша, тебе нельзя: рука ранена.

- Вот я им за руку и хочу отомстить.

- Ну, ладно, — согласился Горбачев. — Бросьте по две гранаты и ползите к нам.

Мы с Алексеевым по редкому ельнику поползли к дороге.

Время тянулось медленно, вот прошло уже несколько машин, а легковой как на грех нет. Но вот со стороны Брянска показалась и легковая. Шла она медленно, так как осенняя дорога была разбита. Позади виднелись грузовые автомашины, но я на них не обращал внимания.

Минута, две — и легковая около нас.

- Давай! — крикнул Горбачев.

Я бросил с колена первую гранату. Последовало почти сразу два взрыва. «Значит, и Алексева там граната, — подумал я.

Вторую гранату я бросил прямо в машину и прилег за сосну. Взглянул на Алексева. Он, приподнявшись, с колена тоже бросил вторую гранату, но она зацепилась за большую хвойную лапу елки и упала метрах в двух от нас. Испугавшись, Алексеев быстро повернулся и стал уползать. Я прилег к земле. Взрыв.

Я тоже пополз к своей цепи. Обернувшись назад, увидел, что машина уже горела. Все офицеры, сидевшие в ней, погибли.

Немцы с грузовых машин подняли стрельбу, но мы уже снялись. Мы возвращались довольные, наперебой рассказывая друг другу, что и как было. Только Алексеев, расставляя широко ноги, шел угрюмый: ему от собственной разорвавшейся вблизи гранаты влетело в тыльную часть несколько мелких осколков.

Вечером в землянке на открытом партийном собрании в связи с первым боевым крещением было решено присвоить нашему маленькому отряду имя Чапаева.

ВЗРЫВ МОСТА БУЛЬШЕВО-КОРШЕВО

Наступил 18-й месяц, как я нахожусь в тылу врага. Наш маленький отряд превратился в бригаду, в ней более тысячи партизан. Командует нами А. С. Горбачев. Много разгромили мы вражеских гарнизонов, много фашистов отправили на тот свет.

Позади тяжелые бои и походы, зимняя вражеская блокада. Сейчас мы разбились лагерем в районе Силаевого сада. Работали рации, передавая сведения. На полях Новой и Старой Эстонии мы ночью встречали самолеты с грузом и отправляли раненых. Все шло своим чередом. По большаку, идущему из Клетни на Акуличи, немцы часто перебрасывали свои войска. Чтобы задержать переброску вражеских войск в этом районе, мы решили взорвать мост в деревне Бульшево-Коршево. С наступлением весеннего паводка объезд там невозможен.

Ночью — это было в конце марта — я, мой неразлучный друг Анатолий Макаренко, Андрей Нестеров и Павел Гольчинский отправились рвать мост. Запрягли пару лихих коней, взяли два ящика тола по сорок килограммов каждый и, миновав Шишковку, полями стали пробираться к деревне Бульшево-Коршево. Вот уже в темноте показался силуэт ветряной мельницы.

Анатолий, натянув вожжи, приостановил лошадей и сказал:

- Миша, как бы поста не было возле мельницы...

Вдруг голос:

- Эй, кто такие?

- Свои! — ответил Макаренко.

- Кто свои? — опять переспросил голос от мельницы. — Пароль?

Мы сразу поняли, что это полиция: партизаны требовали не пароль, а пропуск.

- Вот тебе, гад, пароль! — полоснув хорошую очередь из автомата, Макаренко быстро лег в сани. Перепуганные кони пронесли нас мимо мельницы. С правой стороны в воздух полетела ракета: полиция, охранявшая мост, забила тревогу.

Кони как бешеные несли нас вдоль деревни. Слышались винтовочные выстрелы.

Вот поворот вправо, ракетник по обочинам. Вот и мост. Оттуда вспыхнул огонек выстрела. Нестеров дал в ответ несколько очередей из автомата.

Мы с Гальчинским соскочили с саней и тоже стали бить из автоматов.

Затем, поручив Анатолию коней, мы вдвоем быстро уложили ящики с толом на мост и зажгли бикфордов шнур. А в это время Анатолий развернул коней, мы сели в сани и, наводя страх на полицейских, стреляя из трех автоматов, помчались назад.

За деревней мы услышали оглушительный взрыв...

КАК МЫ СТАЛИ ПАРТИЗАНАМИ

И. С. АКСЕНОВ,

бывший партизан

1. СТРЕЛЯЕМ ИЗ ПУШЕК

Враг приближался к Орменке. Мы, сельские ребята, бегали по противотанковому рву, который тянулся до Рославльского шоссе, забирались в лес, где советские войска готовились к обороне,

старались заглянуть и к артиллеристам, и к пулеметчикам, и к танкистам, хотя нас отовсюду гнали в три шеи, ибо мы всем мешали.

Все ожидали, что вечером, в крайнем случае, утром, здесь разгорится жестокий бой. Мы даже собирались не спать в эту ночь, но все же уснули, набегавшись за день. А когда проснулись, то увидели, что советские части куда-то ушли, покинув линию обороны. Мы почувствовали себя полными хозяевами всех блиндажей, всех дзотов и дотов. Там мы нашли несколько обойм с патронами и один пустой подсумок. А когда вступили в лес, то нам сразу так повезло, что мы и рты пораскрыли от удивления и восхищения: перед нами стояли огромные ушки с длинными стволами! Они смотрели в сторону большака.

Мы решили немедленно овладеть этим оружием, тем более что не раз уже наблюдали за боевой работой артиллеристов. Сережа Сухов с Петей Чурковым подняли снаряд, Степа Матюшкин нажал кнопку на рукоятке и, потянув рукоятку на себя, открыл поршневой затвор. Ребята затравили переднюю часть снаряда в казенник ствола. Ваня Матюшкин деревянным досыльником сильным толчком вперед отправил его в гнездо. Заложили основной заряд. Степа закрыл поршневой затвор. Пушка была заряжена. Степа дернул за шнур — грянул выстрел. Не успели мы услышать разрыв снаряда, как над большаком поднялся высокий столб земли. Снаряд разорвался у самого большака, в молодом соснячке, и несколько сосенок, как стрелы, взлетели в небо. Потом мы еще выстрелили несколько раз, опробовав все четыре пушки. Снаряды рвались в молодом соснячке, у обочины большака и на самом большаке.

Недалеко от наших пушек Ленка Чурков обнаружил противотанковую пушку. Мы решили подтянуть ее к своей батарее. Около двух часов провозились с ней. Вдруг Сережа Сухов закричал:

-Ребята, немцы!

От Жирятинского леса по большаку как раз к тому соснячку, где рвались наши снаряды, двигалась бесконечная колонна врага.

У нас сразу же мелькнула мысль — стрельнуть по немцам, когда они попадут под наш прицел. Мы бросились заряжать пушки. Прикинули примерно — немцев было не меньше двух тысяч. Страшно нам, конечно, было. Проще всего было бы убежать в лес и спрятаться, но если бегство от опасности устраивает зайцев, то нас оно не устраивало. Мы еще с пионерских лет помнили призыв: «К борьбе за дело Ленина будьте готовы!»

Пропустили голову колонны немного дальше того места, где рвались наши снаряды. Затем я, затаив дыхание, взмахнул рукой и дернул шнур. Трое других стреляющих тоже дернули шнуры — раздался не совсем дружный, но оглушительный орудийный залп. Столбы земли выросли в самой гуще колонны, перерезав ее на две части. Потом мы стали стрелять из одного орудия и выпустили из него больше десяти снарядов.

Немцы рассеялись по сосняку и открыли по нашей батарее такой шквал огня, что кусты, окружающие пушки, полетели вместе с землей вверх. Мы вынуждены были рвануться в глубь леса. Пробежав километра два, остановились. Стали обсуждать, как пробраться домой. Сперва побежали в Рябовский лес — это уже рядом с селом. Передохнули, пополнили свои трофеи противотанковыми гранатами. Каждому досталось по две штуки. У меня только была одна. Но зато я нашел в блиндаже целое сокровище — настоящий пистолет, к тому же заряженный.

Выходя из леса, попытались объяснить, почему наши войска без боя покинули линию обороны, почему могли остаться на краю леса боевые пушки со снарядами, а в блиндажах — гранаты и даже пистолет.

- Ясно, наши войска были ночью окружены немцами, — категорически заявил Петя Чурков...

2. ВЗРЫВАЕМ ПУШКИ

Прошла примерно неделя, как немцы заняли село. Уже почти ни у кого не осталось кур и поросят — поели фашисты. До нас дошел слух, что немецкий прихвостень Федька Крюк обнаружил нашу батарею и задумал ее использовать против партизан. С этой целью он и приехал в наше село с шайкой головорезов. Две пушки из нашей батареи, которые уцелели неповрежденными, из леса были вытащены на лошадях и поставлены на большаке возле школы. А на завтра их должны были перевезти на станцию Выгоничи, чтобы оттуда вести огонь через Десну по партизанам.

Мы задумали ночью взорвать эти пушки. Я собрал ребят, чтобы договориться, кому что делать.

На переезде, взорванном нашими саперами, подъезды были заминированы. Там стояли в деревянных ящиках, засыпанных землей, противотанковые мины. Мы не трогали их, но когда после дождя обнажались уголки ящиков, прикрывали, оберегали на всякий случай.

Договорились, что однофамильцы Ленька и Петька Чурковы, как только стемнеет, снимут две мины и принесут их ко мне в сад. А в полночь все вместе, забрав мины, отправимся к пушкам. Договорились и разошлись.

Вот и вечер. Ждем с нетерпением Чурковых. Вдруг где-то вблизи загремел взрыв. «Не у переезда ли?» — мелькнула у нас мысль. Мы не удержались и побежали туда. Там мы увидели страшное: наши односельчане несли Леньку Чуркова. Мы взглянули на друга — глаза закрыты, на голове обожженные волосы, нос разможжен, и нельзя понять, где нос, где губы. Он стонал, а когда я спросил, где Петька, с трудом проговорил:

- Петька сы-мал!..

Сердце мое окаменело. Я с ребятами снова побежал к переезду. Стали шарить глазами вокруг свежей воронки. Сережка Сухов нашел окровавленный лоскут материи от брюк Петра, потом нашли кусок руки и еще несколько кусков обгоревшего тела. Собрали все на телогрейку и понесли в дом Петра. Мать взглянула — и упала в обморок. А через час мы узнали, что умер Ленька.

Большое горе усиливалось отчаянием: как же теперь взорвать пушки? Вряд ли моим товарищам удастся ускользнуть сегодня от своих родителей после такого тяжелого случая. И все же я сказал Сергею Сухову, что если даже ребята не смогут прийти, то чтобы он пришел обязательно. Пойдем вдвоем и взорвем пушки противотанковыми гранатами, которые хранились у меня в саду.

Однако в одиннадцать вечера почти одновременно собрались все ребята, не пришли только те, кто уже не мог прийти: Алексей и Петр.

В полночь мы забрали гранаты, мой пистолет и тронулись в путь. За огородами дошли до кирпичного завода, приготовили гранаты. Я и Сергей Сухов направились прямо к пушкам. Степан ушел по большаку в одну сторону, а Иван — в другую следить, чтобы нас никто не застал врасплох.

Мы с Сергеем связали две гранаты вместе, зажгли бикфордов шнур и бросили связку в ствол первого орудия, а сами — в кювет, прижались к земле. Прогремел взрыв. Подбежали с Сергеем к пушке — ствол весь вздулся, полоса металла выгнулась вверх. Прodelали то же самое со второй пушкой. В этой взрыв поколол ствол.

В два часа ночи, перед самым рассветом, мы благополучно разошлись по домам.

Я долго не мог уснуть. Перед глазами стояли погибшие товарищи — первые жертвы из тесного кружка друзей. Теперь нас оставалось четверо. Мы еще теснее сплотились и поклялись этой ночью до конца войны быть вместе.

3.УХОДИМ В ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД

Во дворе у нас стояли две немецкие повозки. В них лежали прорезиненные накидки, плащ-палатки и два русских автомата без дисков. Мы твердо решили утащить эти автоматы и уйти в Клетнянский лес, в партизанский отряд. Похищение автоматов, разумеется, было поручено мне. Я весь день охотился за ними. В конце концов, выбрал, казалось мне, удобный момент, подошел к повозке, дрожащей рукой взял один автомат, а глаз не свожу с двери хаты, боясь, чтобы оттуда внезапно не вышел немец.

Вдруг сильный удар по голове — и автомат выпал из рук. В глазах запрыгали искры всех цветов. Я пошатнулся, схватился за голову и отскочил в сторону от повозки. У ворот сарая, лопоча во все горло, стоял немец. Оказывается, он чистил лошадей в сарае, а я его не заметил. Увидев, что я взял в руки автомат, он бросил в меня металлическую щетку. Кровь уже просочилась за воротничок рубашки. На шум немца во двор выскочил офицер, за ним несколько солдат. Я почувствовал, что меня вот-вот пристрелят. К счастью в это время выбежала мать, схватила меня за руку и утащила в дом. Она завязала мне голову полотенцем и уложила в постель, а сама убежала за фельдшером.

Две недели я проболел. Меня ребята навещали. Когда я поднялся, мы снова стали охотиться за оружием. И вскоре нам повезло. Ваня Матюшкин рассказал, что у них тоже стоят немцы, что в их амбаре целый склад немецкою оружия.

В конце дня мы отправились к его дому и рассмотрели все как следует. Амбар стоял на некотором отдалении от дома, примыкая к саду. Мы обсудили план действия, с наступлением темноты Степан отправился в сад с Ваней Матюшкиным. Мы с Сережей взяли по одной гранате и пистолет и отправились к амбару. Сели на скамейке у соседнего дома: оттуда хорошо был виден подход к амбару и дверь его, выходящая на улицу.

Амбар был деревянный, срубленный в угол и стоял на толстых дубовых стульях в полметра от земли. В амбар надо было пробраться через пол. Ваня знал, что одну из досок оторвал год тому

назад его брат Николай, чтобы можно было таскать яблоки, несмотря на строгий запрет мачехи.

Ваня и Степан в саду для видимости чинили тележку, на которой возили воду. Когда они увидели нас на скамье, они быстро подобрались к амбару и поползли под пол. Мы следили за всей улицей и не сводили глаз со стезки, которая вела к двери амбара. Об опасности мы должны были предупредить товарищей свистом. Если немцы заметят, Степа и Ваня должны дать очередь по ним из захваченных автоматов. Мы должны были поддержать товарищей гранатами. А бежать условились через сад в коноплю, а оттуда — к речке.

Тревожные минуты ожидания. Мы слышим стук своих сердец. Но вот из-за угла амбара взмах руки. Это друзья дали знать: все в порядке, пошли! И вот мы уже в конопле, которая, казалось, с жадностью поглотила нас. Товарищи бегут впереди нас. Мы настигаем их. У Степана на левой руке лежат два немецких автомата, у Вани тоже два автомата и десять кассет к ним. Нам они вручили по автомату, поделили кассеты с патронами.

Итак, наша четверка имеет теперь на своем вооружении четыре немецких автомата, семь противотанковых гранат и пистолет!

Вот уже и пойма небольшой речушки Дрогвы. А примерно через час мы были уже у поселка Новый мир. У Степана там жили родственники. Он отдал нам свое оружие и отправился в разведку. Вернувшись, сказал, что в поселке все тихо и спокойно.

Мы направились в поселок с оружием. Не решались расставаться с ним ни на минуту. Каждый из нас натянул ремень автомата на плечо, а сверху набросил пиджак от костюма. И шли нараспашку, чтобы не так заметно было оружие.

Зашли в дом дяди нашего дружка. Это был старик лет шестидесяти. Заметив у нас за плечами оружие, он просил:

- Что, в лес путь держите?

- В лес! — дружно ответили мы.

- Ну, и правильно. Что поделаешь? Такая участь выпала на вашу долю. Война...

Василий Трофимович позвал свою жену и попросил ее, чтобы она накормила нас.

- А сам я, — сказал он, — схожу к Лобанихе, она знает дорогу к партизанам.

Василий Трофимович, побыв у связной Лобанихи, рассказал нам, как действовать дальше.

Утром пришел к нам молодой парень — проводник, которого прислала к нам Лобаниха, и он увел нас в партизанский отряд.

4. МЫ — НАСТОЯЩИЕ ПАРТИЗАНЫ

В небольшом лесном шалаше, сделанном из ветвей и травы, кипела работа. Степан Матюшкин, подобрав под себя ноги, чистил автомат, непрерывно заглядывая в канал ствола. Сережка Сухов готовил подсумок для дисков к автомату. Ваня Матюшкин проверял термитные шары. Шаров у него было четыре, и он поделился ими — дал каждому по одному.

Мы были взволнованы в этот день, как никогда: нам разрешили впервые участвовать в серьезной операции. Предстояло взорвать Пеклинский мост, чтобы прервать движение противника по шоссе Брянск — Рославль.

А движение здесь было бурное. Гитлеровцы перебрасывали войска и технику в район Курска и Орла.

В два часа дня наша группа направилась к поселку Задня. Вся наша четверка была включена в эту группу. Мы и шли даже вместе. А к часу ночи мы были у самого Пеклина. Здесь размещался немецкий гарнизон — человек сто пятьдесят, несший караульную службу по охране моста. Разведка доложила, что еще утром в Пеклино прибыли эсэсовцы численностью до батальона.

В селе было тихо, а в звездном небе ни облачка. Мы пересекли ржаное поле и спустились в лог. Замкнув цепью, огороды вокруг села, без шороха подкрадывались все ближе и ближе к врагу. Временами доносились короткие возгласы - это переключались патрулировавшие по улице немецкие часовые.

Вдруг грянул пушечный выстрел, просвистел снаряд, следом пропели свою песню мины, заработал, отчетливо стуча, пулемет.

Мы с Матюшкиным Иваном ползли рядом. Раздалась команда:

— Вперед, ребята, вперед!

И мы с криками «ура!» рванулись в село. Вот мы с Иваном уже в чьем-то дворе, из дома послышался шум и стук. Громыхнув, со скрипом раскрылась дверь в избе, и оттуда посыпались гитлеровцы. Я нажал на спусковой крючок и злой очередью хлестнул им по лицам. Несколько

немцев рухнуло на землю. Остальные метнулись назад. Ваня Матюшкин успел бросить гранату в открытую дверь. Взрыв - и немцы замолкли. Однако перед смертью один из них успел послать пулю в меня и попал в руку. Ваня завязал рану, и мы побежали туда, где еще бой был в разгаре. В селе сопротивление гитлеровцев было сломлено. Зато из дотов, что окружали мост, они открыли шквальный огонь. Партизанам пришлось залечь.

Новая команда резанула воздух:

- Забросать доты гранатами!

Сережа Сухов, прижав руки к телу, сжал вместе обе ноги, быстро покатился к доту, за ним таким же способом покатился Степан. Амбразуру дота они забросали гранатами и термитными шарами. Дот превратился в столб черного дыма. Их примеру последовали и другие партизаны — и умолкли еще два дота. Под ослабевшим огнем противника партизаны с взрывчаткой побежали к мосту. А вскоре тупой тяжелый звук потряс землю - Пеклинский мост рухнул. Горело село, горели немецкие машины. Раздалось несколько взрывов вдоль шоссе - то партизаны других отрядов взрывали проезжую часть дороги с двух сторон моста.

На рассвете мы оставили Пеклино. Возвращаясь, партизаны с восторгом говорили о находчивости и смелости Степана Матюшкина и Сергея Сухова. Не забыли похвалить нас и за то, что мы уничтожили немцев в избе.

И вот выстроен отряд. Командир отряда Андрей Сергеевич Горбачев, указывая на нас, сказал:

- Поздравляю вас с успешным боевым крещением! Теперь вы — настоящие партизаны!

ПЕРВЫЕ БОИ ГОРОДИЩЕНЦЕВ

Г. А. МИРОШКИН,

бывший командир роты

В городищенскую роту входило двенадцать партизан. Командиром роты был назначен я, заместителем — пожилой рабочий Бежицкого паровозостроительного завода Алексей Павлович Козин.

Рота, как и другие партизанские подразделения Бежицы, вышла в лес на свою базу восьмого октября.

В первые дни партизанской жизни мы бездействовали — запретило командование отряда. Делалось это для того, чтобы до срока гитлеровцы не могли узнать о пребывании партизан в окрестностях Бежицы. Такая тактика, конечно же, была наивной и обуславливалась нашей беспомощностью в военном деле, неопытностью. Да и откуда быть опыту, военным знаниям у людей, которые всю жизнь точили детали, ковали железо, плавил сталь, делали паровозы и вагоны, своим нелегким трудом строили свое счастье.

Как ни строг был приказ командира отряда Виноградова, но мы все же его нарушили: не сдержались и подорвали немецкую машину на Жиздринском большаке.

Первый успех окрылил нас, и хотя нам был большой нагоняй за самоуправство, мы заключили друг с другом «соревнование» по уничтожению гитлеровцев и их техники и начали дважды в сутки выходить на операции.

* * *

Утро было хмурое, неприветливое. Я встал с топчана, вышел из землянки, спросил у постового:

- Иван вернулся?..

- Тималев? — переспросил постовой. — Нет.

- Куда же он девался? Может, схватили вражеские солдаты? — рассуждал я. — А вдруг сбежал? Я тотчас возвратился в землянку, заглянул под подушку, где лежали паспорта партизан роты и мой пистолет. Ни пистолета, ни паспорта Тималева на месте не оказалось.

«Ушел. Предал». Этому не хотелось верить. А верить приходилось: факты говорили за себя. К тому же наши разведчики — комсомольцы Леня Козин и Виктор Глазунов, прибывшие из Городища, развеяли последние сомнения.

- Трус он и предатель, — горячились ребята. — Уговаривал остаться... говорил, что немцы все равно всех партизан прикончат.

- Да-а, дело серьезное, — проговорил Алексей Павлович Козин. — Как пить дать, приведет карателей. Надо менять лагерь.

Каратели появились 5 ноября в одиннадцать часов дня. Они шли уверенно. Чувствовалось, что им хорошо известно наше расположение. Добравшись до нашей прежней землянки и не обнаружив там никого, они совсем осмелели.

Мы лежали молча, наблюдая за карателями. Вон идет их разведка с собачонкой на цепи (кстати, она ни разу не тявкнула и не выдала нас), а дальше – цепи солдат... А нас здесь только десять. Мне хотелось немедленно открыть огонь. И стрелять, стрелять до тех пор, пока не исчезнут эти страшные люди в черных шинелях. Руки тянулись к спусковому крючку ружей, но стрелять нельзя, надо подпустить ближе, чтоб нанести большой урон врагу. И мы не стреляли.

Огонь открыли, когда каратели были метрах в 10—12. Фашисты отпрянули, оставив 15 человек убитыми. Но враг был силен. Определив, что нас горстка, он снова начал приближаться и брать роту в полукольцо. Мы щелкали из винтовок, бил одиночными выстрелами и «Максим».

- Что же он, черт, делает! — выругался Козин на пулеметчика. — Подведет под обух.

Анохин же бил одиночными выстрелами потому, что забыл с перепугу произвести двойной взвод пулемета и в горячке долгое время (по крайней мере, нам показалось так) не мог догадаться об этом. Наконец, «Максим» захохотал, и фашисты залегли. На помощь к нам пришли роты Смертина и Обыденникова.

В лесу стало темнеть, а бой все продолжался. Слышались выстрелы, хлопки разрывных пуль, команды немецких офицеров. Враг метрах в 75. Он почти окружил нас, по всему видно, уходить не собирается.

- Аркадьич, поднимай ребят в атаку, — советует Алексей Павлович Козин. — Оставаться на ночь так нельзя. К ним подойдет подкрепление.

Я сам понимал, что нужно вырваться из кольца, и поджидал удобный момент.

Услышав голос Обыденникова и поняв, что он поднимает ребят в атаку, я бросился с ротой на врага.

Захватчики отступили, оставив десятки убитых.

КОМСОМОЛЬЦЫ-ДОБРОВОЛЬЦЫ

В. М. САВЕЛЬЕВ,

командир роты

Алое солнце нехотя потонуло в густых верхушках косматых сосен, и радостный, улыбающийся месяц горделиво поплыл в густой синеве вечернего неба.

Землянки курились беловатыми кудрявыми дымками, которые несмело тянулись вверх, на секунду задерживались в тяжелых лапах елей и таяли в небе, где застенчиво мигали яркие первые звезды.

Командир, комсомольской роты Василий Дурнев, съел кусок холодной и крепкой, как резиновая подошва, конины, неторопливо вытер белые руки о трофейную плащ-палатку, глянул на политрука.

Пойдем уламывать «старика». Должен же он иметь душу, как думаешь, тезка, а? Дурнев, подошел к Корявченкову, положил тяжелую руку на острое плечо политрука.

Корявченков что-то промычал под нос, продолжал писать. Закончив статью, он отодвинул «боевой листок», полюбовался на него издали.

- Чернильная твоя душа, Вася. К тебе обращаются, а ты... — И Дурнев махнул рукой.

Политрук часто заморгал маленькими светлыми глазами с редкими рыжими ресницами, дернул острым хрящеватым носом с маленькой горбинкой, снизу вверх глянул на Дурнева. «Выслужиться хочет подлец, прославиться. Блеснуть храбростью перед Аней. И за что она его полюбила?.. Ну, видный, ладный... Но ведь человек красив душой, своим чувством... Бывает же так: кругом красивые, а девушка возьмет и влюбится в такого, — он хотел мысленно сказать, как я, но, проведя рукою по заросшим редкой щетиной рябоватым щекам, закончил: — обыкновенного».

Ему одновременно хотелось и не хотелось идти уламывать «старика», чтобы отпустил на операцию в Сельцо. Хотелось потому, что там вот уже полмесяца сидела Аня. С ней можно было увидеться, перекинуться шуткой, посмеяться. Он думал посмеяться и отлично знал, что не сможет этого сделать из-за своей дурацкой непреодолимой робости. Не хотелось же из-за того, что и, Дурнев, увидит девушку, будет с ней разговаривать, украдкой перемигиваться и, как подозревал Корявченков целоваться. При этой мысли политрука обуревала страшная ревность. «Накося, дружище, выкуси... Дипломат... Тут тоже не дураки, видим, на какую операцию собираешься». Вдруг мысли круто изменили направление. Корявченков вспомнил последние данные разведки, ясно представил, как гитлеровцы хватают и расстреливают советских людей в поселке, и пришел к решению: идем!

Он неторопливо встал, спрятал «боевой листок», надел фуфайку с прожженным левым рукавом, поправил мохнатую, отороченную черным собачьим мехом ушанку.

Штаб отряда располагался метрах в семистах от комсомольской роты. Шли молча, один за другим, стараясь попадать след в след. В двух шагах от землянки, у самого часового, Дурнев, загасил папиросу, поправил серую каракулеву папаху, которой очень гордился и которую носил черт знает каким кандибобером, оглянулся на Корявченкова, взялся за дверную скобу. За тонкой, сорванной с какого-то сарая дверцей звучали голоса. «Батя здесь», — шепнул командир роты и вместе с политруком ввалился в землянку.

Александр Иванович сидел на своем любимом месте, у самого стола, прислонившись левой рукой к стене подземелья. На противоположном конце — Гавриличев, в центре — Берндт, маленький, чернявый, подвижной. Низко над их головами сияла «молния».

Александр Иванович внимательно посмотрел на Дурнева, потом на Корявченкова, пригласил сесть.

- Опять? — спросил он и снизу вверх качнул головой.

- Опять, — смиренно ответили те, ничем не выдавая своего нетерпения. Виноградов встал, провел пальцами под широким кожаным ремнем с медной звездой на пряжке, прошел к мурлыкающей печурке, присел на корточки, взял уголек и, перекатывая с руки на руку, положил его в трубку. В землянке запахло крепкой солдатской махоркой.

- Кстати, вы с армейским Уставом не знакомы? — ехидно заметил он.

- Мы неграмотные, товарищ командир, — в тон ему ответил Корявченков. К его белому, «пшеничному» лицу прилила кровь, и на щеках пропали рябины.

- Да сколько же ждать! Каждую минуту могут расстрелять наших людей. — Загорячился Дурнев.

В отряде все знали, что их командир придает огромное значение, подготовке операции, добиваясь того, чтобы каждая мелочь была учтена, все предусмотрено. Да оно и понятно: любое дело складывается, на первый взгляд, из мелочей, из второстепенных операций.

Мы и план уже разработали... Все выйдет, как по написанному.

- Та-а-ак, — крикнул Гавриличев, — и, откинувшись назад, переглянулся с Берндтом. — Подготовились, говорите? По писаному? А в какую сторону открывается дверь у начальника полиции?

- Вот именно? — оживился Виноградов. - В какую?

- Сколько ночью дежурит полицейских?

- Где стоят посты?

- Сколько полицейских бывает на постах и сколько в карауле?

Дурнев, молча достал из бокового кармана план села, исписанный стрелками, кружочками, квадратами и крестиками. Они и давали ответ на все вопросы. Виноградов, Гавриличев и Берндт склонились над планом.

- М-да, — протянул командир отряда.

- Толково, — промолвил Берндт, и его темные глаза одобрительно заулыбались. — Не хуже, чем в генеральном штабе. Смело и рискованно...

- Благословим? — и Виноградов пожал руки Дурневу и Корявченкову. — Молодцы. Готовьтесь. Завтра выступаете.

* * *

Поселок Сельцо, вытянувшийся километра на полтора с востока на запад, разрезался надвое ниткой железной дороги и насчитывал до тысячи рубленых деревянных домов. С севера он подходил к дремучему сосновому лесу, а с юга подкатывался к Десне и прятался от ветров за голой пологой горюшкой.

С тех пор, как Брянский край был оккупирован гитлеровцами, в поселке Сельцо распался колхоз. В поселке расположился сильный отряд немцев, охранявший участок железной дороги. У кромки леса вместо домов сиротливо глядели обгорелые трубы. На широких окнах светлого двухэтажного школьного здания появились решетки и колючая проволока. На фанерной табличке надпись: «Полиция».

С вечера до утра по улицам: села вышагивали парные патрули, и лишь днем полицейские расходились по домам, а дежурные возвращались в караулку.

Неохота в крещенские морозы топать по вымершей улице, зябнуть, пугаться скрипа собственных шагов, тревожно озираться по сторонам и жадно прислушиваться к безмолвию. А в избе на перине разомлевшая от сна и разгоряченная баба, жаркая печь, самогон. «Бр-р-р, холодно... Скорей бы уж рассвет», — думал полицейский по прозвищу Ванька Лапша, шагавший в эту

ночь по улице. Он был маленький, коренастый, коротконогий. Казалось, туловище у него шло до самых колен, и лишь ниже начинались ноги.

- Тебе не холодно, Иван? - спросил Лапшу второй полицай, длинный, тощий, делая саженые шаги, покашливая и постукивая себя рукавицами по бокам.

Иван отлично знал, что напарник думал совсем не о холоде, но все же поддержал его.

Говорили дохляку, что пока тишь да гладь, отменить дежурства... Так какой там.

Говор смолк. Снег заскрипел под ногами. Полицай добрался до околицы. Длинный, шагавший впереди, остановился, протянул руку по направлению к лесу, прислушался. Иван тоже стал, снял винтовку, высвободил ухо из-под шапки, онемел. Вверху звонко и весело пели телефонные провода, монотонно гудели столбы.

- Что? — вполголоса спросил Иван.

- Вроде шум какой-то.

Полицай долго стоял у сосны, затаив дыхание, тревожно водили глазами по сторонам. Полная, отъевшаяся луна высоко стояла над белыми снегами с темнеющими, пятнами теней. Сзади тоскливо и скучно завывала собака. У длинного начали мерзнуть ноги, он затоптался и передернул плечами.

- Должно, показалось.

Полицай повернули обратно, неторопливо пошли по улице.

- Должно, светать скоро будет.

Где-то за домами басовито загорланил петух, сильно захлопал крыльями.

Вдали за Десной, на самой вершине бугра, заревел мотор, залязгали гусеницы, грохнул выстрел.

- Этим, которых побрали намедни, должно, завтра капут наведут... Там и ребятенки, промежду прочим, с бабами... Как бы опять не заставили. Прошлый раз нажимаю курок, а у самого поджилки трясутся. Это ж смертоубийство одно, не иначе.

- Привыкнешь... Потом же мертвяков бояться нечего. Ты бойся живых. — Длинный зябко кутается в полушубок, глубже засовывает руки в карманы. — И опять же им все равно, кто их долбанет, — ты ли, я ли... Скорей бы уж... Прошлый раз подлатался к дохляку, так вон, сколько добра приволок. Вот энти бурки тоже там тянул... А дохляк шубу и прочего всего.

Ванька Лапша пугливо посматривает на своего спутника, пытается изменить тему разговора.

- Говорят, завтра из Брянска кто-то должен прибыть... Будто по нашему району уже шастает, полицию проверяет.

- Холера его несет.

Полицай умолкли. Каждый думал о своем: длинный — о том, чтоб скорее «пристукнуть» арестованных да подразжиться «обувкой и одевкой», а Ванька Лапша — о том, что ему вновь придется расстреливать невинных людей, и заранее дрожал от страха.

Рассвело. Захлопали калитки, звякнуло дужкой ведро, заурчала машина и, обдавая полицаяев снежной пылью, промчалась по улице.

- На Брянск, должно.

- А может, и на Брянск, холера их разбирает, — откликнулся Иван, глядя в спины немцев.

- Пойдем-ка и мы в караулку. — И они зашагали к двухэтажному зданию.

Караулка гремела голосами, хлопала дверью, густыми облаками стлался дым по комнате, слышался смех.

Начальник еще не пришел.

Куда ему торопиться... Самогонку, видать, хлещет, — С этими словами Ванька Лапша стукнул дверью, начал подниматься по лестнице на второй этаж.

В просторном теплом помещении, насквозь прокуренном табаком, справа у окон за длинным узким столом восемь полицаяев резались в очко. Вошедшие поставили в пирамиду винтовки, сели на широких нарах, расположенных напротив входа. Ванька Лапша, не отрывая ног от пола, прилег на спину, но тут же повернулся на правый бок, боязливо глянул на массивную двухстворчатую дверь, обитую черным дерматином.

- Не бойсь, начальства нету, — прогудел длинный и пошел к играющим. На секунду он глянул в окно, замер и, обернувшись, крикнул: «Господин начальник!»

Загремели табуретки, поднялся шум, суетня, и разом все оборвалось. Дверь в караулке с шумом распахнулась, и худощавый маленький человек с карими глазами пролетел к себе в кабинет.

План Дурнева был прост и дерзок. Комсомольская рота ночью добирается к поселку Сельцо, окружает его. Утром, когда отряд немцев, охраняющий чернетовский мост, уходит, а полицейские снимаются с постов, Дурнев с двумя партизанами под видом чина немецкой полиции едет в село, в

самый штаб.

К поселку молодежная рота добралась часа в четыре. Не выезжая из леса, Дурнев спешился, подождал сани, следовавшие за ним, приказал остановиться: сон и усталость улетучились.

- Каждый помнит свою задачу? — спросил он, когда подъехали остальные, и, не ожидая ответа, продолжал: — Группа Корявченкова переходит железную дорогу, занимает оборону на краю села, у Десны. Ты, указал он на меня, — останешься здесь, действуешь с севера. Симонов со своими людьми минирует мост, который ведет на железную дорогу со стороны Брянска... Не нагрянули б немцы. Мы едем в село... Услышите автоматную очередь — идите нам на помощь.

В то время, когда Дурнев, оборвал речь, конь Скрементова потянулся к первой повозке, к лопоухой кобыленке, призывно заржал.

- Скрементов! — зашипел злым гусаком Дурнев. Убью!!!

Партизаны затаили дыхание, долго прислушивались к тишине. Минут через десять возле корявой сосны, что стояла на отлете, раздались надрывный кашель и хруст снега. Командир выслал к сосне разведку. Вернулась она вскоре.

- Патрули... Кажись, не слышали.

Дурнев энергично подошел к передней подводе, собрал партизан, отдал приказание старшим групп. Первым ушел Корявченков. Его люди долго лежали за кустами у железнодорожной насыпи, и как только патрули ушли за семафор, по одному перебежали на другую сторону.

Вслед за Корявченковым двинулась группа Симонова. Она прошла по кромке леса в сторону Брянска.

Остались Дурнев, Скрементов и Маевский.

Наступила нудная тишина. Небо сереет. Постепенно разгорается тягучая заря. Казалось, она зацепилась красным полотнищем за корявые суки сосен и никак не могла подняться ввысь. Наконец, что-то порвалось, потянуло ледяным ветерком, посветлело. Из леса завиднелись темные ряды построек, кусты, колодезный журавль, а немного правее, по направлению Чернетова — сиротливо обгорелые трубы. Дурнев глянул на часы, подошел к коню.

— Пора!

Партизаны тронулись гуськом. Подъехав к тому месту, где лес подходил к самому крайнему дому, они направились в узкий, заплутавшийся переулочек, выбрались на центральную улицу. Жорж не спускал глаз с командира, видел его беззаботную ленивую позу, пренебрежительные взгляды на окружающее. «Быстрее бы уж ехал, - думал Скрементов. — Раз, два — пан или пропал...».

Проезжая мимо дома Малашки, Дурнев видел, как за окном на секунду забелело лицо Ани, взволнованное, тревожное и в то же время счастливое. Он чуть заметно кивнул ей головой и сразу отвернулся. Сердце радостно застучало, наполнилось неудержимым, буйным восторгом. «Вишь, зыркает по сторонам... как ни в чем не бывало. Или ему наплевать на жизнь?» — рассуждал Скрементов.

Но Жорж не видел, что светлые глаза командира стали темно-синими, не видел, как вспыхивали и расширялись зрачки при каждом стуке, а ноздри прямого носа хищно раздувались.

Дурнев зорко смотрел по сторонам, нарочито не торопился, чтобы не вызвать подозрения. Проехав метров двести, конные повернули влево, туда, где находилась школа, и встретились с полицаем. Тот хотел шмыгнуть в подворотню, но, поняв, что его заметили, вытянулся.

«Неплохо... Принимают», — радостно задрожало сердце командира.

— Как стоишь, скотина! Запорю!.. Р-р-расстреляю! — зычным начальствующим голосом закричал Дурнев и хлестнул по лицу плеткой. — Я вас научу уважать высших чинов. — Безо-о-бразие! Пораспускались! — ругался он, смело направляясь к штабу.

Подъехав к палисаднику у входа в полицию, Дурнев не глядя бросил поводья, которые Маевский поймал на лету, спрыгнул на почерневший, выбитый снег, торопливо пошел к двери, чувствуя за собой шаги Скрементова. «Лишь бы не произошла заминка у часового!». «Три, пять, семь шагов», — бьет гулко сердце. И этот гул отдается в голове, как в колоколе. «Неужели остановит?» Дурнев равняется с постовым. У того как-то загадочно вспыхивают глаза, дергаются брови. Партизан видит, что он что-то хочет сказать. «Еще шаг — и спросит». Дурнев ломает его взгляд своим взглядом, проходит мимо. К сердцу на минуту прилила горячая волна и тут же отхлынула. «Теперь подняться на второй этаж, миновать караулку». А в голове звенит и звенит колокол, и звон такой стоит в ушах, какой он слушал когда-то в детстве, перед пасхой... «Нет, не колокол... Это же шпоры... Да, да, шпоры звенят».

Крепкая замызганная белая дверь испуганно махнула створкой и жалобно пискнула. В караулке Дурнев лихо крутнулся на каблуках, и бурка взмахнула крылья и. Дежурные резались в карты и

прозевали «начальство». Вскочив с мест, полицаи, переминаясь с ноги на ногу, вопросительно глянули па молоденького худощавого «немчика», застывшего у входа в караулку. Парень их понял, улыбнулся, махнул рукой. «Кройте, — и опять опустил руки на новенький немецкий автомат, болтавшийся у него на груди, — вахмейстер добрый».

Дежурные сели, стали собирать карты со стола, но в это время в кабинете начальника послышалась ругань, и грохнули два выстрела. Полицаи вскочили с мест, Скрементов ударил по ним длинной очередью. Загремели стулья, опрокинулся стол, послышались душераздирающие вопли. Кто-то надсадно заорал:

- Вой-вой-вой, братцы, убили! Убили! Убили!

Ванька Лапша, лбом высадив стекло, свалился со второго этажа. Длинный — тот, что лежал на топчане, успел схватить винтовку и выстрелить. Пуля хищно клюнула в штукатурку, обсыпав Жоржа белой пылью. Вторая, срикошетив, разбила портрет Гитлера. Скрементов прыгнул в темный угол и, поскользнувшись, упал, крепко ударившись плечом об пол.

Скрементов видел, как у длинного дрожали волосатые руки, и тряслась нижняя челюсть, видел обезумевшие чужие глаза и неумолимый черный глазок винтовки. «Вот теперь все», - мелькнуло в голове, и сердце сковало ледяным холодом. Он хотел крикнуть и не смог, хотел сдвинуться, но тело одеревенело.

Длинный не выстрелил. Дурнев подоспел на помощь. Пуля попала полицаю в затылок.

В то время, когда в полиции загремели выстрелы, Володя Маевский срезал автоматной очередью часового, стал осматриваться по сторонам.

- Володя! — крикнул Дурнев, высунувшись из разбитого окна. — Цел? Выпускай арестованных.

Глаза его безумно сияли, а на лице играла торжествующая улыбка.

Выстрелы в полицейском штабе были сигналом. В разных концах села рассыпалась автоматная дробь.

...Операция была выполнена: полиция разгромлена, советские патриоты освобождены, взято шестьдесят четыре подводы, доверху нагруженные трофеями.

Партизаны выехали в лес, когда Дурнев разыскал Аню. Пристроил ее на подводе Савельева. Она была в красном расстегнутом крестьянском полушубке и мужской шапке, из-под которой вились пышные русые волосы; звонко смеялась и шутила с ребятами. Большие миндалевидные глаза сияли счастьем и молодым задором, алые сочные губы были полураскрыты, щеки пылали огнем, небольшой носик боевито смотрел на белый свет.

Партизаны прямо и украдкой засматривались на девушку. Да и как было не засматриваться, когда весь ее вид так и говорил: «Операции операциями, а я женщина, нет опасности, и мне плевать на всякие войны... Я должна любить... Я не могу не любить». И она любила,

- Застегнись, Анюта, — то и дело, подъезжая к подводе Савельева, говорил Дурнев.

- Не буду.

- Брось дурить, простудишься.

Командир роты перегнулся с седла, хотел достать Аню рукой. Она увернулась, откинулась назад, засмеялась. На верхней губе у нее задрожала черная «мушка», какие делают нередко девушки, идя на гулянье, четче обозначилась ямочка на упрямом подбородке.

К Дурневу подскакал Скрементов.

- Со стороны поселка идут фрицы, — доложил он. — На мосту грохнула мина... Танк, видно, напоролся.

Дурнев, ничего не сказав, поскакал в конец обоза, к политруку.

- Вася, — соскакивая с коня, проговорил командир роты, — чувствуешь?

Корявченков остановил лошадь.

- Что будем делать?

- Отправим обоз, а сами прикроем его.

- Я тоже так думал.

Корявченков посмотрел на Дурнева. Сейчас он не чувствовал к нему ни тайной зависти, ни прежней неприязни. «Смелый, один в самое пекло пошел... И простой, без рисовки... Такого не грех полюбить».

- Отдавай приказ, а мы здесь заминируем дорогу. Он достал из-под сена три противотанковые мины, похожие на нижнюю часть керосинок, подал партизану, ехавшему с ним на санях.

- Где их лучше закопать?

- Ставьте вон там, за изгибом, посоветовал Дурнев и помчался догонять обоз.

- Савельев! Савельев! Да остановись же, черт глухой. Что ты, не слышишь, что ли. Фрицы

прицепились. Уходить надо. Дуй по большаку, у ломаной сосны свернем влево, в 62-й квадрат, там есть дорога на Дорожово. Крой строго по ней на север, выедешь к развилке. Возле 45 квадрата сделаете восьмерку, выедете на просеку и домой. Помни, важно запутать следы, а то притянете на хвосте карателей в лагерь.

Он раскраснелся, шапка свалилась на макушку, а глаза сделались решительными и злыми.

- Я тоже с вами, — Аня легко соскочила с саней, поправила ушанку, застегнулась.

- Поедешь с ними.

- Нет, останусь!

- Сейчас вот этой плеткой как перетяну — неделю не сядешь. Поезжай!

Аня хотела что-то возразить, но Дурнев уже ускакал, и она показала ему вдогонку язык.

«Десять партизан уехали с трофеями, а остальные на изгибе дороги. Запрудив дорогу, мы ударим по хвосту, и танк накроется здесь. И немцы — ни туда, ни сюда» — мечтал Дурнев.

- Завал бы сделать, — вслух промолвил он.

- Услышат гады, будут остерегаться.

- Верно, ударим внезапно.

Лес замер. Вверху тяжело вздыхали сосны, качали верхушками, цеплялись за лохмотья серых низких туч. Партизаны нервничали.

Немцы появились минут через двадцать. Впереди, лязгая гусеницами и яростно урча мотором, шел серый массивный танк с черным крестом на лобовой части. Он осторожно ворочал головкой с длинным тонким носом, озирался, принохивался. За ним медленно тянулись три грузовые машины, битком набитые немецкими солдатами. Они время от времени били из автоматов по кустам, громко говорили, подбадривая себя.

- Компот, — тихо проговорил Симонов, когда последняя машина поравнялась с ним.

Не рассчитали мы с тобой, горячо зашептал ему на ухо Корявченков. — Рванем вправо.

Они приподнялись и кинулись бежать, пробираясь через цепкие кусты. Их торопливость чуть не погубила дело. Немцы с последней машины услышали хруст веток и шум, ударили по кустам из автоматов. Корявченков зарылся в снег, рядом — Симонов. Над их головами защелкали разрывные пули. Впереди на снег упали куски сосновой коры.

В это время раздался сильный двукратный взрыв. Танк взревел, как от боли, закрутился на месте, ударил из пушки. Симонов, высунувшись из-за бугорка, прошил длинной очередью хвост колонны.

Последняя машина задымила и вспыхнула ярким пламенем. Из хвойной чащобы застучали автоматы, винтовочные выстрелы, пулеметная дробь.

Корявченков и Симонов видели, как худой немец в черной рогатой каске и лошадиным лицом дернул рыжими усиками, подстриженными под Гитлера, резко выпрямился, точно собирался этим движением сломать самому себе позвоночник, медленно упал за борт кузова машины. Второй, стоявший впереди, у самой кабины, высунул большой мясистый язык, залитый кровью, будто собираясь дразниться, как-то неестественно лег на кабину и больше не шевелился.

Гитлеровцы заметались, посыпались на снег. Беспорядочно стреляя, они побежали по лесу, залегли. Танк яростно бил из пушки, где-то правее строчил крупнокалиберный пулемет. По лесу раздавались чужая речь, ругань, стоны, выстрелы.

Дурнев вывел своих людей из-под обстрела, положил их на том самом месте, где лежали Корявченков и Симонов.

- Давай в обход, с тыла! — скомандовал он и, прицелившись, слева направо повел плечом. «Дегтярев» ударил звонко, раскатисто.

Немцы, придя в себя, систематизировали огонь. Пули заныли над головами партизан, обрубая ветки. Серо-зеленые шинели перебежали с места на место, прятались за деревьями. «Черт возьми, они, кажется, обходят нас», — обожгла Корявченкова мысль.

- Обойдут... Вася, можно я их с фланга рубану? — проговорил Симонов.

- Идем вместе, — ответил политрук.

Корявченков и Симонов метнулись на левый фланг, надеясь зайти гитлеровцам в тыл. Они уже проползли метров пятнадцать, когда пуля разбила у политрука автомат, а другая задела бедро.

- Иди, дружище, иди. Я один доковыляю.

Симонов прополз вдоль кювета до изгиба дороги, углубился в лес, побежал дальше к поселку и за второй излучиной перешел дорогу. Стреляли левее. Схватив кусок снега, Симонов пожевал его, но жажды не утолил. Пригибаясь и прячась за стволы сосен, он пошел на выстрелы. На самом изгибе дороги, на небольшой полянке, поросшей редким низкорослым кустарником, копошились

люди. Симонов осторожно выглянул из-за сосны и, опустившись на колени, лег на живот, установил целик ручного пулемета на цифре «100». Длинная очередь с фланга прозвучала неожиданно. Симонов, маскируясь за кустами, перебежал на новое место, снова нажал на спусковой крючок и опять перебежал.

Немцы замешкались, приняли полукольцевую оборону. Воспользовавшись этим, Дурнев дал команду отходить в глубь леса. Он хотел уйти от близкого соприкосновения с врагом, сделать засаду и снова встретить его огнем. Но немцы не пошли за Дурневым, решив, что на флангах и в тылу у них действует группа партизан, захотели покончить с ними, а тогда преследовать остальных.

Симонова они заметили скоро и стали брать его в кольцо. Партизан в пятый раз перезаряжал диск, торопился открыть огонь, а руки дрожали и плохо слушались. «Надо отходить», — мелькнула мысль, но вдруг сзади, шагах в десяти, он услышал шорох и, обернувшись, увидел двух немцев. «Обошли... теперь... теперь...»

- По фашистам... огонь! — скомандовал он сам себе, бросил в немцев две гранаты и отполз в сторону. «Лишь бы через дорогу... Там убегу, отобьюсь». Вот и дорога, раскатанная и выющаяся. Симонов выпустил полдиска, вскочил, согнулся и, касаясь руками снега, побежал. Внезапно его сильно чем-то ударило по левой ноге, он споткнулся, вскочил, но тут же рухнул от боли. Партизаном вдруг овладело необъяснимое озорное чувство, какое обычно овладевает сильными людьми в минуты обреченности.

- Э-э, погибать, так погибать, — почти с радостью сказал он, переполз за толстый дубовый пенёк, крикнул: — По фашистским...

Но голос сорвался. Вторая пуля разбила ему щеку и челюсть. Симонов уткнулся в снег. Немцы стали приближаться. Он через силу оперся о пенёк, хотел встать, бросить гранату, но так и не смог ее достать из кармана. Две пули пробили ему грудь. В тот миг, когда он падал, услышал далекую стихающую перестрелку сзади себя. «Ушли, подумал он, ушли родные».

Приближался вечер. Небо почернело, за клубилась поземка, начиналась метель. Снег кружился, взмывая кверху, порхал среди деревьев и чистым покрывалом укрывал молодого партизана.

Записал А. САВИН

НАПАДЕНИЕ НА ЗЕМЛЯНКУ

А. Я. КЕИТЛИН,
партизан-разведчик

С 10 на 11 ноября 1942 года произошел случай, который навсегда останется в моей памяти.

Вернувшись с очередного задания, группа партизан, в числе которой был и я, расположилась отдыхать в одной из землянок. За ночь нам пришлось проделать немалый путь, и как только мы очутились в землянке, сон свалил нас. Некоторые даже не успели раздеться и разуться. Я тоже очень устал, снял только сапоги и сразу же уснул.

Перед нашим возвращением выпал небольшой снег. Следы, оставленные нами, были хорошо заметны с наступлением рассвета. Карательный отряд врагов проходил по дятьковскому большаку. Вероятно, фашисты заметили свежие следы, ведущие вглубь леса. Они пошли по следам, которые и привели их к землянке...

Было уже утро, совсем светло, когда нас разбудил треск автоматных очередей и крики фашистов.

Схватив свое оружие, партизаны выскочили из землянки, и пошли в обход немцев. Натягивая сапоги, я задержался. Кроме меня, задержался еще Иван Рыженков. Фашисты, видимо, подумали, что в землянке осталось много партизан, и не пошли за теми, кто успел выскочить, а решили уничтожить оставшихся.

Как только мы приоткрыли дверь, снова затрещали выстрелы. Нам оставалось защищаться, пока подойдут свои, или умереть в бою с врагом, если никто не подоспел вовремя. Бой был неравный: немцев — примерно полсотни, а нас — двое. Из оружия у нас был ручной пулемет, немецкий автомат, русская винтовка и пистолет ТТ, но патронов оказалось совсем мало. Кроме того, было еще пять ручных гранат, которые мы оставили на тот случай, если немцы ворвутся в землянку.

Завязалась перестрелка. Дверь в землянку стала просвечиваться, изрешеченная пулями. Мы

укрывались за стеной. Прошло минут 20—25, наши патроны стали подходить к концу. Мы решили прекратить стрелять и ждать, пока каратели подойдут ближе. Они не заставили себя долго ждать. Несколько из них вышли из-за деревьев и подбежали ближе к входу. Я одну за другой кинул две гранаты, которые упали между немцами. Раздались взрывы — пять солдат упало убитыми, а раненые убежали назад, за деревья. Мы сделали еще несколько выстрелов — у нас оставалось всего два патрона в пистолете и один в винтовке.

Каратели снова приблизились и стали забрасывать нас гранатами. Шесть гранат попало внутрь землянки. Мы бросились на землю. Рыженков остался невредим, а мне осколки попали в голову, руку и ногу с левой стороны. Не успели мы вскочить на ноги, как в дверях показался офицер, а за ним шли солдаты. Землянка была полна дыма. Немецкий офицер дал несколько очередей из автомата, но Рыженков успел в упор выстрелить в офицера из винтовки. Офицер упал на пороге мертвым. Немцы в панике бросились обратно.

Окончательно расвирепев, они решили поджечь землянку. В открытую дверь полетели зажигательные гранаты. Внутри сразу все охватило огнем. Задыхаясь от дыма, мы начали землей тушить пламя, но дыма становилось все больше и больше. Тогда Рыженков не вытерпел, и я не успел его удержать, как он с криком «ура!» бросился к выходу, где сразу упал от немецкой пули. Я остался один. Брала жуть смерти. Слышу, как немцы кричат: «Фенстер фаер». Это означало, в окно бросайте огонь. Каратели бросили еще одну гранату в окно. Дым ел глаза, дышать уже было невозможно. Я лег на пол, разрыл руками земляной пол и опустил лицо в яму. Пробыть в таком положении долго я не мог, немцы могли каждую минуту ворваться в землянку, да и дым душил.

Скинув гимнастерку, где у меня были важные разведданные, я стал подползать к выходу. Я решил в последний момент сжечь гимнастерку с документами, а сам погибнуть, но не дать живым в руки врагов. Едва я подполз к выходу, как вижу: прямо в меня летит граната. Укрыться было негде: впереди ждали фашисты, а в землянке — смерть от дыма. Схватив гранату, упавшую рядом со мной, я быстро кинул ее дальше, в землянку. Полу сгоревшая землянка рухнула за моей спиной. Вспыхнуло большое пламя, в которое я кинул гимнастерку и свой автомат. Тогда, собрав последние силы, в правой руке с пистолетом, заряженным одним патроном, а в левой держа гранату, приготовленную к взрыву, я выбежал из землянки, чтобы взорваться вместе с карателями.

А в это время с другой стороны уже подошла группа партизан во главе с командиром Василием Дурневым. Фашисты, как только заметили партизан, сразу же побежали, бросив своих убитых. Выскочив наружу, я вместо карателей увидел своих товарищей. Думать было некогда, граната каждую секунду могла взорваться у меня в руках. Крикнув партизанам: «Ложись, бросаю гранату!», я откинул ее в сторону и сам бросился на землю. Граната разорвалась, не причинив никому никакого вреда.

Во время этого боя я был ранен и контужен. Меня хотели отправить на Большую землю, но я категорически отказался. Проболевал полтора месяца, все осколки были вынуты врачом Батюниным.

После выздоровления я опять начал разведку с моим лучшим другом Жоржем Митюхиным, опять отправляясь в населенные пункты на конспиративные квартиры.

ХОТЫЛЕВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Н. Н. ГЛОТОВ,

бывший партизан

Когда гитлеровцев разгромили под Москвой, село Хотылево наполнилось немцами и их прислужниками — бывшими подмосковными бургомистрами и полициями. Помещения техникума враг превратил в свои склады.

Мы решили сделать налет на техникум и пополнить свои продовольственные запасы, которые у нас были на исходе. Заодно надеялись достать и мед для больных партизан. По слухам, там фашисты попивали чаек с нашим медом.

Было дано задание разведчикам в течение трех суток тщательно изучить обстановку. Это задание наша разведка выполнила хорошо. Разведчик М. И. Пайтеров доложил, где и как расположены немецкие посты, сколько человек стоит на каждом посту, в какие часы они сменяются. Разведка выяснила также, что во дворе техникума нет ни одного гитлеровского солдата и полиция, что живут там только управляющий хозяйством техникума и обслуживающие рабочие. В конюшне техникума стояло одиннадцать лошадей. На них рабочие техникума

обслуживали немцев.

Имея точные данные, командир отряда Т. Ф. Шпадырев и политрук И. Г. Борисенков пригласили меня как партгрупорга отряда на совет по осуществлению этой операции.

Условились поехать на трех подводах: на первой — командир Шпадырев, Минаев И. М., Пайтеров М. И., Смоленский М. И., на второй — политрук Борисенков И. Г., Семин, Кузнецов А. И. и на третьей — Горохов Л. Н., Минаев В. М. и я.

И. М. Минаеву поручили выполнить одно из труднейших заданий — бесшумно снять пост, охранявший двор техникума. Предстоящая операция должна держаться в строжайшей тайне.

На следующий день после ужина Шпадырев дает команду: намеченным для поездки товарищам собраться и быть готовыми к выходу в 20.00 на разведку тылов врага.

Отъехав от лагеря за пределы охраняемой зоны, сделали небольшую остановку, на которой Шпадырев сообщил, что идем не на разведку тылов, а в Хотылевский техникум за продовольствием.

В половине двенадцатого мы подъехали к Десне. Оставив одного партизана смотреть за лошадьми, мы тронулись цепочкой к селу. Первым пошел Минаев И. М., за ним Шпадырев. Отойдя от подвод на видимое расстояние, один товарищ остановился, потом так же на видимое расстояние от оставшегося остановился второй, потом третий и все остальные.

Подходя ближе к селу, мы уже не шли, а ползли в гору по заснеженной канаве, расположенной между садом техникума и дорогой. Перестал ползти Шпадырев, не ползет дальше и Минаев, чувствую, что они ведут какой-то разговор. Прошло не более трех минут, пополз один Минаев. Мы лежим неподвижно. Временами приподнимаю выше голову, вижу силуэт только одного часового, опускаю голову — хорошо вижу влипшего в снег Шпадырева и ползущего Минаева.

Минаев подполз совсем близко, лежит, остается один бросок — и он около часового. Часовой в тулупе с поднятым воротником, тулуп тяжелый, не дает ему разворота, он затягивает борта тулупа потуже, не нравится ему каша морозная зима.

Часовой начал ходить, то приближаясь на небольшое расстояние к Минаеву, то удаляясь от него. Минаев налегке, на нем только одета фуфайка, а вооружен он наганом и тремя гранатами.

Время идет медленно, минуты кажутся часами, нервы напрягаются. Минаев лежит, я думаю: почему стоит один часовой, а не два, как доложила разведка? Видимо, думает об этом и Минаев. Часовой приближается к Минаеву, поворачивается, идет обратно. Минаев стал на одно колено, быстрый рывок — и он уже сзади немца.. Взмах руки и толчок в спину немца. Был ли крик немца, я не слышал. Немец упал лицом в снег. Минаев нагибается к немцу, поворачивает его лицом вверх, берет за борта шубы, вытряхивает его из шубы, снимает автомат и все это кладет на снег. Часового берет на руки и бросает в заснеженную канаву. Возвращается на место, надевает немецкую шубу и автомат на себя. Начал ходить и водить по сторонам ногами, видно, маскирует следы своей работы. Останавливается, смотрит в сторону улицы села.

На сердце и радостно, и что-то гнетет. Все время не выходит из головы - почему стоял один немец, а не два, где второй немец, неужели разведка донесла неправильно? Минаев не ходит, как ходил немец, он стоит и все смотрит в сторону села, сигнала нам никакого не подает. Смотрю на часы: четверть первого. А мне казалось, что уже вечность прошла.

Минаев стоял и ждал прихода второго немца, и он в лом не ошибся: я увидел идущего к Минаеву второго немца, также одетого в шубу. Минаев поворачивается к нему спиной: он слышит, как подходит немец и что-то говорит по-немецки. Минаев стоит спокойно. Немец идет тихо, расстояние все сокращается, и вот-вот он подойдет вплотную к Минаеву. Подошел. Минаев резко поворачивается к немцу, сбрасывает с плеч шубу, немец стоит без движения — чувствуется его испуг и растерянность. Взмах руки Минаева — и тесак в груди фашиста. Минаев проделывает все то, что сделал и с первым убитым немцем. После этого взмах руки в сторону Шпадырева. Шпадырев взмахивает рукой мне и идет к Минаеву. Я сигналил следующему товарищу, но остаюсь на месте, как договорились. Это сигнал подавать лошадей и идти всем к посту, а от поста — к техникуму.

Лошадям на льду реки обмотали подковы тряпками, чтобы не было большого скрипа.

Подходят товарищи, я встаю, присоединяюсь к ним, и идем каждый за своей подводой. Подъезжаем к месту снятого поста. Шпадырев оставляет двух человек на poste: вместо убитых немцев. Остальные девять человек спешат к техникуму. От поста до техникума расстояние небольшое, но нужно перейти три дома, в которых жили немцы.

Идем тихо, все в боевой готовности. Тишина и в селе, немцы спокойно спят, надеясь, что охраняют солдаты «арийской крови». Подъезжаем к техникуму, ворота закрыты. Кто-то

перелезает через забор, открыли ворота, оставляя у них одного человека для наблюдения за улицей, и чтобы кто-либо не выскочил из двора техникума.

Во дворе тихо и пустынно. Расстаниваемся около дверей всех жилых помещений, одновременно наблюдаем и за окнами. Командир и политрук тихо стучат в окно управляющего. Открывается дверь, и перед партизанами появляется перепуганное лицо управляющего. Управляющему приказывают без шума поднять и собрать всех работников, проживающих на территории техникума.

Собравшимся рабочим Шпадырев говорит о цели нашего приезда. На многих лицах радость и удивление: как могли появиться партизаны, где так много немцев? Угрюмо молчит управляющий, не хочет указать, где продовольствие, а про мед твердит, что его вообще нет.

Начали производить обыск во всех складских помещениях — обнаружили много муки, овса, крупы, соли, мыла, в чем мы крайне нуждались.

Были мобилизованы все рабочие техникума на пересыпку из закромов в мешки и погрузку на подводы. Но обнаруженное продовольствие нельзя было увезти на наших трех подводах. Приказали конюху запрячь все одиннадцать техникумовских лошадей в сани и подать под погрузку. Запрягал и разговаривал он с такой быстротой, что в его симпатиях к нам никак нельзя было сомневаться. Из разговоров с ним я узнал, что он белорус, при наступлении немцев уходил от них, но не смог выйти на Большую землю, вынужден был остановиться и работать здесь. Где берут немцы мед, он не знал.

Загрузка подвод подходит к концу. Прижатый к стенке, заговорил и управляющий, он рассказал, где немцы берут мед. Оказывается, было полторы сотни ящиков пчелиных семей, в которых оставалось меда только для питания пчел в зимнее время. Немецкие офицеры, узнав об этом, каждый день уничтожали по несколько пчелиных семей.

Идем в малозаметное каменное помещение в углу двора, у выхода в сад. Что же мы видим? Почти все домики уничтожены, осталось десятка два пчелиных семей. Жаль уничтожить эти семьи, но что делать, забрать с собой мы не можем, не в наших условиях их беречь и разводить, оставить — пожрут фашисты. Решаем уничтожить. Приказываем управляющему и конюху вскрывать ящики и быстро выбирать рамки с медом.

Наконец, подводы стоят одна за другой, готовые к выезду из ворот техникума. Шпадырев потребовал: всем жителям зайти в одну из квартир и тихо сидеть там ровно час.

- Ровно час мы будем охранять выходы из техникума, — добавил командир, ...На улице мертво, только раздается небольшой скрип от нашего обоза. Все волнуемся, вот-вот должна происходить смена часовых на посту, где стоят наши товарищи вместо убитых оккупантов. Улицу проехали хорошо. Вот и пост. Наши часовые без команды снимаются с поста, быстро садятся на указанные командиром сани.

Спустились с горы, пересекли Десну. Нужно переезжать через железнодорожный путь около хотылевского полустанка, а там стоит немецкий пост. Что делать? объезжать с таким большим количеством груженых подвод по заснеженному полю и лесу невозможно. Требуется большое время, нас могут догнать немцы.

Остается один путь — ехать через хотылевский полустанок, пробиваться с боем. Распределили обязанности на случай схватки с врагом, подъезжаем к переезду. Часовых не видно, в здании полустанка горит свет. Переехали железную дорогу, миновали здание полустанка — тишина. Ускоряем ход лошадей, один поехал на первой подводе, а за ним пошла вторая подвода, третья. Семь человек остаемся, ждем, пока проедут железную дорогу все остальные подводы. Проехали и они. Мы бежим каждый к своей подводе.

Едем и рассуждаем:

- Почему немцы сняли пост?

Вскоре все выяснилось. Не проехав и полкилометра, мы увидели впереди стоящую лошадь, запряженную в розвальни. На дороге лежит убитый немец. На розвальнях, запутавшись одной ногой в веревке, лежит второй немец, у него ноги на санях, а тело на дороге. На санях лежит с отбитой ложей русская винтовка. В сторону от саней след по глубокому снегу. По лошади узнаем, что она из какого-то нашего отряда — значит на ней ехал наш человек. Значит, здесь была встреча немецких часовых. Но на посту должно быть не два немца, их должно быть больше. Опять загадка: где же остальные? Видимо, завидев наш обоз, убежали из будки и отсиживались в лесу, боясь вступить с нами в бой.

Забираем лошадь, привязываем ее к саням одного товарища.

Остальной путь до леса старались ехать как можно быстрее. Заехали в лес, и сразу стало легко,

все опасности остались позади. Здесь мы у себя дома. Лошадей гнать перестали, поехали шагом.

В лагерь приехали рано утром. Какая радостная встреча! Какой сюрприз для отряда!

Шпандырев дает команду товарищам, которые не ездили с нами, приготовить в поселке Можель баню, поскольку теперь отряд с мылом, а нам позавтракать и ложиться отдыхать до бани. Больным к чаю немедленно выдали мед.

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

В. П. ДУРНЕВ,

командир отряда

У костра сидели двое. Ветер, посвистывая в верхушках деревьев, изредка ухитрялся пощупать людей за спины. Плотный коренастый человек в новенькой фуфайке, подобрав под себя ноги, обутые в кованые немецкие сапоги, смотрел на костер. Из-под козырька кепки виден прямой твердый нос с поперечным шрамом, плотно сложенные губы.

Огонь был невелик. Сухие дубовые плахи давно прогорели и, рассыпавшись червонным золотом, источали нестерпимый жар.

- Бывало, наработаешься, наформуешь опок, глядеть ни на что не хочется. А когда залиют опоки металлом, и он тоже вот так засияет, заискрится да начнет вспыхивать огоньками и переливаться, эх, мать честная, душа так и взиграет — ведь это я вселил в землю жизнь. Да и не для чего-нибудь — для жизни.

Человек в фуфайке говорил негромко, задумчиво, с явным удовольствием. Его напарник, маленький чернявый, в кожаной куртке, полулежал, повернув голову к коренастому, слушал.

- Или увидишь паровоз и свои буксы, свои, сработанные вот этими руками.

- Ты говоришь, Иосиф Дмитриевич, вроде я вырос не на заводе, а на луне.

Коренастый достал из костра картофелину, перебросил с ладони на ладонь, подал Лактюхину вторую, разломил, подул на нее, обжигаясь, начал есть.

В темноте слышались шаги, окрики часовых. К костру подошел политрук молодежной роты Корявченков. Марков оборвал речь на полуслове, встал.

- Товарищ начальник штаба отряда, группа минеров в количестве шести человек к выполнению задания готова! — доложил Корявченков.

- Хорошо подготовились? Отоспались? Продукты... Что, что? Да я этому Анискину голову оторву! Сколько он вам выдал?

Марков, как обычно, сплюнул через зубы, возмущенный жадностью старшины.

- Да я ему... — он долго ворчит и никак не успокоится. — Ну, ни пуха, ни пера, — говорит Марков, остыв немного.

- Не лечит, — возразил Толик Коршунов деланным баском и крутнул пальцами мягкий пушок на верхней губе. Не пуха, так перьев надерем.

В отблесках костра видна его лихо сдвинутая на затылок шестиклинка с маленьким козырьком, под ней продолговатое лицо с быстрыми цепкими и в то же время веселыми глазами, смеющийся ребячий рот. Это был бесшабашный, лихой минер, еще почти мальчик.

Корявченков переступил с ноги на ногу, глянул на небо, потом на начальника штаба.

- Не держу, не держу... удачи.

Партизаны бесшумно скрылись за кустами, но Коршунов сейчас же вернулся назад.

Товарищ начальник штаба, прикажите, чтобы побыстрее были готовы колеса: нам выступать, а в этих лаптях разве спляшешь? — Он выставил носок сапога и пошевелил вылезшими пальцами.

- Прикажу, дорогой, прикажу. Завтра же будут готовы...

Парень повернулся и быстро исчез в зарослях орешника. Из темноты донесся торопливый шум кустов и треск сучков, ломающихся под ногами. Михаил Данилович и Иосиф Дмитриевич долго смотрели на кусты, где скрылись партизаны. Каждый думал одну и ту же думу: «Вот она, жизнь, идут на смерть, а мечтают о самостоятельности, о сапогах, а может, через день, час, секунду не нужно будет ни сапог, ни самостоятельности, ничего».

Летели часы. Партизаны дважды за это время выходили к железной дороге и дважды уходили ни с чем.

- Идемте к Хотылеву... Мы с Колькой Меньшиковым там два эшелона ковырнули, — тихо сказал Коршунов.

Минеры сели под деревьями на моховом бугре. Теплая летняя ночь придавала особую красоту деревьям, рисовала фантастические узоры из теней. На небе роились звезды. Они трепетно

дрожали в вышине, перемигивались, играли драгоценными лучиками. Яркая горбушка луны медленно поднималась к зениту. Вдали неистовствовали лягушки.

- Слышь, разоряются.

- На прогрессивку рассчитывают.

- Черт знает, что выкомаривают.

- Заткнись! — сердито оборвали говорившего.

За лесом раздалось перестукивание колес и лязганье буферов. Тотчас совершенно неожиданно налетел теплый порыв ветра. Зашумели и затрепетали деревья, жестью загремели листья осины. У Коршунова сорвалась с головы кепка и покатила по траве. Разом погас разговор. Эти далекие звуки, порыв ветра напомнили людям, зачем они здесь, в лесу, среди ночи, напомнили о войне, о немцах.

Корявченков встал, сердито подал команду. Пошли молча, у каждого в душе запеклась горечь и обида за все: и за поруганную землю, и за поломанную жизнь, и за ушедшее счастье, и даже за тех лягушек, которых слушали несколько минут назад.

Партизаны выбрались на тропинку, опустили в лощину. На дне ее резво звенел и натруженно пыхтел у коряги ручей. Тропка свернула вправо и опять поднялась в гору. Чувствовалось, что тот, кто шел впереди, хорошо знал каждый куст, каждую былинку.

Коротки июльские ночи, не успеет погаснуть заря, как занимается новая. Кажется, солнце приляжет на часок за горизонтом и сейчас же спешит осветить, пригреть, приглубить землю.

Утром, когда взошло солнце, было решено отдохнуть, а затем попытать счастья под Тросной.

Солнце поднялось довольно высоко, когда минеры двинулись в путь. В лесу веяло душистой свежестью, на опушке трава блестела росой, ранние птичьи голоса звенели радостно и торжественно.

Часа в три вышли к намеченному пункту. Партизаны прилегли в тени. С небольшой насыпи тянуло тропическим зноем. Над накатанными, блестящими рельсами дрожало марево. Недалеко от них, метрах в трехстах друг от друга, высились крытые дерном дзоты. Издали они не были заметны и лишь вблизи, когда присмотришься, различишь амбразуры, двери и красный телефонный кабель, убегающий вдоль дороги.

- Может, там никого? — неуверенно заметил Артамонов.

- Сходи.

- А что, и схожу... Неохота только приказ нарушать.

Вскоре из левого блиндажа показался немец. Он потянулся, поворочал головой, отошел немного в сторону.

- Ах ты, змей! Еще нашу землю пакостить! — и Маевский схватил автомат, но Корявченков вырвал у него оружие.

- Смотри, мальчишка! — и уже отходчивей добавил: — Держаться надо. Впереди дела... Видишь...

Со стороны Брянска шел состав. По-видимому, не очень увесистый и поэтому длинный.

- Порожняк с ящиками и прочим барахлом.

- Ничего, появится и наш. — Корявченков энергично тряхнул головой и посмотрел на партизан.

Действовать будем так: Артамонов и Маевский идут на правый фланг, к тому дзоту, Егоренков и Степин - к левому, мы с Коршуновым ползем туда, - и он вскинул глаза на железную дорогу и сейчас же опустил их. — Если что, бейте по фрицам, прикроете отход.

Солнце жаркое, лучезарное легко парило над землей. На небе плавало множество тугогрудых «барашков». Они, точно бледно-серые льдины, целый день неподвижно висели в безбрежном и бездонном голубом омуте. Глядя на них, казалось, что и время остановилось, как эти облака.

Хорошо в такие дни на берегу реки или под развесистым шатром дуба. Думать и двигаться нет никакого желания. Хочется лежать, лежать, ловить доносящиеся звуки леса, вдыхать сладковато-пряный запах полыни, скошенной травы и глядеть на эту благодать до тех пор, пока не наступит темнота и не затопит все вокруг. На душе в такие моменты бывает легко, необъяснимо радостно и торжественно.

Но, люди, притаившиеся в кустах, кляли в этот день и солнце, и небо, и погоду. Они обрадовались, увидев вдаль, у горизонта, высунувшуюся грозную тучу. Но она, словно дразня, исчезла.

Не скоро приплыл вечер. Облака закружились и пропали, точно растаяли. Из глубины леса приползла неприятная сырость. Спокойная заря разлилась на западе кротким румянцем и ушла за край земли. Воздух еще был прозрачен, но уже все предметы стали терять свои очертания,

расплываться, тени сгущаться, расти. Этого времени и ждали партизаны: патрулей еще нет, и железная дорога просматривается плохо из дзота.

- Пошли, Коршун.

Корявченков и Толик поползли к железной дороге по траве, усеянной пнями. Здесь еще недавно был лес, который немцы вырубили, чтобы никто не мог подобраться к железнодорожному полотну незамеченным.

Густая, полегшая трава белела сизой росой, и сзади чернело два следа. Вот и насыпь. Теплый крупный песок, кажется, жжет руки. Корявченков плашмя лег возле рельса и начал быстро скрести под ним рукой. С насыпи покатались мелкие камешки, увлекая за собой струйки песка.

- Готово, ставь, — прерывисто шепнул он.

Коршунов подкопал еще под рельсом, поставил мину, засыпал ее песком, потянул за собой проводки. Стоит их соединить — и взрыв.

- Только, стой! Гляди. Пока рыл, сорвал ноготь и не услышал. А сейчас жжет.

Толик глядит на окровавленную руку, на отвернутый, посиневший и залитый кровью ноготь.

- Давай подорожником.

Нашли какой-то лопух. Корявченков отсосал от раны, как он говорил, дурную кровь, а Коршунов оторвал от своей рубахи длинную полоску, замотал товарищу палец.

- Ух, горит, — Корявченков тряс рукой, морщил нос и все лицо.

За изгибом железной дороги за лесом прогудел паровоз. Корявченков и Коршунов поползли к остальным товарищам. «Вперед, вперед», — рвется сердце.

- Стой! — проволока оборвалась. Вась, Васька.

- Может, нет?

- Гляди, — Коршунов легко потащил провод к себе.

- Может, мина выскочила?

Он не договорил и, не выслушав ответа, как ящерица, пополз по прежнему следу. Стук колес и тяжелое дыхание паровоза усиливалось.

«Неужели не успею? Что тамстряслось? Неужели возле самых клемм?». Быстрее, быстрее стучит сердце. Оно торопится, тревожно трепещет в груди, а во рту набегает противная тягучая слюна. Вот и насыпь. Так, где мина? Вот... Обрыв! Куда же делись проводки? Он скатился с насыпи, зашарил в траве, нашел проволоку.

Впереди показалась развернутая грудь паровоза, стальная махина закрыла лик солнца.

Нервная дрожь, которая начала бить парня при виде паровоза, тут же улеглась. Так случилось с ним всегда, когда он шел на опасное и рискованное дело. Теперь подсоединить проводки. Осторожно, Толя... Так... Он торопился, а дело, как нарочно, двигалось медленно, проводки то выскакивали из рук, то никак не удавалось их присоединить к клеммам.

Толик лег левым боком на остывающий песок, продолжая копать. Рельсы стонали.

«Скорее, скорее». На лбу появился липкий холодный! пот. Сердце временами замирало от надвигающейся жути, к низу живота подкатывалось что-то холодное, покалывающее, как в детстве, когда прыгал с сарая, а позже - с парашютной вышки.

Поезд мчался, как бешеный, яростно татакали колеса, натружено стонали рельсы, дышали шпалы, обсыпанные песком и углем. Состав с полверсты. Над ним вихрились пыль и песок. В сумерках виднелись платформы с танками, пушками, вагоны, вагоны, цистерны и опять платформы с военным имуществом. Каждый миг колеса рвали по десятку метров. Широкогрудый паровоз остервенело, работал дышлами, грохотал многотонной тяжестью, спешил, торопился, отдувался. «Скоро Брянск! Скоро Брянск! Наплевать на Партизанск!» — скороговоркой твердил он и отплевывался паром. С паровоза заметили Толика, застрочили из пулемета. Коршунов видел, как на черном теле локомотива залились огненные бабочки. «Шалишь, приятель. Теперь Гитлер капут». Он засмеялся, покатился под откос, с ужасом чувствуя, как за ним тянется провод. «Следующий раз надо проверять клеммы». Коршунов взмыл на насыпь. Поезд с грохотом несся на него. Пузатая стальная машина тревожно орала на весь лес и содрогалась. А колеса как на зло продолжали свое: «Скоро Брянск, скоро Брянск! Наплевать на Партизанск!».

- Врешь, не плюнешь! — Толик рванул на груди рубаху, сплюнул сквозь зубы и, выругавшись, подскочил к мине. — Не наплюешь, гад!

Он впился взглядом в маховики. Через миг это уже по моховики, а челюсти какого-то страшного чудовища. Они увеличивались, росли, размалывая зубами лес, землю, солнце. Сердце клокотало, не хватало дыхания, все тело пронизывало электрическим током, зрачки расширились, будто хотели объять всю землю и небо, и когда Анатолия Коршунова с маху ударила тень, а

впереди задрожали и затряслись шпалы, он отвернулся, чтобы не выбило глаза, и положил финку на клеммы мины.

Взрыв потряс окрестность. С деревьев полетели обломанные сучки, сорванные листья.

Паровоз вздыбился, как норовистый конь, и вагоны полезли один на другой.

- Толик! Толик! Кореш! — Егоренков вскочил и бросился туда, где громоздились обломки вагонов, но в это время второй взрыв опрокинул его навзничь. Через секунду метрах в десяти от него упал причудливо скрученный ударной волной рельс. Взорвались боеприпасы.

Сейчас же над тем местом начали вздуваться желтомедные башни с аспидно-черными куполами.

Партизаны знали, что нужно уходить, но не могли двинуться с места, мешкали. Не верилось, не хотелось верить, что Толика нет в живых.

Стемнело. Со стороны Брянска к месту крушения подходил поезд.

- Пошли, хлопцы, вишь, прут. Спасать падлы едут,— сказал Корявченков и встал, зашелестев кустами.

Егоренков вздрогнул.

Луны еще не было, бесчисленные звездочки перемигивались, роились, как галька в солнечный день на перекате. Минеры вошли глубже в лес.

Партизаны шли и беспрестанно оглядывались на огромное красное зарево, разливавшееся от края и до края. Люди шагали час, два, а зарево не меркло, не уменьшалось. Оно, казалось, вот так будет сиять вечно, всю жизнь, как далекие немеркнущие звезды.

- Вот вам Данко, — глядя на зарево, сказал Корявченков,

- Что там Данко, — отозвался Николай Степин. - Данко светил только сердцем, а этот сгорел весь без остатка, чтобы было светло другим.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПЛЕННЫХ

Ф. Е. КУЗНЕЦОВ,

бывший партизан

Аппетит, как известно, приходит во время еды, Уничтожив первую вражескую автомашину, нам нетерпелось увеличить боевой счет и не сиделось в лагере, Назавтра, 13 октября 1941 года, разделившись на две группы, рота вышла на «охоту» к Орловским дворикам.

Долго ворочались мы в кустах, долго высматривали добычу, но она не показывалась.

Итак, братва, — проговорил Лунин, — если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе. Кто со мной в разведку на другой участок?

Желание изъявила почти вся рота, но Лунин взял лишь двоих — меня и Анохина.

Пошли мы вдоль большака в сторону Жиздры. Километра через два нам попала огромная машина. Она, должно быть, еще днем засела в грязи и так осталась стоять посреди большака. Такие машины нам еще не встречались, и мы не знали, как поступить с ней.

- Анохин, к командиру! — приказал Лунин. — Пусть решает, что делать с этой машиной.

Анохин помчался в отряд и вскоре возвратился.

- Товарищ политрук, — обратился он к Лунину. - Командир роты (Григорий Аркадьевич Мирошкин) приказал ее сжечь.

- Сжечь, так сжечь, — откликнулся Лунин. — Выполняйте приказание.

- Мы с Анохиным осторожно подошли к машине, негромко спросили:

- Кто здесь?.. Есть кто-нибудь или нет?

Никто не откликнулся. Мы приблизились к машине вплотную.

- А вдруг кто-либо спит в кузове,- проговорил Анохин и глянул на меня, — сгорит ведь?!

Не промолвив ни слова, мы тщательно осмотрели кабину, залезли в кузов грузовика. Здесь, к нашему удивлению, стояла новенькая «легковушка», а в ней консервы, писчая бумага, гитара. Забрав трофеи, мы облили машины бензином и подожгли их. Рядом с дорогой, в ельнике, нам попался еще один немецкий лимузин, который тотчас запылал ярким пламенем.

Утром мы с партизанами Горбачева решили посмотреть на результаты работы. Не доходя до дороги метров сто пятьдесят, мы услышали людской гомон. Прислушались — говорили на русском языке. «Что за оказия? — думали партизаны, продираясь через кустарник. Шагов через пятьдесят разведчики встретили трех русских солдат и привели их к нашему командованию. Это были военнопленные, бежавшие из-под охраны.

Таких, как мы, там пять тысяч, — сказал один из задержанных и показал рукой туда, откуда

неслась людская речь. — Фрицы гонят на Брянск, в лагерь... А мы вот оторвались... сбежали.

Солдатам было предложено возвратиться в колонну и сообщить военнопленным, что партизаны собираются их освободить. Солдаты ушли.

Наша группа приблизилась к дороге, залегла и установила наблюдение за конвоем и военнопленными. Снайперы засели на высоких деревьях. Мы видели, как трое возвратились в строй, как через минуту колонна пленных зашумела, забурилась, заходила волной.

Немецкий офицер остановил пленников. К нему подлетел человек в форме полковника Красной Армии. Он начал что-то говорить, тыкать пальцем на наших посыльных и показывать рукой на лес. Гитлеровец прокричал непонятно команду и схватился за пистолет...

Прозвучало два выстрела. Вражеский офицер и предатель полковник рухнули замертво: их сняли наши снайперы. С криком «Ура!» партизаны ринулись на врага. Часть конвоя была перебита, а часть ушла.

Пять тысяч советских воинов были освобождены из неволи.

НА КРУГЛОМ ОЗЕРЕ

В конце ноября меня вызвали в штаб отряда и дали задание: выяснить, кто живет в доме лесника на Круглом озере. Собственно, кто находился там, было известно — лесник Субботкин с семьей, бывший слесарь завода «Красный профинтерн» Скрипкин со своей половиной и жена фокинского лесничего, ушедшего в армию, Валя. Нужно было определить, предатели они или нет.

Все обитатели дома лесника оказались людьми хорошими и до конца преданными Советской власти. С тех пор дом Субботкина всегда был полон наших хлопцев.

Мы готовились к встрече Нового, 1942 года. В канун этого праздника (25 декабря) я назначил Петра Захаркина и Володю Дворянчикова толочь просо в доме лесника. Лена Яник и Сима Кричевская пошли с ними, чтобы постирать партизанское белье.

Партизаны принялись за работу, как вдруг сын лесника крикнул:

- Немцы!

Все схватились за оружие. Скрипкин, ремонтировавший в это время ручной пулемет, схватил диск, подбежал к окну и начал поливать из «Дегтярева» по приближающимся фашистам. Ударили из своих ружей и остальные партизаны.

Перестрелка продолжалась минут пятнадцать. Загорелся дом, нужно было уходить, вырываться из кольца, а как вырвешься, когда кончились патроны. Только Скрипкин еще время от времени бил короткими очередями.

- Дядя, дядя, - окликнул Захаркина двенадцатилетний Субботкин (его отец в это время находился в деревне), — идемте в сарай, на сеновал... В жисть не найдут. Вот ей-богу, — забожился мальчуган.

Дворянчиков, Захаркин, Сима Кричевская, Лена Яник побежали за мальчишкой, спрятались в сене, но каратели заметили их и открыли огонь по сараю.

Скрипкин видел, как вспыхнул сеновал, как обгоревший Дворянчиков выпрыгнул из сарая и скрылся в лесу. Выпустив последнюю очередь, Скрипкин вместе с Валей выбежал во двор и бросился к лесу. Однако уйти им не удалось. Фашистские пули срезали их насмерть.

Убило во время обстрела и маленького «лесника». Сима, Лена и Захаркин попытались вырваться из вражеского кольца. Они втроем побежали к изгороди...

Но и это время Симу настигла пуля, и девушка упала.

- Симочка! — Лена и Захаркин склонились над партизанкой.

- Бежите, родные. Прощайте...

Время упущено. Девушки схвачены, и лишь Захаркину удалось отбиться от вражеских солдат.

Симу и Лену полураздетыми по тридцатиградусному морозу погнали в деревню Липово. Их раз за разом водили на допрос, били шомполами, прикладами, ломали пальцы, но девушки молчали и не выдали место расположения лагеря.

Не добившись ничего вразумительного, фашисты расстреляли Симу Кричевскую и Лену Яник вместе с тремя учительницами — такими же патриотами, как и они.

ИЗ ОРЛИНОГО ПЛЕМЕНИ М. МАРТЫНОВ

Необычно горячими были для орджоникидзеградских партизан дни с мая до середины декабря

1942 года. Гитлеровское командование, доведенное до бешенства дерзкими налетами партизан, в который раз уже принималось «прочесывать» леса. Карательные экспедиции следовали одна за другой. В дремучих Брянских лесах не смолкал грохот боев.

Саша Измайлов, попав в партизанский лагерь, почувствовал себя буквально, как рыба в воде. Все здесь было ему по плечу, за все он брался с горячим интересом и неистребимой энергией. Вместе со всеми он нес караульную службу в лагере и был одним из самых зорких и бдительных в партизанских дозорах и секретах. В любое время Саша готов был отправиться на заготовку продуктов, хотя мирное слово «заготовка» в те дни, кроме своего основного смысла, несло еще и такую нагрузку, как короткие, но жестокие схватки с фашистскими карателями.

С неразлучным своим другом — автоматом и верными гранатами - лимонками Саша Измайлов был всегда там, где кипела наиболее жаркая схватка. Но основной своей военной специальностью он считал все-таки подрывное дело. Саша Измайлов девятнадцать раз участвовал в диверсиях на магистралях Брянского железнодорожного узла. Участки Брянск — Зикеево, Брянск — Ржаница, Брянск — Дятьково являлись, так сказать, его постоянными «объектами». На личном счету комсомольца числится шесть уничтоженных железнодорожных эшелонов с живой силой и техникой фашистов. Таков его вклад в то, что десять вражеских составов, которые за два года и пустило под откос партизанское соединение имени А. И. Виноградова.

Саша участвовал также в подрыве моста на шоссе Брянск — Рославль. А сколько раз он «поднимал на воздух» грузовые автомашины с военными материалами и солдатами-оккупантами.

Стенная газета «Комсомолец», выходившая в партизанском соединении, «боевые листки» роты, в которой находился Саша Измайлов, много раз рассказывали о его отваге и настойчивости при выполнении заданий.

В «боевом листке» за 2 июля 1942 года сообщалось, что Измайлов числе других партизан-подрывников награжден медалью «За отвагу». А в номере за 20 ноября 1942 года рассказывалось:

«В развернувшемся социалистическом соревновании за достойную встречу Дня Конституции наши партизаны, и в первую очередь минеры, поставили своей задачей ознаменовать его пуском под откос сотого железнодорожного эшелона с живой силой и техникой гитлеровцев. План нашей роты — к 5 декабря 1942 г. пустить под откос три эшелона врага. Начало выполнению этого плана в нашей роте уже положено. Передовиками в этом деле являются Измайлов, Холявкин, Миронов и Оборотов. Они, получив боевое задание заминировать так называемый Московский участок железной дороги Москва — Зикеево, несмотря на дальность расстояния» с честью выполнили задание, пустив 18 ноября под откос вражеский эшелон... До пятого декабря 1942 г. остается пустить под откос еще два эшелона врага. Товарищи! Это вполне выполнимо. Не допустим, чтобы наша рота была отстающей! Пример группы минеров товарища Измайлова доказал, что боевое задание можно выполнять в любых условиях погоды».

В новогоднем номере комсомольской стенгазеты соединения говорилось: «...1942 год был годом напряженной борьбы в тылу врага и для нашего партизанского соединения. В этой суровой борьбе наши славные комсомольцы и молодые патриоты, не щадя своей жизни, нанесли огромный ущерб врагу. Комсомольцы Василий Латышев, Анатолий Титов, Николай Степин, Николай Меньшиков, Александр Измайлов, Иван Васютин, Семен Саунин имеют на своем счету по 5—8 пущенных под откос железнодорожных эшелонов с живой силой и техникой гитлеровцев... В 1943 году фашистские звери расплатятся своей черной поганой кровью за чудовищные злодеяния.

С Новым годом, товарищи! С новыми победами над врагом!»

В день 25-й годовщины Великого Октября орджоникидзеградские партизаны рапортовали Орловскому штабу партизанского движения о своей боевой работе в тылу врага за год. Рапорт подписали лучшие люди соединения. Среди них была подпись и Александра Измайлова.

Несказанно обрадовался Саша, когда однажды в расположении лагеря он столкнулся со своим другом Василием Репкиным. Выполнив особое задание, Репкин прибыл в Орджоникидзеградский отряд. Но лишь один раз им довелось действовать вместе. В районе Глинищева они минировали мост на дороге Брянск — Смоленск. Вскоре же Василий возглавил группу минеров подрывников, направленную по приказу командования на помощь партизанам Клетнянских лесов. Друзьям снова пришлось расстаться.

В канун Первомайского праздника 1943 года партизаны Орловского края наносили врагу особенно ощутимые удары. Гремели взрывы эшелонов, мостов, машин, пылали склады боеприпасов, горючего, продуктов, неожиданные пулеметные и автоматные очереди косили фашистов там, где они обычно чувствовали себя в безопасности.

24 апреля 1943 года в сопровождении своих боевых помощников комсомольцев Николая

Холявкина, Оборотов а, Миронова Александр Измайлов вышел на операцию к намеченному участку железной дороги. В ночь на 29 апреля, оставив товарищей в засаде, он осторожно подполз к полотну, выждал, пока прошли патрули, и, заложив мину, отполз обратно в кусты. Улегшись поудобнее, Саша стал ждать результата. Кругом было тихо. Лишь за спиной перешептывались высокие макушки сосен. Снег давно уже стаял. Все, вокруг было непроглядно черным. Прошло не меньше часа, Измайлов продолжал ждать. Справа и слева от него лежали его друзья.

Прислушиваясь к ночной тишине, Саша неожиданно вспомнил о доме. С тех пор, как, выполнив задание по разведке в ноябре сорок первого года, он ушел из Орла в Елец, не было от родных ни одной весточки. Как - то там мама, сестренки, меньший братишка Андрюшка. Живы ли?.. А где теперь Владик Стебаков? Как он там без врачей, один, с обмороженными руками и ногами. Шурика Подделкова фашисты, наверное, повесили в Пахомовке.

Шурик ничего врагам не рассказал. Пожалуй, только плюнул фашистам в лицо перед смертью: нате, мол, гады! Конечно, не сказал, иначе гитлеровцы кинулись бы тогда в погоню. Сволочи, как они надругались над той красивой девушкой в деревне Болотное! А как терзали партизана Истратова в деревне Залегощь осенью сорок первого года! Фашисты мучили его трое суток. Сначала отрезали уши, потом нос, отрубили руки, а затем и голову... А учитель коммунист Труневорогол, когда в декабре сорок первого переходил линию фронта с Репкиным, был совсем еще молодой. Повесили мерзавцы за то, что не согласился стать предателем.

Саша крепко стиснул зубы. Сейчас не время думать о потерях. Сейчас надо мстить за все и за всех. И он, Саша Измайлов, комсомолец, должен увеличить этот счет мести. Увеличить сегодня, на этом месте, во что бы то ни стало!

Память уже в который раз вновь поставила перед Сашиними глазами страшное зрелище недавнего прошлого. Фашистские каратели, озлобленные неудачной борьбой с партизанами, захватили затерявшийся в лесах поселок и сожгли его. Когда Саша вместе с товарищами пришел сюда, он увидел только черные остовы печей да седые круговины золы около них. У крайнего пожарища высилась куча окровавленных тел. Женщины, старики, детишки... Их согнали сюда и расстреляли из автоматов. В стороне лежало тело еще совсем молодой женщины, прижавшей к груди ребенка. Рядом валялась бутылочка с желтым резиновым сосочком на горлышке.

Саша застонал, вспомнив эту страшную картину. Он поднялся и хотел сесть на пень, но вдруг насторожился. «Идет! К Брянску... Наконец-то!» Саша весь подался вперед, вглядываясь в темноту. Шум поезда становился все громче и отчетливее. Вот уже можно различить постукивание колес на стыках рельсов. Вскоре из-за поворота показался и паровоз. Разметав над собой огромную гриву освещенного пламенем дыма, яростно шипя и набирая скорость под уклон, он мчался прямо на мину. Ближе, ближе... Сейчас... Саша пригнулся и втянул голову в плечи... Но паровоз промчался над миной, протащив за собой длинный состав, и потонул в темноте.

Снова стало тихо. За полустанком дважды прокричала сова, и ее истошный вопль вернул Измайлова к действительности. «Что случилось? — чуть не вскрикнул он. — Этого не могло быть! Я сам готовил мину, сам проверил взрыватель...».

Он быстро пополз к насыпи, осторожно придерживая запасную мину. У самого полотна чуть было не столкнулся с патрулем. Гитлеровцы, успокоенные тем, что поезд благополучно проследовал по их участку, бодро шагали по линии. Пропустив их, Саша бросился к мине, но, не успев выяснить, в чем дело, услышал за спиной приближающийся грохот второго поезда. «Значит, вперед пропустили эшелон порожняка, а сейчас идет основной... С боеприпасами или войсками. Не успею... Уйдет и этот, - молнией вспыхивали мысли в голове комсомольца. - Нет! Не должен!».

Яростный порыв поднял Александра Измайлова на ноги. Он схватил тяжелую холодную мину, прижал ее обеими руками к груди и шагнул навстречу паровозу.

- Не-е-ет!!! — Успел он крикнуть, что было силы. Взрыв, удвоенный сработавшей ранее заложенной миной, подбросил паровоз и еще в воздухе разметал его в разные стороны... Передние вагоны превратились в бесформенную грудку металла и дерева, а остальные рухнули по обе стороны высокой насыпи. Рвались под обломками снаряды, вспыхнуло яркое пламя. Сквозь этот грохот слышались крики и стоны раздавленных и горящих гитлеровцев.

Эхо взрыва, прокатившееся над окрестностью, известило партизан о том, что лучший подрывник соединения, член Орджоникидзеградской подпольной комсомольской организации, орловский паренек Александр Измайлов выполнил свой долг патриота перед Родиной.

...В 1956 году лагерь партизанского соединения имени А. И. Виноградова в глубине Брянских лесов, за Круглым озером, восстановлен в том виде, каким он был в суровые годы партизанской

страды. Вблизи землянок, на братской могиле, стоит высокий, повернутый к солнцу обелиск. На грани его начертаны имена народных мстителей, отдавших свои жизни за светлое будущее советского народа, всех честных людей на земле. И среди них — имя комсомольца Александра Измайлова.

ПЕРЕД РАЗГРОМОМ ГАРНИЗОНА

Г.Н. ИЛЬЮХИН,

командир роты разведки

Большую и ответственную работу в отряде выполняли разведчики. Самыми активными, смелыми и неуловимыми из них были Лена Храмеева, Маргарита Протопопова, Аня Догадаева, Вера Мирошина, Юрий Протопопов, Аня Дурнева, Семен Саунин, Николай Степин, Женя Ревенко, Иван Голайдо.

Однажды мы получили задание — пробраться в поселок Цементный и узнать, какие части там находятся, сколько там немцев, как укреплена станция, где находятся склады с оружием, обмундированием и продовольствием.

Нужно было взять часть полицейских, которые рьяно служили немцам.

Нас было пять человек, старшим в группе был я, Лена Храмеева была проводником, так как она очень часто ходила в этот поселок и знала менее опасные подходы, знала, где можно укрыться в поселке. Остальные члены группы: Степин, Голайдо, Саунин.

Из лагеря мы вышли во второй половине дня. Это было глубокой осенью, когда в некоторых местах вода уже покрывалась тоненьким льдом.

Мы шли осторожно, цепочкой, особенно, когда переходили шоссейные дороги и большаки, где двигались немцы.

Вдруг на большаке мы увидели двух человек.

- Немцы! — шепнул я и дал команду залечь. Нас заметили и открыли огонь, мы тоже ответили огнем. Один из немцев был убит, второй ранен. Когда мы подползли ближе, то оказалось, что раненый был полицейским из Любохны. Он сказал, что немцы пригнали из Любохны жителей и полицейских для охраны большака и расставили их на дороге по два человека на расстоянии 200—300 метров друг от друга, так как предполагалось движение немецких частей из Брянска в Дятьково и дальше.

Мы перебежали большак, по нашей группе открыли огонь, но мы, не ответив, укрылись в лесу.

Подойдя к Болве, Лена стала искать через нее переход, но берега сильно изменились от времени, она не могла его найти.

Мы обнаружили плот, сбитый из трех бревен и прикрепленный к стальной проволоке. Проволока была переброшена через реку. Перебраться на таком маленьком плотике можно только по одному и то очень опасно, так как стояла глубокая и темная ночь, мы не знали, что ожидает нас на другом берегу.

- Возможно, там засада, — шепотом сказал Семен Саунин.

Лена предложила любому из ребят перебраться с ней на тот берег. Все ребята согласились.

- Ты пойдешь, — сказал я Голайде.

Лена вместе с Голайдо села на плот и стала перебираться по проволоке на тот берег. Двигались они очень осторожно, но плот их все-таки закачался, потерял равновесие и перевернулся. Первым переплыл Голайдо, он помог выбраться на берег Лене.

Одежда на них сразу покрылась льдом. Лена и Голайдо сняли сапоги, вылили из них воду.

- Ну, а теперь ищи переход! — сказал Голайдо.

Они стали осматривать берег реки, трясаясь от холода.

- Нашла! — обрадовалась Лена. — Жорж, иди прямо на меня, — крикнула она.

Мы разделись, и в чем родила мать, опустили в ледяную воду.

- Ну, как? — спрашиваю я у ребят.

- Ничего, покалывает маленько иголочками, — ответил Степин.

- Зато закалимся, и ни одна немецкая пуля нас не пробьет, — пошутил Саунин. Мы перешли Болву и стали приплясывать, чтобы согреться. Затем, быстро одевшись, пошли.

Когда до поселка оставалось метров триста—четыреста, Храмеева предложила, троим идти на некотором расстоянии, а двоим пойти вперед в поселок для разведки.

- Ну, Голайдо, пойдем с тобой, может быть, нам, наконец, сегодня повезет.

Пробираясь окраинами поселка, Лена направилась к дому своей матери — Храмеевой Анны Петровны. Увидя, что шторка не задернута, разведчица обрадовалась. «Значит, все в порядке». Это у них с матерью был такой условный сигнал.

Она постучала в окно, как бы выбивая дробь, а Голайдо стоял поодаль, всматриваясь вокруг.

К окну подошла мать:

- Дочка, родная, это ты? — и тихонько открыла дверь.

Лена зашла в дом и бросилась к ней. Мать горько зарыдала, увидев заледеневшую дочь.

- Mamочka, я не одна, со мной четверо ребят, — сказала Лена.

- Хорошо, детка, пусть идут к нам, а я сообщу своим людям, и мы постараемся выставить посты на улице.

Лена кивнула Голайде, и мы все вошли в дом.

- Как, мать, дела? — спросил я. Но старушка мне не ответила, она волновалась и старалась найти нужные вещи, чтобы переодеть дочку и Голайдо.

Минут через десять мы уже сидели за столом и ели картофельные оладьи с молоком. Мать смотрела на нас, и по ее лицу текли крупные слезы.

- Ничего, мама, скоро победим врага и тогда заживем по-другому, — сказала Лена.

- Дай бог, чтобы поскорее! — ответила старушка.

- Как только победим, сразу Лену отдадим замуж, — сказал Степин и засмеялся. — Выбирай, мать, любого из нас, каждый готов на ней жениться.

Старушке это не понравилось, и она строго ответила, что об этом сейчас и думать нельзя.

Я переглянулся с Леной, и мне почему-то так стало ее жаль, что я сразу мысленно поклялся, что буду беречь и любить свою боевую подругу до конца своей жизни. Так и не узнала мать, что ее Лена уже была замужем.

- Ну, ребята, подкрепились? — спросил я.

- Да, не дурно, — ответили ребята.

- А теперь наступает утро, и нам придется на день укрыться, — сказал я. А ты, Лена, свяжись с Шубкиной и Ниной Ипатовой и с их помощью - с начальником полиции. Походи и посмотри, как укреплена станция, где расположен немецкий штаб, склады с оружием, продовольствием и обмундированием.

Девушкам значительно безопаснее было находиться днем в населенных пунктах, где были немцы, поэтому такое ответственное задание я и поручил Лене.

Вместе с ребятами я опустил в подвал, и весь день мы просидели там.

Днем Лена, переодевшись в простую рабочую одежду, вместе с Ниной Ипатовой, которая работала в немецком штабе, взяла барахло, пошла к немцам выменять его на продукты. Они шли с Ниной, весело разговаривали, бесшабашно смеялись, а сами старались все замечать. Около штаба их остановил немецкий патруль.

Пан, это моя сестренка, она хочет обменять на продукты вот эти вещи, — сказала Нина.

Немец узнал работницу штаба и пропустил ее с Леной дальше. И опять Лена старалась все заметить и запомнить. Она обнаружила, что станция укреплена со всех сторон дзотами, из которых торчат дула пулеметов, построена высокая вышка, откуда немец вел наблюдение. Недалеко в двухэтажных домах располагались немцы. По словам Нины, их было около восьмисот. В стороне от домов были расположены база, склад с оружием, который усиленно охранялся немцами.

- Нина, Нина! — позвал один из немцев.

Девушки подошли. Надо сказать, что Нина была стройна и красива, она пользовалась успехом у немцев.

- Кто это? — спросил немец, указывая на Лену.

- Моя сестра, ей нужны продукты, — ответила Нина.

Лена вытащила из сумки красивый браслет и серьги и показала их немцам. Немцы стали рассматривать эти вещи, один из них взял серьги и положил в карман.

- Гут, паночка, я сегодня приду к тебе и рассчитаюсь, — сказал он и нахально рассмеялся.

Лена сделала вид, что обиделась. Тогда второй немец забрал браслет, вынес за это буханку хлеба и отдал девушкам. Девушки поблагодарили и пошли на другую улицу.

...Ночью мы просмотрели пути подхода со стороны карьера и железнодорожной линии, забрали восемь полицейских, которые предавали наших людей, служили фашистам. Предателей мы расстреляли на Болве и пустили по течению реки.

Возвратившись в лагерь, мы доложили о проведенной разведке Петрову.

После этого с нами побеседовал секретарь подпольного комитета партии Григорий Григорьевич Гавриличев. Он поблагодарил нас за смелость и находчивость и дал важные советы для предстоящей повторной разведки в том же районе.

- Ну, а теперь хорошенько отдохните, — сказал он.

...Через три дня мы вновь пробрались к поселку Цементному. Нас было трое: я, Лена и Юрий Протопопов. Нам нужно было собрать новые сведения о расположении немецкого гарнизона, распространить листовки среди населения об успехах наших войск на фронте и побеседовать с начальником полиции. Ночью мы благополучно добрались до Цементного и укрылись в квартире Храмеевой Анны Петровны.

Днем Лена вместе с Ниной Ипатовой еще раз просмотрела подходы к немецкому штабу. Они зашли в дом к Нине Ипатовой, куда был приглашен заранее начальник полиции. Нина познакомила с ним Лену.

Разговорились... Чувствовалось, что начальник полиции работает на немцев по принуждению и ищет связи с партизанами.

Лена вытащила наган, направив его на начальника полиции.

- Я партизанка, — сказала она. Начальник полиции побледнел и стал убедительно просить, чтобы его пощадили.

- Я свой человек, проработал на заводе всю жизнь, все буду делать, что прикажут партизаны.

- Хорошо, — сказала Лена и - спрятала наган. Во- первых, вы возьмете вот эти листовки и распространите среди населения и полицейских; во вторых, на посты ответственные, связанные с охраной гарнизона, вы будете посылать людей наших, случайно попавших в полицию, которые в нужную минуту поддержат партизан.

Начальник полиции стал убеждать, что он уже говорил со многими ребятами, которые ищут связи с партизанами, и знает тех, которые в любую минуту могут выполнить самое трудное задание отряда.

На этом разговор с начальником полиции закончился. Лена зашла еще в две явочные квартиры и передала листовки для распространения среди населения.

Но во второй половине дня нам сообщили, что многие улицы оцеплены немцами, немцы ведут тщательный обыск по всем квартирам и ищут партизан. Мы с Юрой Протопоповым были укрыты и замаскированы в надежном месте.

Узнав, что идут обыски по всем квартирам, Лена с двумя девушками поселка добралась до квартиры своей матери. «Мамочка, немцы», — испуганно сказала Лена. Мать заметалась по квартире, не зная, что предпринять. Тогда Лена оделась в мамину деревенскую шубу, одела валенки, платок и с девушками выбежала из дому и к Шубкиной, которая жила через три дома.

- Тетенька Настя, немцы, надо спрятать Лену, — попросили девушки.

Раздумывать было некогда: немцы оцепили уже и эту улицу. Второпях открыли доску под полом, где находилась уборная. Лена полезла под пол и забралась в самый угол уборной. Минуты через две появилась группа вооруженных немцев.

- Партизан, партизан! — кричали они, переворачивая в доме все: диван, кровати, шкаф... - Пан, нет у нас партизан, — сказала тетя Настя, прижимая к себе двух малышек.

- А что здесь? — крикнул один из немцев, показывая на дверь.

- Это уборная, — ответила Шубкина.

Немцы открыли дверь и заглянули в уборную, На этом обыск кончился. Оккупанты направились в другой дом, а по улице шагали патрули и на всех перекрестках: стояли немецкие часовые.

Лена часа четыре пролежала под полом, закоченев от холода и страха. Лишь когда стемнело, и на улице были сняты патрули и часовые, Лене помогли выбраться из укрытия.

- Где ребята, живы ли они? — спросила Лена.

- Живы, живы, деточка, — ответили ей и тут же спросили: — Скоро придут наши?

Лена рассказала женщинам о событиях на фронте и стала собираться в путь.

- Я буду пробираться одна, в лесу встречу с ребятами, — сказала она.

Взяв наган, гранату и сумочку с табаком, которая была заранее приготовлена для партизан нашими людьми в поселке, партизанка покинула убежище и растаяла в ночи.

Километров за десять от поселка мы встретились с Леной и вместе вернулись в отряд.

А в следующую ночь отряд, изучив разведанные, направился на операцию. Я не буду описывать ее. Скажу только, что прошла она успешно. Цементовский гарнизон был разгромлен. Мы забрали много оружия, обмундирования и продовольствия.

В этом успехе мы видели и долю своего труда – опасного труда разведчиков.

ПРОВАЛ ВРАЖЕСКОЙ ЗАСАДЫ

Ю. М. ПРОТОПОПОВ,

бывший партизан - разведчик

Вечерело, когда добрый орловский рысак, впряженный в легкие розвальни, фыркая и разбрасывая с удил ключья розовой пены, мчал одинокого ездока лесными дорогами и просеками, оставляя позади снежный вихрь. В розвальнях полулежал партизан. Щуря глаза, приподнимая время от времени голову, он всматривался в бегущую навстречу дорогу. Партизан спешил: надо было сообщить еще двум маленьким отрядам о нависшей опасности — скоплении крупных сил фашистских карателей в Улемском лесу.

Вдруг — стрельба. Партизан наскочил на вражескую засаду. Раненый рысак, подмяв под себя двух полицейских, еще злее рванулся вперед. В сани прыгнули двое немцев, но, получив отпор, вывалились на обочину дороги. Рысак, пробежав еще метров полтораста, вдруг резко свернул вправо и, упершись оглоблей в суковатую старую ель, рухнул мертвым. Партизан скользнул в снег. Выскочившие из засады немцы и полицаи устремились к саням, но их срезала автоматная очередь. Быстро сгущались сумерки. Фашисты, боясь как бы не попасть в руки партизан, покинули лес.

На дороге лежали пятеро убитых немецких солдат и двое полицейских,

***

Стало совсем темно, когда я принял пост.

Ревел ветер, шуршала метель. Лес, казалось, стонал. Потом как-то сразу утихла непогода. В разрывах облаков стала показываться луна. Глаза мои бегали, искали и останавливались на подозрительных местах.

От Болвы доносился крик совы и почти через равные промежутки времени повторялся вновь. Затем крик совы стал походить на человеческий призыв о помощи. На мой сигнал из землянки вышел командир отряда. Я доложил ему о подозрительном крике. Он распорядился пост сдать, раньше положенного времени и послал меня вместе с Иосифом Самойленко и Василием Зайцевым в направлении слышимого мною подозрительного крика совы.

Петляя и лавируя на лыжах между деревьями, мы выбрались к дороге со свежими следами недавно прошедшего волка. Дорогу преградил минированный завал из толстых сосен и елей, покрытых пыльным слоем свежего снега. У завала мы заметили крупного широкогрудого волка, делавшего через каждые пять-шесть шагов посадку на снег. Он явно к чему-то подкрадывался. Заметив нас, зверь скрылся в чаще леса.

Забыв все меры предосторожности, сняв лыжи, мы мчались к завалу, раздвигая ели руками и стволами автоматов. Сразу, что бросилось нам в глаза, был человек, засыпанный снегом, лежащий пластом. Левая рука—под головой, а правая с пистолетом ТТ откинута в сторону. Мы осторожно перенесли человека к лыжам. Стирая с лица снег, я узнал в нем нашего Жоржа Ильюхина - примерного коммуниста из отдельной роты партизанского отряда брянских паровозостроителей. Еле заметный пульс, слабо кровоточат ноги, простреленные в нескольких местах.

Когда сделали ему перевязку и бережно уложили на подбехавшие сани, Ильюхин очнулся и рассказал нам о том, как попал в засаду на лесной дороге, как уползал, отстреливаясь, и как запутался в заминированном завале во время пурги.

- И когда понял, что лежу на минах, — говорил он, — я нащупал тонкий провод мины, решив подорвать себя и фашистов, если они, настигнут меня... Тут Ильюхин приподнялся на локоть и со всей силой, какая еще оставалась в нем, пожал нам руки.

Завернув его потеплее, мы двинулись в путь. Пройдя от завала километра три, вышли на просеку, где Ильюхин наскочил на засаду. Его розвальни с рысаком находились в том же положении, только в сани были уложены пять заостеневших немцев, а на снегу лежали трупы полицейских, не удостоенных чести быть в санях рядом с «арийцами». Минут десять мы стояли, пока подрывник не установил мину под санями, чтобы утром она увеличила счет битых немцев и полицейских, а потом поспешили к Круглому озеру — к основному отряду брянских паровозостроителей.

ПОГОНЯ ЗА ДЕЗЕРТИРОМ

Помнится мне такой случай. К нам в отряд был принят капитан Набоков — из «окруженцев». Под всякими предлогами он отказывался участвовать в боевых делах нашего отряда. В декабре он

увильнул от судимирской операции. Когда отряд возвратился, его не оказалось в лагере. По приказу Дмитрия Георгиевича Пуклина в погоню отправились командир роты Николай Филиппович Архипов и я. Николай Филиппович, казалось, не шел, а летел, хотя снег достигал местами чуть ли не до пояса. Я запарился, ручьями лил пот. А он все подбадривал меня и просил не сбавлять скорости.

По расчету Архипова, дезертир не мог уйти дальше как до лесничества, а, проходя лесничество, он обязательно зайдет отдохнуть. И вот мы уже у речки Овсорок, у дома лесничего Догадаева. Темно, не светятся и окна, кругом стоит молчаливый лес. Падает медленно снег.

Остановились мы с Филиппычем, договорились, как действовать. Постучали. Скрипнула дверь, послышался вопрос: кто там? Мы ответили. Открылась дверь, и мы вошли. Нашим глазам предстал обеспокоенный Набоков, сидящий за столом с волчьим взглядом.

Поздоровались мы и обратились к лесничему Ивану Титовичу, не может ли он нам помочь в одном деле, которое нужно выполнить в Любохне. Тут Екатерина Марковна, жена лесничего, гостеприимная, суетливая, предложила погреться горячим супом, и мы сели.

Набоков держал свои руки под столом, что означало, что он готов нам дать отпор. Мы с Филипповичем, отведав супа, вылезли из-за стола и принялись вертеть сигарки, стараясь дать понять Набокову, что он нас не интересуется.

Филиппыч пустился на хитрость, которую я сразу понял. Засунув куда-то свою шапку, он принялся ее искать. Ему помогали всполошившиеся хозяева. Улучив момент, Филиппыч крепко сжал руки Набокова, спрятанные за спину. Несколько попыток Набокова вырваться не увенчались успехом. В его карманах нашли наган, гранату Ф-1. Наган был на боевом взводе.

Дорогой Филиппыч прочел мораль дезертиру:

- Ты, Набоков, сволочь, какую я увидел впервые. Получал большие деньги, жил в свое удовольствие, пользовался всеми благами советского человека. От тебя ждали защиты Отечества, а ты, идиот, ищешь, где куст, за которым можно укрыться. Теперь тебя ничто не спасет. Ты нарушил присягу на верность народу.

Сплюнув, Филиппыч закурил махорку.

Пришли мы к рассвету в отряд. Я сразу же, как прилег, так и уснул. Проснулся от шума. Оказывается, Набоков бежал, но Филиппыч догнал, вернее, догнала пуля, выпущенная Филиппычем из карабина.

ВЗРЫВ ВРАЖЕСКОГО ЭШЕЛОНА

Мину для подрыва воинского фашистского эшелона мы тщательно готовили на месте, т. е. в отряде. Проверив ее готовность и свое снаряжение, мы — Коля Степин, Семен Саунин, Миша Сазонкин и я — пошли к Московско-Киевской железной дороге, в район между станциями Судимир и Батогово. Время было летнее, одеты мы были легко и двигались гуськом, один за другим. Вышли на опушку леса, где нужно было пересечь дорогу Дубровка — Стайки, огляделись. Следы недавно прошедшей автомашины насторожили нас, однако дорогу перешли благополучно и снова вошли в лес. Саунин эти места знал хорошо, так как сам он родом из села Овсорок, к которому мы подошли в вечерних сумерках.

Нам предстояло пересечь открытое место через овсорокское кладбище, речку Овсорок, чтобы, пройдя немного лугом, войти в лес и идти до самой железной дороги. Растянувшись на траве, мы отдыхали, ждали наступления темноты.

Когда спустилась тьма, мы двинулись дальше. Пересекая дорогу Овсорок—Старое Мишино, обнаружили немецкий кабель, но трогать его не стали. Решили, что на обратном пути обрежем его столько, сколько в состоянии будем унести, а сейчас нельзя, так как у нас есть более важное дело. Прошли кладбище, и вышли к переходу — мостику через речушку Овсорок. Но вот и мостик позади, снова лес. Темнота сгущалась, вскоре мы не могли уже продвигаться дальше. Мешало и то, что место было болотистое. Мы вынуждены были остановиться, присев на высокие кочки.

Удивительны эти летние ночи: не успели, как следует передохнуть — уже стало светать. И мы опять в пути. Идем осторожно, смотрим вперед и по сторонам, чувствуя близость железной дороги. Вот и поезд прогромыхал. Мы взяли левее и вскоре вышли из болота на сухое место. Но это уже совсем рядом с железной дорогой. Здесь оставаться нельзя.

Мы возвращаемся на болото, выбираем место для привала на весь день. Требования следующие: не курить, кашлять только в кепку, разговаривать шепотом, из укрытия не выходить.

Миша Сазонкин и я отправляемся налегке в разведку. Долго тянулось время нашей разведки, а

подхода, какого бы мы желали, к железной дороге не находим. Всюду висят гирлянды пустых консервных банок, над землей — сеть тонких проволочек. Заметили карабин, укрепленный к дереву, стволом направленный к рядом стоявшему деревцу, на котором укреплена банка с горючей жидкостью. Понятно. Если напороться на сеть легких, тонких проволочек, они натянут спусковой крючок карабина, карабин стреляет в банку с горючей смесью, вспыхивает факел — и готова мишень для немцев. Карабины такие расставлены через равные промежутки вдоль дороги.

Миша задумался. Я предложил чуть позже начать демонтаж этой ловушки на участке, где нам предстоит минирование. С этим решением мы вернулись на общий товарищеский совет. Совет был оживленным. Договорились, что в определенном участке, где подход окажется лучшим, нам надо найти карабины с двух сторон и обезвредить, т. е. разрядить их, а что касается пустых консервных банок, то их бояться не следует.

Из-за железной дороги время от времени доносилась мелодия, наигрываемая каким-то бодрствующим немцем на губной гармошке. Это правая сторона дороги, если стоять лицом к Москве. Именно с правой стороны и расположились немцы через равные промежутки в блиндажах и дзотах, подход к которым опутал колючей проволокой.

Немцы стоя встречают и пропускают поезда, а после ведут наблюдение из укрытия. Ночью они усиливают — свою охрану за счет жителей окрестных деревень. Собственно, вся охрана ночью и держится на местных жителях. Сами же немцы только проверяют время от времени посты и их наличие, а все остальное время, боясь партизан, сидят в укрытиях, за колючей проволокой.

С заходом солнца мы увидели большую толпу местных жителей, которых немцы разводили по постам. Среди этой толпы мы видели женщин, преклонных лет стариков и почти детей. Все они стояли парами вдоль всей дороги прямо на полотне, сидели на рельсах, ходили по полотну. Иногда пары сходились на своих границах.

Отдаю должное Мише Сазонкину, который нисколько не падал духом, а говорил, что все это ерунда, что дело мы сделаем, как положено. И он рассказал свой план, по которому мы и действовали.

Как только стало совсем темно, мы покинули свое укрытие. Обезвреживаем карабины и разрезаем гирлянды из погремушек. Путь открыт. Впереди на насыпи маячат два женских силуэта — последний тормоз в нашем деле. Прошла дрезина с частым перестукиванием колес на стыках рельсов — и опять тишина. Можно начинать. По условленному знаку, данному мною, приступили. Миша Сазонкин и Коля Степин, как более крепкие и здоровые ребята, поползли по-пластунски к женщинам, сидящим на рельсах рядышком. Два ствола, направленные на женщин, и приказ молчать. По приказу женщины пересели на рельсы, у которых лежат Миша и Коля. По приказу же они скинули платки и юбки, облачившись в которые, Степин и Сазонкин сели на место женщин. Женщин же Семен Саунин заставил отползти за разрезанные «гирлянды» и там охранял их.

Не теряя времени, я выбирал лишнюю землю в сумку, подгоняя мину под стык двух рельсов левой стороны. Мина была химическая. Вложив ее с капсулем-взрывателем, я долго возился, устанавливая на капсуль-взрыватель мешочек из резины от медицинской перчатки, наполненный смесью бертолетовой соли с сахарной пудрой. Оставалось положить ампулу с серной кислотой на мешочек со смесью. Боясь взорвать себя и товарищей, начинаю себя успокаивать. Прещупав разрыв между ампулой и рельсом и убедившись, что все в порядке, я тщательно замаскировал мину, затем, отползая, замаскировал все наши следы.

Прошло еще минут двадцать, когда послышался легкий шум приближающегося поезда. Сазонкин и Степин находились на своем «посту» почти до полной видимости головы паровоза и только тогда скатились под откос.

Теперь мы во весь дух убегали от железнодорожного полотна. Женщины не отставали от нас. Мы успели пробежать метров триста, когда раздался взрыв. Лязг, скрежет падающих вагонов, а затем беспорядочная стрельба и поднимающиеся ввысь осветительные ракеты. Болото нами было в рекордный срок оставлено позади. Короткий отдых. Женщины с перепутанными волосами на голове усиленно причесывались, надев юбки. Все мы были с ног до головы мокрые и в грязи.

Женщины были из Овсорока, они рассказали нам о своих планах. Пойдут они лесами в Жиздру к дальним родственникам, если только найдут их. «А там будет видно, — говорила старшая, — терять нам нечего. Это дочь моя, вот и вся семья». Мы все одобрили их намерение. Немцы будут считать их погибшими, а скоро и наши придут.

Нашупав кабель, мы быстро нашли замок, где скреплялись два конца кабеля, и, разъединив замок, стали наматывать через плечо каждому по скатке. В лесу, под деревней Кресты, скатки кабеля затоптали у ручья в болотце.

У самых Крестов мы неожиданно наткнулись на полицейских, шедших к деревне. Завязалась перестрелка. Полицейские быстро ретировались.

Перешли, наконец, дорогу Старое-Мишино — Дубровка и углубились в свой лес. Женщины пошли от нас вправо опушкой леса к Дубровке, а мы через смолокурню — в отряд.

СОЛНЦЕ СИЛЬНЕЕ ТЬМЫ **Н. В. ШЕРШНЕВ**, бывший партизан

1. Каратели отступили

Весть о разгроме немецко-фашистских войск под Москвой воодушевила всех брянских партизан. И мы, как бы соревнуясь с войсками Советской Армии, изгнали фашистов из Дятьковского района. 14 февраля 1942 года там была восстановлена Советская власть. Но немецко-фашистские захватчики не хотели мириться с этим. Воспользовавшись временной передышкой на фронте, они начали готовиться к разгрому северной группировки брянских партизан. В это время штаб нашего отряда находился неподалеку от Круглого озера. Подразделения разместились в окрестных населенных пунктах: Корчминке, Соколове, Дорожове, Липове. Рота Горбачева, в которой находился я, заняла деревни: Першино, Васильевку, Домашово.

Каратели решительных действий не предпринимали. Но мы знали, что со дня на день они начнут наступление. Нужно было готовиться к обороне, к схваткам. В начале июня 1942 года в деревне Васильевка собрался совет командиров отрядов, базирующихся вокруг Дяткова.

На нем присутствовали Герои Советского Союза Михаил Ильич Дука, Михаил Петрович Ромашин, подполковник Орлов, майор Серебряков и Александр Иванович Виноградов.

Совет решил: всем отрядам остаться на своих местах и дать бой противнику. В случае неустойки организовано отходить в район Святого озера — самое удобное место для укрытия.

Возвращаясь с совещания, Александр Иванович заехал к нам, в Першино, и вызвал к себе командира и политрука роты.

- Бой будет трудный, друзья, — сказал он. — Готовиться к нему нужно серьезно и быстро. Виноградов расстелил карту на столе и указал район действия роты, места засад, способы связи со штабом отряда.

Руководить першинской группой партизан Александр Иванович приказал Андрею Сергеевичу Горбачеву.

6 июня 993-я и 2-я запасная пехотные дивизии при поддержке самолетов, танков, пушек, минометов форсировали р. Болву и двинулись в направлении Любохны, Слободища. Семеновки, Васильевки, Першина, Липова, Ляд.

Уничтожающим огнем встретили партизаны фашистов. Особенно упорные бои разгорелись в районе Любохны и Слободища, где размещались отряды М. И. Дуки, М. П. Ромашина и Любохонцев. Целый день шел бой, и только к вечеру следующего дня противнику удалось овладеть Любохной и Слободищем.

9 июня отдельные разведывательные группы противника достигли поселка Ляды, где попали под огонь партизан В. П. Дурнева и М. Г. Гудакова. Немцы, не приняв бой, отступили.

Наша рота с утра и до наступления темноты пролежала в засаде в районе пос. Маково и деревни Першино. После захода солнца мы по приказу Горбачева направились в лагерь, расположенный за речушкой, в километрах трех от д. Першино.

В лагере секретарь парторганизации Алексей Андреевич Тресиков провел объединенное партийно-комсомольское собрание роты. Речь шла об авангардной роли коммунистов и комсомольцев в бою. Затем А.С. Горбачев и Ф.Н. Брук собрали в землянке командиров и политруков подразделений и подвели итоги боев.

Лица партизан сияли радостью, удачью, озорством. Казалось, на них так и было написано: «Врешь, нас голыми руками не возьмешь». Командир, да и все присутствующие понимали, что впереди их ждут кровопролитные бои, жестокие схватки, но каждый был воодушевлен тем, что и крупным воинским подразделениям противника туго приходится при встрече с партизанами.

Хорошо, когда перед боем, перед большим делом такое настроение. Тогда и люди будут драться, как львы, и операции будут решаться успешнее. Горбачев по опыту знал это и старался поддержать боевой дух роты.

Распределил обязанности между взводами, уточнив план предстоящего боя, он сказал:

- А сейчас, Ваня, дай-ка ту, нашенскую.

Баянист Иван Полесский заиграл «Цыганочку».

- Шире круг! – крикнул командир взвода соседней роты Алексей Пантелеевич Журавлев. Водоворот танца захватил всех присутствующих. Не ушли от него и начальник штаба отряда капитан Иосиф Дмитриевич Марков, Горбачев, Брук, Тресиков, Евтеев. После пляски самодеятельные артисты читали стихи, пели песни. Запели Н. Савин, Н. Пызин и я. У Николая Савина был густой бас, Пызин обладал тенором, а я - баритоном. Мы запели нашу любимую песню: «Славное море, священный Байкал». И когда смолкли последние голоса, запевалы затянули «Орленка». Мы старались изо всех сил и поддавали жару.

***

Утром рота залегла в засаду. Уже хорошо пригревало июльское солнце, а повара заканчивали хлопоты по приготовлению завтрака, когда вдали раздались выстрелы и автоматные очереди. Через несколько минут в роту прибежал М.С. Матюшин и сообщил, что каратели тяжело ранили нашего постового Николая Яковлевича Дюкова.

- Лезут, гады, - проговорил он и выругался. – И пушки, и танки...

Вдали на опушке начали рваться снаряды – гитлеровцы открыли артиллерийский огонь.

Командир роты вызвал к себе Василия Прохоровича Шершнева и Петра Степановича Шишкарева и послал их в разведку. Партизаны принесли сведения: по лесной дороге от д. Манешино на Ново-Умысличи движется батальон немцев. Горбачев сразу понял, что враг хочет отрезать роту от отряда, и решил атаковать фашистов. По команде Андрея Сергеевича рота прибежала и расположилась вдоль, по которой шли немцы. Мы стали ждать карателей. Вот и они. Из-за кустов показались гитлеровцы в черных касках, с фашистскими значками на рукавах. До них оставалось метров 20-25, когда мы открыли огонь. Фашисты отошли. Наступила тишина. И это сильно беспокоило нас. «Что они затевают, почему молчат, почему не наступают?». Для уточнения обстановки на фланги роты были направлены две группы партизан. Одну из них возглавил Иван Дмитриевич Ланцов, другую – Владимир Александрович Якушев.

Через несколько минут разведчики возвратились и доложили, что противник перегруппировывает силы и готовится к атаке. Рота снялась с прежнего места и ушла вглубь леса. Мы залегли и едва замаскировались, как сразу же заговорила артиллерия противника. Первые снаряды упали там, где только что лежали мы.

Полчаса длилась артподготовка, а вслед за ней началась атака. Немцы, яростно стреляя, шли на штурм нашей прежней позиции. Каково же было их удивление, когда нас там не оказалось.

После перебранки фашисты двинулись вперед. Партизаны лежали, как мертвые. Подпустив врага метров на 25—30, мы открыли огонь. Вторая атака карателей захлебнулась. Однако немцы не успокоились. Они снова и снова били из пушек и бросались на нас. А мы, отбив очередную атаку, меняли позиции и внезапно обрушивали на врага шквал огня.

Рота отбивала атаку за атакой, но фашисты усиливали натиск, и уже мощь нашего огня не могла их остановить. Наступил решающий момент: противник окружил роту. Остался единственный выход — поднять людей в контратаку, и Андрей Сергеевич Горбачев вовремя сделал это. С криками «Ура!», «За Родину!» бросились партизаны па карателей. Противник не ожидал такого дерзкого сопротивления, откатился.

Трижды поднимались мы в контратаку и трижды сминали врагов.

В тот день каратели не смогли овладеть нашим лагерем, хотя их силы превосходили наши раз в семь.

Июньское солнце склонилось к западу. Гитлеровцы поняли, что лобовыми ударами успеха не добьются, и изменили тактику. Перегруппировав и пополнив свои подразделения, они начали обходить нас. В тыл роты Горбачева был послан батальон с шестью минометами, четырьмя орудиями. Но замысел противника не удался. Продвинувшись по лесной дороге всего лишь с километр, батальон гитлеровцев напоролся на засаду партизан Сергея Тимофеевича Денисова. Немцы залегли, но потом встали и бросились на денисовцев. В тот же момент Андрей Горбачев приказал роте Журавлева ударить из пулеметов и автоматов по левому флангу карателей. Огонь был плотный, но и он не сломил наступательного порыва гитлеровцев. Оккупанты открыли ответный огонь и во весь рост пошли на роту Журавлева ударить из пулеметов. Пользуясь численным превосходством, они достигли окопов партизан. Алексей Журавлев не дрогнул, он поднял роту и ринулся навстречу фашистам. Противник отступил так поспешно, что оставил на поле боя орудие. Журавлев, Сергей Лисичкин, Михаил Пономарев, Михаил Любецкий, Михаил Терешин развернули пушку и ударили по врагу. Вскоре гитлеровцы пришли в себя и опять начали

наседать. Журавлевцы открыли дружный огонь из пулеметов, автоматов.

- Даешь, хлопцы, перцу гадам! – крикнул Журавлев и вдруг как-то вздрогнул и упал плашмя на землю.

- Командира убили! – раздался пронзительный крик медсестры Ани Копченковой.

Смерть Журавлева удручающе подействовала на партизан. А тут еще упал сраженный пулей старшина Михаил Пономарев. Среди журавлевцев произошло замешательство. Обезглавленной роте грозила гибель. Тогда Сергей Лисичкин принял командование ротой на себя.

- Вперед, ребята! Отомстим за командира! – крикнул он и, вскочив, побежал навстречу карателям. Партизаны бросились за ним.

Одновременно в тыл атакующим немцам ударила подоспевшая на выручку комсомольско-молодежная рота Василия Дурнева. Оккупанты растерялись и дернули наутек. Спешившие к ним на подмогу группы фашистов попали под огонь партизан Михаила Гудакова и Николая Архипова и были рассеяны.

Смеркалось. Противник, прекратив огонь, продвигался на отдых по лесной дороге к поселку Озерки. Партизаны отрядов Ромашина и Дуки, стоявшие в засаде, подпустили врагов на десяток шагов и расстреляли их из пулеметов и автоматов.

Четыреста солдат и офицеров противника нашли свою могилу в этом бою.

Враг не прошел. Он не мог сломить боевого духа советских патриотов.

2. БЫЧОК

Изгнав в феврале 1942 года гитлеровских захватчиков с территории Дятьковского района, партизаны восстановили там Советскую власть. В районе заработали райком партии, райисполком, сельские Советы, ожили колхозы.

Каждому понятно, что представляли собой колхозы в то время. В артелях не было машин, сельхозинвентаря, семян, не осталось лошадей, коров и другого скота и птицы.

Бюро подпольного горкома партии вместе с командованием отряда бежицких партизан приняло решение — оказать немедленную помощь колхозам. За каждой ротой были закреплены артельные хозяйства. Мы взяли шефство над колхозом, располагавшимся в Домашове, Горе, Городятинке, Першине, Лядах, Эдазии, Васильевке.

В конце февраля партизаны Быстров И. С., Пызин Г. М., Шершнева Н. В., Полесский И. А. выехали в деревню Васильевку, чтобы детально изучить колхозное хозяйство. Артельные дела нас не порадовали. Колхозу требовалась большая помощь.

- Да-а, дела. Хуже некуда, — проговорил командир взвода Полесский и, почесав затылок, добавил:

У Демьяна нет лошадки,
Нет у плуга и семян.

- Плуга нет, семян нет, — рассуждал он вслух, — а сеять надо. И живность разводить нужно... Вон мужики бычка просят раздобыть. Коровенка, другая, говорят, в хозяйстве отыщется, но бугая днем с огнем не сыскать. А без него не будет ни молока, ни стада.

Как ни трудно было выполнить просьбу колхозников, но все же мы ее выполнили. Произошло это следующим образом, сложив командованию отряда об итогах нашей проверки колхозного хозяйства, мы через день пошли на задание. Сделав свое партизанское дело, мы возвращались в лагерь. Добравшись до поселка Озерки, что недалеко от Святого озера, наш взвод остановился на отдых. Усталые, голодные лошади не могли уже тащить тяжелые сани, да и люди тоже валились с ног.

В Озерках располагалась рота партизан Демочкина, и они дружески встретили нас. Лошадей накормили, партизан разместили по домам, попотчевали харчем и даже угостили самосадом, да таким крепким, от которого при первой затяжке трещала голова.

В доме, где расположились наши партизаны И. Л. Кузьмин и А. С. Моисеев, завязался душевный разговор с ребятами из роты Демочкина. И те рассказали, что сегодня днем на Кадрихиком хуторе они наткнулись на вражеский обоз и уничтожили гитлеровцев. Только троим, из девятнадцати удалось удрать. Партизаны взяли трофеи: лошадей, оружие, продукты и бычка лет двух-трех.

- Лошади и бычок стоят вон там, на отлете, в сарае, — пояснил собеседник Кузьмина. — Вот и приходится теперь мерзнуть возле них на посту, охранять эту худобу.

Кузьмин и Моисеев обменялись многозначительными взглядами и без слов поняли друг друга.

- Говорят, их лошади слабые. — Оживился Кузьмин, стараясь как можно больше выведать сведений о бычке у партизана. — Морозов боятся. Подавай им тепло. А у вас они стоят в холодине.

- Да черта им сделается! Пусть постоят, - отозвался партизан, собирающийся на пост.

- А здоровые, крупные их лошади? Никогда не видал, — слукавил Моисеев.

- Пойдемте, посмотрите.

Кузьмина и Моисеева не нужно было вторично приглашать. Через десяток минут они уже вместе с постовым находились в заветном сарае.

- Вот они какие, фрицы, — сказал постовой и осветил лошадей фонариком. Потом он прошел в конец помещения и показал бычка. — А этот, видно по всему, отечественный. Племенной... Но все равно мы ему завтра красный галстук привесим и печенку зажарим.

Кузьмин и Моисеев чуть не вскрикнули от этих слов. И чтобы скрыть волнение, вернулись к лошадям.

- Хорошие кони, но нежные, — начал Моисеев.

- Да, лошади что надо. Однако кормить их следует картофельным пюре со сметаной да бутербродами с сыром, а пить давать кофе, — поддержал его Кузьмин.

- Толи дело наши, — отозвался постовой. — Нет сена — давай им еловые лапки. Мороз — и мороз им нипочем. А тянут куда больше немецких.

Выйдя из сарая, Кузьмин сказал Моисееву:

- Леня, вот он бычок, самый подходящий для Васильевки.

- Да, Иван, бычок стоящий. Но как его взять? Попросить у Демочкина? Не отдаст... Виноградову доложить?.. Так пока суд да дело — они его прирежут... Может, стянуть, а?.. Дело пустяковое. Но согласится ли наш комвзвода?

- Пойдем, Леня, уговаривать его.

Кузьмин вызвал Полесского из дому и рассказал о своем намерении.

-И бычок самый подходящий. Такого даже в мирное время на плембазе не всегда найдешь.

- А может, уговорим Демочкина? — неуверенно спросил Полесский.

- Что ты, лучше и не пытайся. Только дело испортишь, — замахал руками Моисеев. — К тому же начальства ротного нет. Куда-то уехало.

Комвзвода рассмеялся и сказал:

- Предложение заманчивое. Пойду с остальными хлопцами потолкую.

Полесский появился через минуту, коротко бросил:

- Действуйте! Только осторожно... А что необычным способом берем — в отряде поймут.

Через полчаса Моисеев уже стоял около знакомого постового и, потягивая самосад, увлеченно беседовал с ним о мирной жизни, о семье, о партизанских былях. Постовой, обрадовавшись собеседнику и не подозревая подвоха, говорил и говорил, забыв, видимо, и про лошадей, и про бычка, и про свой пост.

Тем временем Кузьмин, Гуреев и Пызин проникли в сарай, связали бычку ноги и, втолкнув его в сани, заспешили в отряд. Следом за ними отправились и остальные партизаны.

Ну и шуму же было из-за этого бычка. Не успели мы отдохнуть и отоспаться, как в роту приехал начальник штаба отряда Иосиф Дмитриевич Марков с двумя партизанами из Озерков. Их встретил политрук роты Брук. Марков отвел Брука в сторону, что-то сказал ему, и они направились в землянку. Разбудив Полесского, Марков спросил, где взял бычка? И тот рассказал все как было.

- За самочинство придется отвечать! Да, да, отвечать!

С этими словами Марков вышел из землянки и укатил на лошади.

Часа через три в лагерь прибыл Александр Иванович. Виноградов.

- Ты это, брат, что самовольничаешь? — обратился он к Полесскому. — Для колхоза, говоришь, брал... Пусть для колхоза... Все равно надо было поговорить с Демочкиным или доложить мне.

- Александр Иванович, — перебил Виноградова Полесский. — Во-первых, он куда-то уехал. А, во-вторых, пока бы мы дожидались Демочкина или докладывали вам, они бы его порешили. Приказ есть приказ... А нам еще и после войны жить придется и скот разводить.

Виноградов походил по землянке, поглядел на Маркова и Брука и сказал:

- А наказывать Полесского не за что...

Вызвав к себе тех двух партизан, прибывших от Демочкина, он приказал им вместе с Полесским отвезти бычка в колхоз.

Через несколько часов злополучный бугай к всеобщей радости колхозников и наших партизан стоял в общественном сарае.

3. СХВАТКА У НЕТЬИНКИ

В феврале—марте 1942 года мы почти каждую ночь выезжали за провиантом в задеснянские села Бордовичи, Голяжье, Хотылево, Сельцо, Чернетово, где хранились заготовленные для отряда мука, картофель, капуста, соль и другие продукты питания. Занимался этим делом в основном взвод Ивана Полесского. Одновременно ему было поручено изыскивать все необходимое для весеннего сева. Возвращаясь, партизаны везли, кроме продуктов сено, плуги, бороны, семена, лошадей, отбитых у гитлеровцев. И все это сдавалось в подшефный колхоз, который готовился к севу.

В один из таких выездов и произошел тот случай, о котором хочу рассказать.

В ночь на 19 марта 1942 года наш взвод, вооруженный четырьмя ручными пулеметами, винтовками, автоматами и гранатами, направился в Бордовичи. Ночь была морозная. Партизаны часто соскакивали с саней, бежали вслед за лошадьми, чтобы согреться. С шутками, пересмешками мы незаметно добрались до места и сразу же приступили к выполнению задания.

Пока загружались подводы, коммунисты И. В. Локтюхин и я рассказывали собравшимся сельчанам о боях Красной Армии, о положении на фронте. В конце беседы мы раздали людям сводки Информбюро.

Партизаны с помощью крестьян быстро загрузили подводы и собрались в указанном месте. Командир взвода обошел обоз, приказал двигаться в обратный путь. Впереди помчались разведчики Николай Полесский, Василин Шершнев и Илья Плетнев, а за ними двинулась вся наша группа. По пути мы заглянули в поселок Белокаменку и забрали с собой разведчицу роты Раису Андронову. Остаться ей дальше в поселке было нельзя: ее засекли гестаповцы и с часу на час могли арестовать.

Оттуда взвод спустился к Десне и по льду направился вверх, к Нетьинке. Было уже светло, когда мы поднялись на берег и поехали к железнодорожному переезду. Впереди маячили наши разведчики.

Они первыми поднялись на насыпь, и мы видели, как Василий Шершнев и Илья Плетнев схватились за винтовки и, выскочив из саней, крикнули:

- Коля, фрицы!

Николай Полесский быстро повернул голову и увидел за деревом двух вражеских солдат. Разведчик докинул винтовку, выстрелил. Один гитлеровец обмяк и плюхнулся в снег.

Лошадь, испугавшись выстрела, рванулась, и Николай не успел дослать второй патрон в канал ствола, как огромный детина бросился на него.

Николай Полесский обладал недюжинной силой. Он легко играл двухпудовыми гирями, крутил на турнике «солнышко» и слыл самым сильным и ловким парнем не только в Бордовичах, но и во всей округе. Однако, несмотря на его силу и ловкость, вырваться из медвежьих лап фашиста было не так-то просто. Собрав всю свою силу, комсомолец рывком приподнялся на руках и ловким приемом сбросил с себя гитлеровца. Молодой разведчик тут же схватил его за волосы и сильно ударил кулаком в челюсть. Гитлеровец, опрокинулся и вывалился из саней. Николай бросился на фашиста, вырвал из его рук винтовку (его выпала из саней при борьбе) и с силой ударил прикладом врага по голове. Фашист вытянулся и сник. «Язык нам тоже пригодится», — рассуждал Полесский, погоняя лошадь. Тем временем немец пришел в себя, и опять завязалась схватка. Но продолжалась она недолго. Комсомолец, наконец, одолел и связал врага.

Борьба Николая с гитлеровским солдатом на всем протяжении от железной дороги и до леса происходила под жестоким минометно-пулеметным огнем. Бил бронепоезд, стоявший на станции Нетьинка. Только за несколько минут до победы Николая над вражеским солдатом огонь прекратился — гитлеровцы ударили по переезду, через который уже перебирался обоз.

Почувствовав себя в безопасности, Полесский привязал лошадь, посмотрел ка «языка» и, убедившись, что тот не убежит, пошел по направлению выстрелов, на помощь к нам. Но едва он сделал полсотни шагов, как возле него разорвалась мина, и он упал как скошенный.

У нас же тем временем происходило следующее. Как только прозвучал выстрел Николая, которым он убил немца, ездовые быстрее погнали лошадей, а остальные партизаны заняли оборону вдоль насыпи железной дороги. Подводы благополучно пересекли железнодорожный переезд, взяли курс на поселок Ивановку. В лесу они остановились к стали поджидать взвод, которому в это время приходилось туго. По партизанам, оставшимся прикрывать обоз, гитлеровцы открыли сильный огонь и стали приближаться к ним короткими перебежками. Цель противника была ясна — они хотели отрезать нас от обоза.

Командир взвода приказал В. П. Шершневу, Н. М. Шершневу, В. М. Никитину, Н. Ф. Пызину, И. Плетневу переползти на другую сторону железной дороги и залечь в кювете, а когда приблизятся враги, забросать их гранатами.

Маневр удался. Подпустив немцев метров на двадцать, наша пятерка пустила в ход ручную артиллерию. Гранаты попали в цель и произвели переполох у фрицев. Воспользовавшись замешательством врага, через железнодорожное полотно перемахнули с гранатами в руках П. А. Мосяков, И. К. Пызии, П. Я. Шершневу, М. П. Кузьмин и поддержали свою пятерку гранатометчиков. Мощь огня немецко-фашистских захватчиков ослабла. Пользуясь этим, остальные партизаны перескочили через железную дорогу и с боем отошли в лес.

Обоз мы обнаружили в лесу, возле поселка Сети. Мало-помалу собрался весь взвод. Не было лишь Николая Полесского, Пызина и Шершнева. Группа партизан пошла па розыски товарищей. Вскоре им навстречу выехали на лошади Николая Полесского Вася Шершневу и Николай Пызин. Самого же хозяина лошади не было. На вопрос, где Николай, они пожали плечами.

- Лошадь мы нашли привязанной к дереву. На санях лежал связанный фриц, — пояснял Пызин. — А Николая нигде не было видно.

Обыскав все вокруг и не найдя Полесского, партизаны отправились в лагерь.

Весь взвод, всю роту тревожил один вопрос: «Где Николай? Что с ним?».

...Николай очнулся от приближающейся перестрелки. Он не был ранен. Взрывом мины его лишь контузило. Парень с трудом встал и, добравшись до того места, где оставалась лошадь, огляделся:

ни лошади, ни немца. Лишь со стороны железной дороги к нему торопились люди. «Немцы», — мелькнула у Полесского мысль, и он поспешил скрыться за соснами. От дерева к дереву, от куста к кусту пробирался молодой разведчик в глубь леса. Выбившись из сил, он ткнулся в снег. В снегу при тридцатиградусном морозе Николай пролежал ночь. На следующий день его случайно нашли наши разведчики и принесли в отряд.

В полукилометре от Глаженки подобрали – сказал разведчик Сергей Туманов. — Крепкий парень. Немного до деревни не дотянул... Обмерз сердяга. Ну, да ничего, до свадьбы заживет.

Врач Батюнин, да и все товарищи окружили заботой больного, который ни под каким видом не хотел покидать отряд. И все же его пришлось отправить из Большую землю: каратели окружали Брянский лес. Предстояли жестокие бои и трудные походы. 31 мая 1942 года на самолете Николай Полесский улетел от нас.

4. ЧТО ПОСЕЕШЬ, ТО И ПОЖНЕШЬ

В середине апреля горком партии принял решение о проведении сева. Командование отряда создало специальные группы (по 3—4 человека) во главе с коммунистами и направило их в населенные пункты для выполнения этого решения.

Под руководством наших представителей жители сел и деревень дружно взялись за работу. Сеяли с темна, и дотемна. В плуги и бороны запрягали лошадей, коров, запрягались сами.

Гитлеровцы с воздуха заметили работающих на полях людей, приняли жестокие карательные меры. С раннего утра и до позднего вечера в небе носились немецкие самолеты. Они бомбили и обстреливали мирных людей.

Но сев продолжался. На работу выходили и стар и мал. Помню как-то, когда мы работали на полях близ Васильевки, к нам подошел дряхлый дед.

- Большое спасибо, деточки, от всего нашего народа, что помогаете осеменить матушку-кормилицу, — прошамкал он. — Верить в жизнь нужно. Русские завсегда верили в жизнь и всегда побеждали... Били и псов, и рыцарей, и других прочих турков... И сейчас непременно победим! Победим! Что враг посеет, то и пожнет, — закончил он фальцетом и прослезился.

- Дай-то бог, дай-то бог!

- Дед точно сказал, — вмешался в разговор Иван Кузьмин. — К уборке урожая, как пить дать, дадим по шее фрицам.

Где-то за лесом послышались урчание самолетов, пулеметные очереди, разрывы бомб.

- Вот ироды, что делают, — покачал головой дед и посмотрел на небо. — И так, почитай, каждую минуту... Вчера эти изверги Наташку Сидорову застрелили на денисовском поле. Там моя дочь с внучатами живет. Мучается голубка...

Дед встал и заковылял по направлению к деревне Денисовке. Женщины, взяв лопаты, принялись за свое дело. Вслед за ними поднялись пахари и бороновальщики.

Не проработали люди и четверти часа, как над полем появилось три фашистских стервятника.

Злодеи с ходу сбросили бомбы и ударили из пушек и пулеметов по сеяльщикам. Все бросились к лесу. Фашистский пират дал еще несколько очередей, на поле остались лежать три женщины, мальчик лет тринадцати и тот старик, что торопился в Денисовку.

Такие дикие расправы над мирным населением гитлеровские головорезы учиняли ежедневно, ежечасно. Они применяли все, чтобы сорвать сев. Но сев продолжался, и к Первому мая мы посеяли все зерновые, а к 14 - картофель и овощи.

В честь первомайского праздника и окончания сева зерновых во всех населенных пунктах, закрепленных за нашей ротой, были проведены торжественные собрания партизан и местных жителей. В Першине мы провели митинг, после которого состоялось большое гулянье, играл баян, был патефон. Молодежь плясала, организовывала игры. Слышались веселый говор, шутки, смех.

Слушал я музыку, глядел на людей и думал: «Не сломят наших людей никакие невзгоды и трудности. Не сломят их темные силы фашизма, потому что солнце сильнее тьмы, жизнь — сильнее смерти».

***

В марте 1942 года гитлеровские захватчики заканчивали перешивку железной дороги на участке Брянск-Рославль. Оккупанты спешили, стремясь на полную мощность использовать эту необходимую для них железнодорожную магистраль. Мы тоже готовились к этому событию: мастерили мины, добывали взрывчатку, учились подрывному делу.

Как только на этой линии началось движение, наши подрывники принялись за дело. Ежедневно группы минеров С. Ф. Тагинцева и М. Г. Евтеева выходили на железную дорогу и пускали под откос вражеские эшелоны.

Хочется описать один из таких случаев. 9 в ночь на 10 апреля, группа Тагинцева (Ф. Г. Тагинцев, И. Н. Пызин, Е. Л. Гуреев и я) получила задание — спустить эшелон противника на перегоне Бежица - Сельцо. Всю ночь мы проползали на брюхе, а поставить мину не могли. Едва подрывники забирались на железнодорожную насыпь, как гитлеровцы открывали бешеный огонь. (Уж очень тщательно охраняли они этот лесной участок).

Наступило утро. Измученные и обозленные, отошли мы к поселку Ивановке и укрылись в густом кустарнике на дневку. Мокрые с ног до головы, продрогшие до мозга костей, с трудом дождались ночи. Но и она нас не порадовала. Почти до самого утра нам пришлось мерить расстояние вдоль железной дороги по-пластунски, и лишь к рассвету удалось поставить мину. Поспешно отойдя к хатке лесника, мы стали наблюдать за дорогой. Часов в 10 утра со стороны Сельцо показался паровоз с восемнадцатью вагонами. Все внимание партизан мгновенно было приковано к тому месту, где стояла мина. И она не подвела, сработала отлично. Паровоз и двенадцать вагонов превратились в груды обломков. Остальные шесть вагонов получили повреждения.

Вернувшись в лагерь, мы доложили о выполнении задания, покушали и легли отдыхать. Однако, не успев как следует заснуть, мы были подняты по тревоге. По приказу командования начали спешно готовиться к боевой операции, которая, кстати говоря, хранилась от всех в секрете до самого последнего момента.

«Что за операция? Что стряслось? Куда направляемся?» — эти вопросы мучали каждого партизана. А направлялись мы к станции Сельцо. После того, как на нашей мине подорвался поезд, движение на участке Сельцо — Бежица приостановилось. К вечеру на станцию Сельцо подошли два вражеских эшелона с живой силой и техникой. Наши разведчики сразу же доложили об этом командованию отряда. Решено было напасть на станцию и разгромить гитлеровцев. Объединившись с ротами Журавлева и Демочкина, начальник штаба Марков форсированным маршем повел нас к станции.

Добравшись до окраины поселка, подводы с минометным расчетом развернулись на небольшой поляне и под руководством начальника штаба отряда капитана И. Ф. Маркова стали готовиться к бою. Остальные три группы партизан (так заранее была разбита наша рота) заняли свои исходные позиции. Первая группа в составе 23-х человек под командованием Ф. Н. Брука перешла железную дорогу, зашла в тыл противника и залегла. Вторая группа в 30 человек — командир И. Т. Демочкин — расположилась на железнодорожном переезде, возле реки Сенна. Группа Тагинцева, в которой насчитывалось 36 человек, подошла со стороны леса вплотную к эшелонам и засела возле водонапорной башни, под каким-то навесом.

Атака началась в 1 час ночи по сигналу политрука роты Ф. Н. Брука. Партизаны с трех сторон ударили по гитлеровцам из всех видов оружия. Заработал и партизанский миномет. Первой же миной, посланной дядей Кузей (так мы называли нашего минометчика), была выведена из строя

железнодорожная станция, а второй — водонапорная башня.

Точно ошпаренные, метались фашистские захватчики по вагонам, а партизанский огонь хлестал и хлестал и только тогда стал стихать, когда был дан сигнал к отходу.

Придя в себя, гитлеровцы открыли ответный огонь. Особенно большую неприятность доставил нам вражеский пулемет, который направлял гирлянды трассирующих пуль вдоль улицы, ведущей к лесу.

Партизаны залегли возле домов.

- Прижать хочет, отсечь... прохрипел наш пулеметчик Голайдо. — Я тебе прижму!

С этими словами он выскочил на середину улицы, установил своего «Дегтярева» и дал несколько длинных очередей в основание веера разбрасываемых пуль. Пулемет врага захлебнулся. Партизаны пробежали улицу и скрылись в лесу.

На окраине поселка и на опушке начали рваться снаряды — била дальнобойная артиллерия из Бежицы. Командиры проверили личный состав. Потерь не оказалось. Оккупанты же потеряли около 200 солдат и офицеров, 40 вагонов, один паровоз.

В УЛЕМЛЬСКИХ ЛЕСАХ

Г. И. СОБОЛЕВ,

бывший партизан

Мы стояли в лесах Дятьковского района, когда командир роты Евгений Рудольфович Берндт привез радиоприемник.

- Принимай, хлопцы, технику. Москву слушать будем, — весело сказал он и улыбнулся.

Москва. Это слово не выходило у каждого партизана из головы. Оно являло собой символ Родины, символ непобедимости, стойкости, веры в победу.

Наши «спецы» тут же наладили радиоприемник, и все присутствующие услышали голос Отчизны. Мы как зачарованные сидели и слушали ее далекий и родной голос.

- Жива, — сорвалось у кого-то с уст. - Жива, родимая!

Голос советской столицы непередаваемо обрадовал нас. Мы впервые за последние два месяца услышали Большую землю.

- Поняли? - проговорил Николай Меньшиков и подбросил горевшие доски и бревна. Взорвалась мина, принесенная Корнеевым.

Народ разошелся, а гитлеровцы пошли продолжать свое черное дело — жечь дома и уничтожать ни в чем не повинных людей.

Забегая вперед, хочу сообщить, что Корнеев и его семья не погибли. Когда пламя охватило весь дом, партизан вылез из-под перины и разгородил окно, выходящее в густые заросли вишняка и давным-давно заделанное фанерой. Через него партизан и вывел свою семью в сад, а затем в лес, к партизанам.

На следующий день после расправы карателей над любохонцами жители этого поселка со слезами просили избавить их от фашистской прислужницы Силаковой.

Воля народа была выполнена.

МИНЫ РВУТСЯ НА БОЛЬШАКЕ

В. М. САВЕЛЬЕВ,

бывший командир роты

В конце ноября 1941 года меня вызвал командир отряда Александр Иванович Виноградов и сказал:

- Товарищ Савельев! — по Карачижско-Крыловскому большаку движется много немецких войск. Нужно заминировать дорогу.

- Есть! — ответил я и, получив разрешение идти, вернулся в свою землянку.

Собрав бойцов, с которыми должен выполнять задание, я рассказал им о приказе командира.

В пять часов вечера следующего дня мы вышли из лагеря. Подходя к Любохонскому шоссе, я послал в разведку Скрементова и Макарова. По дороге двигались гитлеровцы. Пришлось залечь и ждать, пока они пройдут.

Уже смеркалось, когда мы пересекли дорогу и подошли к Болве в районе Белой кручи. Переправившись на другой берег, мы, не останавливаясь, двинулись дальше. Вот и заветный

большак. Осмотревшись, мы принялись за дело. Мерзлый грунт рыхлили ножами. Дело не спорилось. Руки уже через десять—пятнадцать минут покрылись ссадинами и кровавыми мозолями.

Лишь под утро была закончена работа. Когда рассвело, большак ожил. По дороге засновали мотоциклы, повозки, прошла пехота. Как же огорчились мы, когда по дороге промчались три грузовика и не взорвались на минах.

- Не сработали мины! — выругался Титов.

Он еще хотел что-то добавить, но тут же ахнули подряд три взрыва.

Среди вражеских солдат поднялась паника, открылась бешеная стрельба по лесу. Так продолжалось примерно часа два. После этого послышался гул моторов — и опять взрывы.

С наступлением темноты мы проверили результаты нашей работы: на минах подорвалось девять автомашин с гитлеровцами и различным воинским имуществом.

ИЩЕМ СВЯЗИ С АРМИЕЙ

И. Г. БОРИСЕНКОВ,

бывший политрук роты

В первые месяцы войны бежицкие партизаны не имели связи с Большой землей, с Красной Армией, и это удручающе действовало на нас. «Что происходит за линией фронта? Как идут бои? Где фронт?» — об этом никто из отряда не знал.

Александр Иванович дал задание группе партизан добыть радиоприемник. Радиоприемник был доставлен в партизанский лагерь, но что толку. Им невозможно было пользоваться из-за отсутствия электроэнергии. Эта «мелочь» не обескуражила нас. Среди рабочих, техников, инженеров, из которых состоял наш отряд, нашлись и изобретатели, и конструкторы, и механики. Они раздобыли динамо-машину, трансформатор, а в качестве двигателя использовали велосипед. «Электростанция» заработала. «Промышленный» ток был подан в агрегат, и мы начали ежедневно слушать Москву. Какая это была радость: мы слушали Москву, голос Отчизны, знали, что она живет, борется, и это вдохновляло нас на борьбу с гитлеровскими захватчиками.

Когда схлынули первые порывы радости, стало ясно, что отряду нужен не только радиоприемник, но и передатчик, и радиостанция. Командир отряда неоднократно посылал «ходоков» на связь с Красной Армией, но фронт был далеко, где-то под Москвой, и наши люди воз вращались ни с чем.

Выручил нас из бедственного положения бежавший из плена солдат Аркадий Винницкий. Он оказался специалистом по радио и (хотя с большими трудностями) соорудил передатчик. Можно было приступить к передаче необходимых для армии сведений, которых, кстати, у нас накопилось много. Но с кем связаться? Как узнать позывные близлежащей воинской радиостанции? На какой волне и в какое время она работает?

Связь была налажена в начале 1942 года, когда Красная Армия разгромила фашистские войска под Москвой и освободила от оккупантов г. Людиново и Киров.

Командование отряда немедленно послало в Людиново группу партизан. На связь с Красной Армией пошли Иван Минаев, Павел Бурлаков, Лариса Иванова. Они благополучно дошли до г. Людиново и тепло были приняты командующим 10-й армии генералом Поповым.

Наши разведчики возвратились через десять дней. Связь с армией была установлена. И она поддерживалась до тех пор, пока фашистские захватчики не были изгнаны с территории Брянщины.

Радости нашей не было границ: наши люди были в Людинове, видели Красную Армию, были на советской земле.

Однако вскоре наши войска оставили г. Людиново, но мы не потеряли с ними связь. Исправно работала в отряде радиостанция, разведчики регулярно пробирались в г. Киров (здесь закрепились советские войска) и доставляли командованию 10-й армии ценные сведения, «языков», проводили через фронт мобилизованных партизанами в Красную Армию людей и попавших в окружение воинов. Так, в начале 1942 года партизаны переправили на Большую землю 200 тысяч рублей, собранных на танковую колонну, сотни пудов хлеба, овса, сена, отбитых у оккупантов. По приказу командования 10-й армии провели через линию фронта свыше 800 советских солдат и офицеров. Почти все они находились в нашем отряде и жестоко сражались с врагом.

Армейцы в свою очередь оказывали нам всяческую поддержку и помощь: снабжали оружием, боеприпасами, взрывчаткой, табаком, газетами, листовками, географическими картами, словом,

всем, чем могли.

Приближался праздник — День Красной Армии. Партизаны готовили достойную встречу этому знаменательному событию. В канун 23 февраля во всех ротах прошли собрания. Партизаны взяли обязательство — достойно встретить праздник.

Помню, выступая на собрании, минер Михаил Сергеевич сказал:

- Обязуюсь подорвать в честь Дня Красной Армии бронепоезд, курсирующий между Сухиничами и Брянском.

И его слово не разошлось с делом.

21 февраля 1942 года роты Т. Ф. Шпадырева, В. Дурнева и А. Журавлева после собрания выехали в район Крючки — Толвинка, устроили засаду и уничтожили в тот день пятьдесят вражеских солдат и офицеров, а двоих взяли в плен. Один из них инженер-танкист, а другой — юрист.

- Эх, важные птицы, — проговорил Александр Иванович Виноградов, когда выяснил, что за люди перед ним. — Отменный подарок будет армейцам.

Александр Иванович, закончив допрос пленных, встал, приказал накормить немцев и немедленно переправить их в штаб 10-й армии.

Выполнять приказание было поручено Василию Минаеву, Василию Артемову, Маргарите Протопоповой и мне.

Два дня мы добирались на лошадях до линии фронта. Достигнув деревни Малые Желтоухи и установив, что там находятся гитлеровцы, мы объехали стороной деревню и во весь опор погнали лошадей. Очутившись на нейтральной полосе, я толкнул в плечо гитлеровца.

- Фриц, слушай... Русская артиллерия бьет... А вон пулемет строчит... Сейчас будешь в гостях у коммунистов.

Немец прислушался, покачал головой.

- Линия обороны за Москвой или в Москве, — проговорил он, к нашему всеобщему удивлению, на чисто русском языке. (До этого он ни слова не понимал по-русски). — Это партизаны.

Каково же было его удивление, когда он через полчаса очутился в расположении наших войск и увидел советского полковника.

- Спасибо, товарищи, за подарок. «Языки» первый сорт, — проговорил полковник.

А сейчас пойдем на торжественное собрание, посвященное нашей Армии.

Мы сидели в президиуме, слушали доклад и смотрели на близкие и бесконечно дорогие для нас лица солдат, офицеров, генералов. «Живет наша родная армия, живет», — радостно билось сердце от нахлынувших чувств. Хотелось немедленно пойти и сражаться с врагом, сделать что-либо большое, героическое.

Переночевав у армейцев, мы целый день ходили по отделам штаба армии (они приглашали нас), беседовали со штабистами, обменивались мнениями, уславливались о координации действий. Вечером, в 10 часов, мы погрузили на одни сани противотанковые и противопехотные мины, на другие — газеты и листовки, покушали и тронулись в путь.

К вечеру следующего дня мы уже были в квате, а через сутки — в отряде.

* * *

В конце 1942 года и начале 1943 года связь с армией через посыльных прекратилась. Немцы, готовясь к наступлению на Орловско-Курской дуге, нагнали в наши края множество войск. Вдоль линии фронта противник прорыл три линии траншей, которые до отказа были забиты гитлеровцами. Миновать их, проскочить передовую незамеченными было невозможно. Связь с армией поддерживалась по радио. Мы ежедневно передавали на Большую землю нужную информацию, получали задания. Когда же требовалось перебросить через линию фронта раненых или «языка», к нам прилетали известные «вездеходы» — «У-2» или «ПО-2» и забирали «грузы».

Наступила весна 1943 года. На линии Рославль - Брянск усилилось движение поездов. И хотя партизаны почти ежедневно пускали под откосы вражеские эшелоны, фашисты предпринимали все, чтобы пропускная способность этого участка железной дороги не снижалась. Гитлеровцы готовились к наступлению, подтягивали войска и технику.

Подпольному горкому партии, командованию отряда, кроме усиления диверсий на железной дороге, было поручено установить постоянное наблюдение за проходившими эшелонами на участках Бежица—Рославль, Брянск - Сухиничи.

Александр Иванович Виноградов создал для этой цели около десятка групп численностью по 3—4 человека и разослал их по определенным участкам. Наблюдение велось круглосуточно. Партизаны считали составы, проходящие в одну и другую сторону, определяли, что перевозится в них.

Большую помощь в разведке эшелонов оказали партизанам жители села Голяжье. Наблюдая за немцами, они незамедлительно давали требуемые сведения в отряд, а оттуда, их передавали на Большую землю. Благодаря нашим данным многие составы фашистских захватчиков с танками, пушками, боеприпасами, с живой силой не дошли до фронта.

Чувствуя неладное, гитлеровцы начали маскировать перевозимые грузы. Но им недолго пришлось нас дурачить. Увидев, что немцы везут и везут к фронту сено, мы задумались. «Для чего же оно им понадобилось летом? Несомненно, какой-либо подвох», — думали мы. И подвох раскрыла уборщица станции Нетьинка.

- За нос они водят нас, — заявила она. — Никакое это не сено, а танки и снаряды. После этого сено не помогло.

Гестаповцы свирепствовали. Они кишели вокруг станций. Но ничто не могло утратить наших разведчиков - «железнодорожников». Они действовали, не считаясь со смертельной опасностью, трудностями. Выполняя задание Советской Армии, погибли в разведке на железной дороге Яков Лесков, Степан Лесков, Иван Алешин. Мстя за погибших, партизаны с удвоенной энергией вели борьбу с врагом, собирали нужные для армии данные. Вот имена разведчиков: И. Голайдо, И. Капустин, И. Ковалев, Н. Прудников, П. Наумов, С. Савин, Сиверин, К. Лесков, И. Шишкин, Василий, Виктор и Илья Гришковы.

ОРЛЯТА

Летом 1942 года рота Тихона Федоровича Шпадырева после жестоких боев расположилась в деревне Липове Дятьковского района. Уставших и измученных схватками и беспрестанными маршами партизан жители встретили радостно. Каждый тащил к себе в дом бесконечно близких людей.

Тихон Федорович разместился в небольшом домике в центре села. Он вместе с командным составом роты долго обсуждал итоги многодневных боев, подсчитывал потери, разбирал боевые операции. Лишь далеко за полночь его сморил сон. Шпадыреву казалось, что он только сомкнул глаза, как его разбудили.

- Товарищ командир! Тихон Федорович! — раздался голос партизана. — К вам мальчишка.

Шпадырев встал, почесал грудь, глянул в окно. На дворе стояло прекрасное утро.

- Веди его сюда.

В избу вошел худой обросший подросток. На вопрос, что ему нужно, парень залился слезами и, растирая их кулаками, сказал:

- Возьмите в отряд... Я комсомолец.

Шпадыреву почудилось, что он где-то этого мальчишку видел.

- А ну, иди-ка сюда поближе, — проговорил Тихон Федорович и засмеялся. — Эх, да это же мой старый знакомый. Это же Колька Прудников. Ты с ним не шути. Это он помог нам взять живьем офицера в Голяжье, продолжал Шпадырев. — А плакать, брат, того, кончай.

Николая зачислили в отряд. Ему выдали новую одежду, оружие. Немало совершил он подвигов, шагая по партизанским тропам. Это он подорвал три вражеских эшелона с живой силой и техникой на перегоне Жуковка - Брянск. Это он разносил газеты и листовки по окрестным деревням, добывал ценные сведения о враге, которые передавались на Большую землю.

Николай никогда не сидел без дела, всегда искал встречи с врагом. Однажды зимой 1943 года он изготовил несколько мин и подорвал на Рославльском шоссе три вражеских танка.

Смелый, отважный был Коля Прудников. Он беспредельно любил Родину и ненавидел врагов. Эта ненависть была так велика, что он нередко совершал необдуманные поступки. Однажды он бросился на группу фрицев в 50 человек. Фашисты увидели, что парень один, стали окружать его, пытаясь взять живьем. И, видимо, взяли бы, если бы не пришел на помощь Петр Наумов.

- Здорово ты хлестал фрицев, Петро, — сияя, говорил Николай. — А я тем делом и выскользнул.

- А тебе б уши надрать, — отозвался Наумов. — На такую ораву — и один. Озорство, друг мой!

- Эх, Петя, Петя. Не могу, понимаешь, не, могу смотреть, как эти гады нашу землю топчут. Как увижу их — все забываю, зубами живьем съел бы.

Два года проходил с нами Николай Прудников в партизанах, а когда Советская Армия пришла на Брянщину, он ушел вместе с нею и в декабре 1943 года погиб на поле битвы.

ПЕТЯ АКСЕШИН

Петя Аксешин был оставлен комсомольской организацией на подпольной работе в Чайковичах. Трудно было работать комсомольцу, потому что в деревне располагалась крупная полицейская часть.

Когда Брянск и Бежицу оккупировали гитлеровцы, Петя понял, что все прежние наставления и инструкции по подпольной работе никуда не годятся. Связь с руководством установить не удалось: оно, кажется, и само провалилось из-за неопытности. Сидеть, сложа руки в дни, когда оккупанты хозяйничали на советской земле, Петр Аксешин не мог. Он установил связь с партизанами Шпадырева и регулярно доставлял им нужные сведения.

Работал он самозабвенно, от всей души, бесстрашно. Аксешиним заинтересовались староста поселка Чайковичи Афанасьев и его помощник Артюшин. Прислужники фашистов установили слежку за комсомольцем. Петру было приказано на время прекратить свои действия и никуда не отлучаться из дому.

Но война есть война. И Петр не мог усидеть на месте. В декабре он пошел в Брянск, на аэродром, чтобы разведать стоянку самолетов. Здесь и был схвачен врагами бесстрашный разведчик. Начались допросы, пытки. Фашисты требовали сведений о бежицких партизанах, Петр Аксешин молчал. Тогда ему отрезали уши, но он не вымолвил ни слова, не предал товарищей.

- Скажи, где партизаны, — будешь жить! — кричали ему фашисты, уже набросив петлю на шею. В ответ — грозное молчание.

БОЕВОЕ ТОВАРИЩЕСТВО

А. А. ТРЕСИКОВ,

бывший политработник

В мае 1942 года немцы решили покончить с партизанским краем в Дятьковском районе. Они сняли из-под Жиздры две эсэсовские дивизии и направили их на борьбу с нами. Силы были неравны. Партизаны покидали деревни и села и с боями отходили в лес.

Восьмого июня, после того, как гитлеровцы сожгли деревни Дорожево, Домашово, Ляды, Першино, Васильевку, большой участок леса оказался блокирован неприятелем. Во вражеском кольце очутилось несколько отрядов. Среди них два отряда Брянских — городской и районный, отряды Горбачева, Орлова, Журавлева, Денисова, Рудакова и Дурнева.

Командиры отрядов собрались на совещание, чтобы обсудить создавшуюся обстановку и наметить план действий. Совещание единодушно решило: всем окруженным отрядам немедленно перебраться в Клетнянский лес. Мы плохо знали обстановку в Жуковском и Клетнянском районах, через которые предстояло идти, и поэтому рассчитывали на помощь жуковцев, с ними мы держали связь.

Выход отрядов намечался в день совещания. К двенадцати часам ночи все отряды собрались в лагере Орлова и оттуда двинулись в поход. На месте остались лишь ромашинцы. Им поручалось прикрыть наш отход. Не успели мы пройти и двух километров, как в тылу колонны поднялась стрельба. Это отряд Ромашина встретил карателей.

Отряды поочередно залегали в засаду, встречали неприятеля и продолжали двигаться по своему маршруту.

Эсэсовцы преследовали нас целый день. Лишь к вечеру, когда небо заволочло тучами, и пошел дождь, удалось оторваться от гитлеровцев.

На рассвете отряды оказались возле деревни Старое Лавшино. Предполагалось, что в ее окрестности находится штаб жуковских партизан,

- Протопали мы, должно, верст сорок, — заметил Горбачев. — Неплохо бы дать людям передохнуть, обсушиться.

С ним согласились. В деревню направилась разведка. Но она огорчила нас своим сообщением. В Старом Лакшине располагалось свыше тысячи вражеских солдат. Пришлось обходить деревню стороной и продолжать поиски лагеря жуковских партизан. Мы долго плутали по лесной чащобе и, не встретив партизан Воробьева, сделали привал.

Короткий отдых не восстановил силы. Но нужно было двигаться. Обойдя Старое Лавшино с южной стороны, колонна остановилась на опушке леса. Ребята присели, как шли, отряд за отрядом. Горбачева вызвали в голову колонны. Минут через десять он возвратился и сообщил, что идти такой лавиной в лагерь жуковских партизан нельзя: можно испугать их, завяжется бой. На

связь с ними пойдут Ромашин, Дука и Орлов. Нам приказано дожидаться командиров отрядов здесь, на опушке.

Частая оружейная стрельба с правой стороны (по ходу колонны) встрепонула всех партизан. Сон и дремоту сняло как рукой.

- Кто бьет? Откуда бьет? — слышались вопросы.

Через минуту пробежал по цепи Александр Тимофеевич Писарев. Он оставался старшим над всеми отрядами до возвращения командиров, ушедших на связь.

- Кого заметили? По ком ведут огонь? — торопливо спрашивал он.

Ответа никто не мог дать. Все люди были налицо, за исключением Ромашина, Дуки и Орлова.

- Занять оборону! — приказал Писарев.

Партизаны растянулись цепочкой по лесу километра на три. В направлении выстрелов была выслана разведка.

- Как думаешь, с кем фрицы воюют? — спросил Каменев Горбачева. — И чего они кричат «ура»?

- Кто ж их знает. Иди да спроси, — ответил тот.

Обстановка вскоре прояснилась. Впереди нас несколько десятков жуковских партизан сдерживали эсэсовцев, которые стремились ворваться в их лагерь.

- Подготовиться к бою! — передалось по цепочке. — Без команды не стрелять! Бить в упор... Поможем ребятам.

Разведчики, связавшись с жуковскими партизанами, передали им наше решение, и те стали отходить. И отступали они до тех пор, пока не оказались за нашей цепью.

Гитлеровцы, чувствуя, что сопротивление сломано, поднялись во весь рост и с криком ринулись на жуковцев. Они и не подозревали, что перед ними залегли мы.

Партизаны, плотно прижавшись к земле, с нетерпением ждали команды. Нервы у каждого натянулись, как струны. Казалось, сорвись один и побеги, и поднимется такая паника, которую ничем не унять.

Эсэсовцы подошли к нам вплотную, и когда прозвучала команда «огонь!», несколько десятков их успело броситься на партизан ромашинского отряда.

Партизаны открыли ураганный огонь. Девяносто три пулемета, свыше трехсот автоматов хлестнули свинцовым дождем по врагу.

Огонь продолжался минут пятнадцать, и когда прекратилась стрельба, впереди все было усеяно трупами. Вражеские солдаты больше не показывались.

Минут через двадцать в нашем расположении начали рваться снаряды. Писарев дал команду отходить отрядам на Сельцо. Одновременно он послал разведчиков в Жуковский лагерь, чтобы предупредить Дуку, Ромашина и Орлова об этом.

На дневку мы расположились недалеко от поселка Сельцо. В восемь часов на развилке дорог затрещал немецкий автомат. Это гитлеровский патруль, подбадривая себя, время от времени бил по лесу... Он прошел, и мы его не тронули. Вслед за ним с уздечкой в руках показался сельповский мужик. Он заметил нас, и мы его задержали.

- Кто?

- Куда идешь?

- Зачем?

- Лошадь проклятухая куда-то подевалась. Как сквозь землю провалилась... Пахать собрался...

- Это что же, люди с базара, а Назар на базар. Все уже отсеялись... Постой, да это ж сельповский полицай,— всплеснул руками маленький заросший, как леший, партизан.

Задержанный признался, что работает в полиции.

Разослали нас немцы по всему лесу, — рассказывал он, — чтобы узнать, в каком направлении движутся советские войска... Говорят, из-под Кирова (там проходил фронт) прибыла целая армия... Под Старым Лавшином, слышно, они полностью уничтожили батальон эсэсовцев... Так вот, раз — и нету. — И полицай сделал жест рукой. — Да что им батальон, — продолжал он. — В панике германцы... Войска, слышно, будут выводить из леса до выяснения обстановки.

Мы рассмеялись и обрадовались, что гитлеровцы не знают, кто уничтожил их батальон, что они приняли нас за «целую армию».

В одиннадцать часов дня в отряд возвратились Дука, Ромашин, Орлов. Вместе с ними прибыл командир Жуковского партизанского отряда К. Воробьев.

...К вечеру разведка подтвердила слова полицая: фашистское командование сняло блокаду Дятьковских лесов. И наши отряды вернулись на прежние базы.

КЛЕТНЯНСКИЙ ПРАЗДНИК

Наша бригада стояла в Клетнянских лесах. На фронтах Отечественной войны одерживалась победа за победой. Фашистская армия неудержимо катилась на запад.

Оккупанты, стремясь показать местному населению, да и своим войскам, что дела их не так уж плохи, нередко устраивали различные празднества. Такой праздник предполагалось провести и в Клетне 10 августа 1943 года. В этот день исполнялось два года, как фашисты оккупировали Клетню.

Праздник был широко разрекламирован, гитлеровцы готовились к нему, как к большому торжеству. На празднество в Клетню должно было прибыть большое немецкое начальство.

Мы тоже не остались безучастны к этому событию. Разведчики Михаил Анциферов, Василий Прозоров, Володя Филиппов начали уточнять, где будут проводиться празднества, кто, как и откуда прибудет в Клетню. Было установлено, что «гости» приедут утром 10 августа специальным поездом из Жуковки.

Командование бригады поручило подрывникам заранее подыскать место для минирования дороги. Но фашисты усилили охрану, и к ней нельзя было подойти ни днем, ни ночью.

- Сделаем засаду, — предложили в штабе бригады.

- Засаду можно устроить, — подтвердил командир батальона Тагинцев. — Километрах в четырех от Нижних Окулич немцы вырубиле возле дороги кустарник и стащили его к лесу. За ним спрячется полк,

- Ну, вот и добре, — обрадовался Горбачев. — Бери своих людей и айда в засаду.

Вечером девятого августа Тагинцев доложил Горбачеву:

- Товарищ командир бригады! Батальон в количестве 180 человек готов к выполнению задания. На вооружении батальона сто винтовок, пятьдесят автоматов, десять пулеметов, два миномета и два ружья ПТР.

Андрей Сергеевич Горбачев перед строем еще раз пояснил задачу партизанам, и батальон Тагинцева вышел из лагеря.

...В Клетне шли последние приготовления к празднику. На центральной площади возводились подмости для выступления артистов, гитлеровцы мылись, чистились, приводили себя в порядок. Клетнянский бургомистр подобрал делегацию для встречи высокопоставленных особ фашистской армии хлебом-солью. В поселок приехали даже киношники, чтобы заснять торжество.

Батальон до рассвета подошел к Нижним Окуличам и залег в засаду. Утро выдалось на редкость для летних дней свежее, и партизаны дрожали от сырости и холода.

С нетерпением ждал каждый партизан поезда, у каждого были счеты с фашистами. Вот автоматчик Вася Прозоров. Он не забыл, как в 1941 году, когда лежал в деревне Журиничи Брянского района в госпитале, фашисты расстреляли всех раненых, имеющих прически, а стриженных (среди которых был и он) выбросили на улицу. Он не забыл, как в деревнях Брянщины гитлеровцы расстреливали стариков, детей и женщин, сжигали людей живьем, угоняли людей в рабство.

Рядом Ефим Алещенко. Это фашисты заставили его бросить больную старуху в Почепском районе, это они оторвали его от земли и вынудили взяться за оружие.

А там еще и еще, и таких сто восемьдесят, и каждый из них зорко смотрел за железной дорогой и крепче сжимал в руках оружие.

Протяжный свисток паровоза. Поезд шел тихо, со всеми предосторожностями. Впереди и сзади локомотива были прицеплены по две пустые платформы. Делалось это для того, если бы дорога оказалась заминированной, то заряд взорвался бы под платформами, и «гости», едущие в четырех классных вагонах, оказались бы невредимы.

Бронебойщик Иван Панин долго целился, и когда звонкий, резкий выстрел разорвал тишину, паровоз окутался паром. Тотчас партизаны открыли огонь по составу из всех видов оружия. Поезд стал. Батальон бросился к вагонам, которые окутались густым черным дымом и пламенем.

Гитлеровцы, охранявшие этот участок дороги, бежали, Ушло от пуль и несколько «гостей», которые, выскочили из вагонов в противоположную сторону от партизанской засады. Остальные были перебиты.

Вместо праздника фашисты справляли поминки.

СЕВКИНЫ ТРОПКИ

Путь из Клетнянских лесов в Бежицу пролегал через деревню Титовку Брянского района. В ней, да и во многих других деревнях, до войны Севку знали как заготовителя скота. И хотя уже два года длилась война, и Титовка давно была оккупирована врагами, встречали Севку по-прежнему. Даже староста и полицейские принимали его по довоенной должности.

- Ну как, Сев, скот принимаешь на марки или рубли? Аль, на какой товар? — допытывались крестьяне.

Им и в голову не приходило, что Севка Сорокин партизанский разведчик. А может, и приходило, но никто не показывал этого. Так и ходил этот неприметный, небольшого роста человек по деревням и селам, добывал ценные сведения, совершая большие дела.

Вот и сейчас шел Севка на связь со своими агентами в Бежицу. Остановившись в Титовке, он заметил гитлеровцев в форме, которая чаще всего встречалась в Брянске. «Что же они здесь делают?», — подумал разведчик и решил найти разгадку.

С помощью местных жителей разведчик установил, что солдаты прибыли действительно из Брянска и готовят посадочную площадку для самолетов.

На обратном пути Севка еще раз поинтересовался ходом строительства аэродрома. Установил, сколько в деревне немцев, где хранятся боеприпасы и горючее, каковы к ним подходы, и с этими данными явился к командиру бригады.

- Дьявол их возьми! — радостно вскричал Горбачев. — Они же прямо к нам в бригаду перевозят свои склады. Денисов! Готовь своих людей к операции.

В ночь на пятое сентября пятьдесят партизан под командованием Александра Гребенкина ушли на задание. Ночь выдалась темная, накрапывал мелкий осенний дождь. Высоко за облаками урчали наши самолеты, на востоке гремела артиллерийская канонада. Приближался фронт.

Ребята шли гуськом друг за другом. Обойдя вражеские посты и засады, Севка Сорокин уверенно провел партизан к Титовке.

Часа в четыре утра мы остановились на дневку в небольшом леску, километрах в 5 от Титовки. Гребенкин, выставив посты, принялся вместе с Калмыковым, Козичевым и Прозоровым разбирать на бумаге схему складов и постов, находящихся в деревне.

В полдень из деревни Городище Жирятинского района прибыла Наташа Найденкова, бывшая учительница, наш агент. Сюда ее направил Севка, который до рассвета еще ушел в сторону Брянска.

Постовой Ромашов разбудил нас с Гребенкиным.

- Полицейские Титовки и других сел, — сказала она, — хотят уходить в леса. Один из них просил связать его с вами. Если позволите, приведу...

Она покинула нашу стоянку и вскоре привела не одного, а двадцать вооруженных полицейских. Мы схватились за винтовки и автоматы. Но Наташа нас успокоила.

Они уже несколько дней живут в лесу и уже стреляли в гитлеровцев.

Мы с Гребенкиным встали. Полицейские остановились. Старший из них подал команду, и полицейские сложили оружие. Получив разрешение, они подошли к нам.

- Довоевались? — спросил Гребенкин.

- Судите, как хотите, — проговорил старший полицейский, — воля ваша.

- судить будет народ, — заметил Гребенкин. — А сейчас забирайте оружие. Искупление вины будет зависеть от количества уничтоженных врагов.

Мы долго разговаривали с полицейскими. Из беседы выяснилось: в гарнизоне противника 125 человек. У нас же было 50 бойцов и 20 полицаев. Как будет воевать это «пополнение», никто не знал.

- Нападем ночью, — не унывал Гребенкин, — внезапно. Нипочем не усидят.

В час ночи, разбившись на четыре группы, партизаны вышли на исходные рубежи. Каждой группе была дана определенная задача. В два часа в центре деревни взвилась зеленая ракета (наш условный сигнал к атаке), застрочили пулеметы, автоматы, заухали противотанковые гранаты. В отдаленности от деревни высоко к небу взметнулось огромное яркое пламя — вспыхнул склад с горючим. Железные бочки рвались, точно бомбы, далеко вокруг разбрасывая свирепствующий огонь.

Примерно через полчаса, сотрясая землю, тяжело ухнули взорвавшиеся авиабомбы. Этим и завершился бой. Десятки гитлеровских захватчиков были уничтожены, остальные убежали неизвестно куда в одном нижнем белье.

Полиции в бою держались неплохо. А один из них (видимо, слова Гребенкина на счет искупления вины крепко засели у него в голове) то и дело подбегал к командиру группы и докладывал.

- Товарищ командир, запишите, я еще одного фашиста уложил.

Мы шли назад радостные, веселые, вспоминая забавные истории.

- А мы идем по дороге, - говорил командир группы Колмыков, - будто днем. Слышим, сзади тархтит машина. Глянули – шпарит вовсю без света. Рубанули зажигательными – запылала. Не успели разделаться с грузовиком, видим бежат из совхоза «Южный» человек десять мужчин и женщин.

- Чего, - говорю, - всполошились?

- Угоняют проклятые в Германию. Возьмите с собой. Я и взял. А в совхозе прихватил 60 лошадей: гитлеровцы бросили...

На следующий день Гребенкин доложил командиру бригады о том, что задание выполнено; на операцию ходило 50 человек, а возвратилось 80, взяты трофеи.

ВСТРЕЧА С ОТЦОМ

В.Н. ГРИШКОВ

бывший разведчик

В октябре 1941 года в боях за один из населенных пунктов Брянской области я был тяжело ранен. С поля боя меня вынесли. Пришел в сознание в госпитале, в Жуковском лесу. Над головой то и дело пронеслись фашистские стервятники. Где-то невдалеке гремела канонада.

- К прорыву готовятся, - послышался голос моего соседа. – Ишь, шуруют.

Я осмотрелся, пошевелил одной и второй ногой – целы. Невредимыми оказались и руки. Лишь грудь нестерпимо жгло и разрывало болью. Во рту пересохло. Страшно хотелось пить. Превозмогая боль, я приподнялся и позвал медсестру.

Она будто ждала моего оклика, пулей влетела в палату, испуганно сказала:

- Товарищи! Фашисты взяли Орел! Они в тылу у нас. Готовьтесь к эвакуации. За нами сейчас придут машины.

Но машины не прибыли в госпиталь. Группами и поодиночке раненые двинулись туда, где грохотала канонада. Я тоже пошел на восток. Добравшись до деревни Нетьинки, я остановился у анны Викторовны Аношко. А через три дня был в Голяжье, у себя дома.

Отец сердито встретил меня. Не сказав ни слова в ответ на мое приветствие, он вынул из кармана кисет с табаком, свернул козью ножку. Закурив и сильно пыхнув дымом, спросил:

- Ты зачем пришел домой? Ты что здесь забыл? Ты ж офицер Красной Армии... Бежишь... шкуру спасаешь...

- Ранен я, батя, тяжело.

- Где же это твоя рана? – недоверчиво переспросил он и подошел ко мне.

- Да, брат, здорово они тебя, - с этими словами он уложил меня в кровать и вышел из дому.

Возвратился он минут через пятнадцать – двадцать вместе с фельдшером Тереховым.

- Видишь, германцы его как долбанули...

Терехов промыл и перевязал мою рану, ушел. Боль несколько утихла, и я уснул.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Рана заживала плохо. Я лежал на кровати и думал: заглянут фашисты в дом – и конец всему.

Как-то зимой, когда меня совсем одолевали тяжелые мысли, в дверь постучали. Было 12 часов ночи. Я вынул из-под подушки пистолет. Мать зажгла керосиновую лампу, вышла в сени.

- Кто там? – спросила она.

Ответа я не расслышал, но тотчас звякнула щеколда, и в доме послышались мужские голоса. У меня до предела напряглись нервы. Один из вошедших поглядел на меня, спросил: «А это кто?».

- Сын. Болеет дюже, - откликнулась мать.

Я взвел курок, стал зорко следить за каждым движением ночных гостей. Мысль лихорадочно работала: «Кто они? И что им надо?».

Назавтра сестра Саша (она была, как я узнал позже, партизанской разведчицей) прибежала домой и сообщила, что в Голяжье прибыло много гестаповцев.

- Говорят, - пояснила она, - вчера ночью к нам в село приходили партизаны и живьем взяли

гестаповца и полиция, а вместе с ними и их мотоцикл.

Я понял, кто приходил вчера ночью к нам, и это меня обеспокоило. Гитлеровцы, конечно же, перевернут вверх дном все Голяжье, каждый дом, наткнутся на меня. Рассудок подсказывал: нужно уходить. А как уйдешь, когда еще не затянулась рана.

Прошло несколько беспокойных ночей. Гестаповцы не утихали, избивали людей, учиняли допросы, пытаясь узнать, кто схватил их сотрудника и полиция.

на четвертую ночь опять кто-то постучал к нам в дверь. Я напряг все внимание, ожидая, что идут фашисты. Но волнение было напрасным: в дом вошел брат Виктор.

- Я за тобой, Вася, - сказал он, присаживаясь. – Мы должны немедленно уйти отсюда.

Невзирая на боль и слабость, я встал с кровати, оделся и, попрощавшись с родными, ушел с братом. Подойдя к Десне, Виктор сказал:

- Здесь стоит наш конь. Вот он, милый.

Мы сели в сани и помчались по плохо накатанной дороге. Миновав немецкий аэродром, я спросил у Виктора, что за человек был у нас три дня назад.

- Наш человек. Секретарь Бежицкого подпольного горкома партии Григорий Григорьевич Гавриличев, - Виктор помолчал и добавил. – Это он послал меня за тобой.

Вскоре мы оказались в лесу. Вокруг было тихо, только скрип полозьев нарушал ночную тишину. Примерно часа в два ночи нас окликнул часовой. Виктор сказал пароль, и мы через десять минут были в лагере.

В ОТРЯДЕ

В окно, что находилось в торцовой части землянки, начал проникать свет. Партизаны проснулись. Первым встал молодой усатый человек, похожий на Чапаева. Это был командир роты Алексей Журавлев. Встали и остальные партизаны.

Увидев, что я проснулся, Журавлев подошел ко мне:

- Нормально добрался? Как рана? Болит, говоришь? Ничего, потерпи, Батюнин тебя враз залатает и исцелит.

В полдень к нам в землянку вошел небольшого роста человек.

- Ну, где тут у вас больной?

Я сразу догадался, что это и есть тот самый Иван Тихонович Батюнин, который будет «исцелять и латать» меня. Врач осмотрел мою рану, промыл, смазал реванолью, наложил бинт.

- Все хорошо будет, - заметил он. – Главное, нет воспаления. Через денек – другой я загляну.

Толи он действительно был таким искусным эскулапом, то ли еще по каким другим причинам, но рана стала заживать, и я вскоре стал в строй.

***

В последних числах декабря разведчики Лисичкин, Голайдо и Ковалев прибыли с задания в лагерь и доложили Журавлеву, что завтра из Бежицы в Соколово выедут на грабеж населения гитлеровцы.

- Снаряжается шестьдесят подвод, - уточнил Лисички.

Командир задумался.

- Шестьдесят, - переспросил он. – Многовато... Но ничего, мы их проучим, как грабить.

Журавлев дал команду готовиться к бою, а сам с политруком Ромашиним ускакал в штаб отряда. Возвратившись, он приказал готовиться к походу на деревню Крючки, через которую должны проезжать гитлеровцы.

В шесть часов утра рота залегла вдоль дороги в засаду. На деревенских улицах ни души. Утренний мороз щиплет носы, щеки. Партизаны переговариваются, дымят сигарками, хлопая себя рукавицами по бокам, греются.

Наконец, раздается долгожданная команда. Все замирают и закапываются в снег. Со стороны Чайкович движется большой обоз.

Гитлеровцы ехали беспечно и не заметили нас. Когда колонна противника целиком вытянулась вдоль нашей цепи, мы открыли огонь.

Бой продолжался не более получаса. Свыше 120 гитлеровцев было уничтожено нашим внезапным налетом. Двое взяты в плен и отправлены в качестве «языков» в штаб 10-й армии.

ВЗРЫВ МОСТА

В один из январских дней 1942 года мы сидели у костра и вели разговор о боях на Западном фронте в августовские дни прошлого года. Кстати, все собравшиеся: Михаил Лебецкий, Николай Фоменко, Сергей Лисичкин и я пришли в отряд из окружения. В это время из чащи леса показались Журавлев и Ромашин. Увидев нас, они подошли к костру.

- О чем толкуете, казаки? – спросил Журавлев.

- Вспоминаем фронтовые дни 1941 года, товарищ командир, - ответил Шевченко. – До слез обидно за русскую землю, за отступление.

- Да, Шевченко, обидно. И мне обидно, и ему обидно, и всем нам обидно. Но обидой врага не остановишь, не заставишь бежать назад. Врага надо бить! Бить! Бить! – и Журавлев при этом энергично взмахивал рукой, будто действительно сильно и нещадно бил кого-то.

Командир умолк, присел у костра на корточки, оперся о сосну спиной, продолжал:

- Шли мы сейчас с политруком и думали: здорово рота бьет фашистов из засад. Большой урон наносит оккупантам, и все же мы могли бы сделать больше, если бы вышли на железную дорогу, пустили бы под откос эшелон, взорвали бы мост, вывели бы из строя стальную магистраль.

- Товарищ командир, разрешите нам, бывшим армейцам, подорвать мост у Нетьинки? – встал я и посмотрел на Журавлева.

- Как думаешь, политрук, разрешим? Мост, правда, там не ахти какой, но неприятности он доставит фрицам немало.

...Уложив на повозку 80 килограммов взрывчатки, ручной пулемет, патроны, мы выехали на операцию. В полночь мы достигли Нетьинки, надели маскировочные халаты. Лисичкин и Шевченко ушли в разведку, а мы с Фоменко начали упаковывать тол в пачки по 20 кг. (Решено было закладывать мины под все четыре опоры).

Часа через полтора вернулись наши товарищи и сообщили, что подходы к мосту трудные, ближайший кустарник от железной дороги находится метрах в семидесяти.

По кустарнику мы шли пешком, неся на себе взрывчатку. На самом краю зарослей остановились. Фоменко лег за пулемет, чтобы прикрыть нас огнем в случае необходимости, а мы пошли дальше. До моста оставалось подать рукой, когда в километре от него прогудел паровоз и на железнодорожной насыпи показались патрули. Они осветили местность ракетами и ударили из автоматов по близлежащим кустам. Мы лежали ни живы, ни мертвы: казалось, что вражеские солдаты заметили нас, и операция сорвется. Но все обошлось благополучно. Маскировочные халаты нас не выдали.

Пропустив эшелон, гитлеровцы ушли в сторожевую будку. Этим временем Лисичкин, Шевченко и я быстро подобрался к мосту.

- Ребята, не торопиться, - вполголоса сказал Лисичкин.

Мы принялись за работу, и когда все было готово, он подал команду – зажигай!

Я чиркнул спичкой, поджег бикфордов шнур, и мы один за другим отошли в кустарник.

Оглушительный взрыв потряс воздух. Где-то заработали пулеметы и автоматы противника, взметнулись в небо ракеты.

- Теперь, хлопцы, ходу, - засмеялся Шевченко, - пусть ищут ветра в поле.

Трое суток гитлеровцы ремонтировали взорванный нами мост, и трое суток не действовала эта железная дорога.

РАСПИСКА СТАРОСТЫ

Вскоре после взрыва моста мы отправились в Голяжье, на явочные квартиры, чтобы узнать о силах противника в Брянске. (Это требовалось командованием 10-й армии). Вместе со мною в разведку вышли Лобецкий, мой брат, Понасов и Прудников.

Переправившись через Десну, мы подошли к избе Лукьяна Савина и заглянули в окно. В доме чуть заметно светила лампа. Это был условный знак: в селе немцев нет. Мы постучали в окно. В сени вышел Лукьян и, позвав нас, открыл дверь.

- Ну как, Лукьян, дела? Что нового? – спросил я.

- А что дела? наших пока нет ни с Брянска, ни с Бежицы, - ответил он. – Староста Порфильев начинает хвост поднимать. Вчера на сходке заявил, чтоб односельчане уничтожали партизан и их разведчиков.

- Придется с ним провести агитационную работу, - заметил я. – вызовем его завтра на беседу.

Часа в три ночи мы перебрались в дом полицая Лазарева. Полицай трясся от испуга, как

осиновый лист.

- Да перестань ты дрожать, амеба, - зло бросил Лобецкий и ткнул кулаком под бок полицая.

- Вот что, - перебил Лобецкого я. – ты, Лазарев, утром пойдешь к старосте и пригласишь его сюда. Скажешь, что из Брянской управы прибыло немецкое начальство и немедленно требует его, Порфильева...

Мы приготовились к встрече старосты. Михаил Лобецкий, огромного роста сибиряк, стал с автоматом на кухне, за дверью, Коля Прудников – в сенях, я и Виктор сели за стол. Мы были в немецких мундирах.

Порфильев в сопровождении Лазарева появился в доме часов в девять. Он подошел к столу (низко поклонился).

- Здравствуйте, господа.

Я ответил ему на ломаном немецком языке. В ту же минуту Лобецкий бросился на старосту, смял его и обезоружил.

Узнав, кто мы, староста взревел и начал кусать себе пальцы.

- Встать! – крикнул я.

Порфильев встал.

- Я буду работать на вас. Буду давать пропуска в Бежицу, Брянск. Пальцем не трону жителей... Не убивайте...

- Пиши расписку о том, что будешь работать на нас, - скомандовал я.

Староста без промедления взялся за карандаш и дал расписку, и мы отпустили Порфильева. (Слово свое он сдержал).

К вечеру из Бежицы возвратилась моя сестра Саша. Она и принесла данные о вражеских силах.

В два часа ночи мы покинули Голяжье и принесли ценные сведения, которые тут же были переданы Красной Армии.

ИЗ ДНЕВНИКА Н.Д. МЕНЬШИКОВ, бывший минер

Тернисты партизанские тропы. Шагая по ним, ежесекундно нужно быть начеку, готовым ко всяким неожиданностям. Людям, прошедшим по этим тропам сотни и сотни километров, всегда было дорого и ценно чувство локтя, чувство веры в то, что товарищи, идущие рядом, не подведут, не бросят в беде.

Вот о таких людях, простых и скромных, готовых не задумываясь отдать жизнь за Родину, за товарища, мне и хочется рассказать.

...В марте 1943 года, возвращаясь с задания, я наскочил на мину. Мне оторвало ногу. До лагеря оставалось 50 километров, и я отлично представлял, что ожидает меня.

- Что ж, братцы, бегите. Со мной вам не уйти...

Чем погибать всем, так уж...

- Что?! Да как ты смел?! – вспыхнул Артамонов.

- Да за это б по морде надо! – возмутился Павел Алексеевич Корявченков.

У меня навернулись на глазах слезы благодарности, а партизаны расценили их по-своему.

- Ладно тебе уж – «по морде», - вмешался Георгий Щербаков. – Человеку лихо, а он... Давайте мастерить носилки.

... Я потерял сознание, а когда пришел в себя, то уже мерно покачивался на носилках. Высоко вверху чернело беспросветное небо. Голова пылала, страшно болела нога, хотелось пить. Я зашевелился и, вскрикнув, опять впал в забытие.

Снова я открыл глаза уже днем. Невдалеке дымил костер. От одежды партизан шел пар. Холод и безмолвие сковали все вокруг.

- Два дня ничего не держали во рту, - донеслось до меня.

- Хорошо б сейчас ржаной сухарь или гречневой каши с молоком.

- Да замолчи ты!

- Хватит, други, вперед!

Двое изнеможенных, выбившихся из сил людей взялись за носилки. Мне казалось, что они сейчас же уронят их и упадут на землю сами. Но вот люди выпрямились, сделали шаг, второй,

третий, и я закачался из стороны в сторону. Партизаны шли медленно, пошатываясь, проваливаясь в ямы, падали, с трудом вставали и снова шли и шли. Сила воли, упрямство, любовь к жизни двигали их вперед.

Трое суток Федор Артамонов, Павел Корявченков и Георгий Щербаков со мной на руках пробирались к лагерю. Вот и Святое озеро. Здесь располагался наш отряд.

- Врача, - проговорил охрипшим голосом Артамонов встречным партизанам и пошатнулся.

В один миг носилки оказались в крепких и надежных руках, а через мгновение я увидел Ивана Тихоновича Батюнина.

- да, - врач взял в горсть колючий, обросший подбородок и посмотрел на меня. – Ничего не поделаешь...

Только ампутировать...

Меня положили на «операционный стол». В углу шипел примус, слышалось позвякивание инструментов, пахло какими-то лекарствами. Батюнин и медсестра склонились над моей ногой, начали что-то делать.

В это время в землянку вбежал часовой и крикнул:

- Фашисты идут!

Иван Тихонович глянул на партизана, приказал медсестре положить поближе автомат и гранаты.

- Пусть идут, - спокойно сказал он и снова склонился над операционным столом.

...Кругом тишина. Часовой ошибся: он принял за гитлеровцев партизан, возвращавшихся с боевого задания. Операция окончена. Батюнин выпрямился, мизинцем почесал переносицу, глянул на меня.

- Вот и все, Николай Дмитриевич. Не горюй, мы еще с тобой пошагаем по русской земле.

Было очевидно, что врач сильно устал, что ему очень жаль того человека, которому только что отнял ногу, и поэтому он топтался у носилок и неумело говорил ободряющие слова:

- Ничего, мы еще пошагаем, Коля.

Да, пошагаем, - подумал я и закрыл глаза.

***

В декабре 1941 года группа партизан нашего отряда (Иван Захарович Петров, Михаил Сазонкин, Федор Артамонов, Анатолий Жогин и я) получила задание заминировать железную дорогу в районе станции Зикеево. Сборы были недолги. Через час мы выехали из лагеря и уже к вечеру добрались до села Овсорок (Жиздринский район, Калужской области). Дальше предстояло пробираться мимо крупных вражеских гарнизонов и укреплений. Решено было остаться в селе и хорошенько разведать обстановку.

Остановились в крайней хате, у древнего старика.

- Вы что же, ребята, никак бежицкие? - и дед хитро посмотрел на нас из-под косматых бровей. – Смотрите в оба. На другой стороне села, германец засел.

мы начали наблюдать за дорогой. Минут через тридцать на ней показались три подводы гитлеровцев, увозящих свиней, кур и теплую одежду.

- Видите, что стервецы выкамаривают. И так, почитай, кажен ден. – Старик взмахнул рукой и посмотрел на нас.

- Эх, была бы мочь в руках и ногах, я им показал бы кузькину мать.

- Это что же ты сделал бы? – поинтересовался Иван Петров.

- А что? Установил бы на взгорке «Максимку» и порубал бы всех на тюрю... И «Максимку» я припрятал... Жаль, не очень исправен... Может, вы возьмете для хозяйства?

- Что ж нам делать с ним без лент?

- Есть две коробки, битком набиты.

Мы взяли пулемет и отправились ночевать в соседний поселок, расположенный в двух километрах от села. Поселок прятался в густом лесу, и враги туда не заглядывали.

- Передохнем, хлопцы?

- Не душно б.

- Отдохнуть потом, пулемет наладить нужно.

Спать в эту ночь не пришлось. До утра кипела напряженная работа. На рассвете опробовали пулемет и стали собираться в дорогу.

- Побыли б соколики... Вот блинчики...

- Мы поблагодарили хозяев за гостеприимство и тронулись в путь – в Овсорок. Остановились в

доме Сауниных. В селе было спокойно. По соседству играли свадьбу. Женился 17-летний паренек на девушке такого же возраста.

- Что ж это им жениться приспичило? – спросил Иван Петров.

Хозяйка развела руками, сокрушенно покачала головой, промолвила:

- Угоняют же христопродавцы на чужбину неженатых... Вот и женятся старый и малый.

В избу влетели жених и невеста и увели нас к себе на торжество. Поздравили молодых, выпив по стакану самогона.

- Куда же вы, гостечки дорогие? – запротестовал хозяин дома.

- Спасибо, батя, спасибо. Не резон оставаться нам здесь. Пронюхают фашисты про это – беды наживете.

- Вот оно что... Та хай им бис... Гуляй душа русская.

Мы вышли из дому и направились к Сауниным. По пути нам попался мальчишка в телогрейке какого-то невероятного цвета, в заячьей шапке и огромных дырявых сапогах. Он то и дело приставлял к глазам руку и всматривался вдаль.

- Ты тут что делаешь?! – окликнул его Федор Артамонов.

- А я не делаю... Я на посту, у нас кругом посты.

- Кого же вы охраняете?

- Вас... Как фашисты покажутся где, мы сразу же предупредим.

- Молодцы! - похвалил парня Петров. – Только лучше смотрите.

Мы зашагали дальше, оставив «часового» на посту. Часов в 12 к нам в дом ворвался мальчишка и, запыхавшись, доложил, что в село едут фашисты. Выйдя из избы, мы увидели в морозной дали семь подводов спускавшихся от церкви под гору. На каждой из них сидело по 3 гитлеровца.

- Ребята, погоняем фашистов? – спросил Петров и тронул пулеметную ленту. – Этой машинкой мы им нагоним страху... Ну как?

Все согласились.

- Тогда действуем так: ты, Артамонов, останешься на месте с подводой, Сазонкин и Жогин лягут за тем плетнем, мы с ним, - и он указал на меня, - ляжем на второй подводе... Фашистов пропустите до нас. Как мы секанем – начнете и вы... Понятно? Тогда по местам!

Артамонов спрятался за домом. Мы вчетвером побежали по улице.

Петров лег на сани, стал наводить пулемет. Я примостился рядом. Во всем теле неприятная дрожь. С предельным напряжением ждем гитлеровцев. Вот из-за угла вывернулась первая подвода, за ней вторая, третья...

- Держись, Коля, сейчас рубанем, - шепнул Петров.

Гитлеровцы ехали медленно и спокойно, ничего не подозревая. Они уже приблизились так, что я хорошо видел лицо пожилого возницы на первых санях. Во всех его чертах, в фигуре было что-то добродушное, невоенное, домашнее. «И его придется убить», - кольнуло сердце.

- Огонь! – зычно прокричал Петров и дал длинную пулеметную очередь. Я видел, как на первых санях ткнулся в передок возница, как упал на снег его сосед, как третий дернулся, но тут же вытянулся и больше не шевелился.

- Давай, Колька, давай! – мой напарник повернул пулемет левее, и «Максимка» смолк.

- Отказал собака! – петров бросил в фашистов одну за другой две гранаты.

Гитлеровцы разбежались за хаты. Сазонкин выглянул из-за угла избы. В тот же миг резанула автоматная очередь, и Михаил схватился за руку.

- Образумились гады... Еще обойдут...

С этими словами Толик Жогин перескочил через двор, укрылся за погребком и повел огонь по задворкам, чтобы не дать гитлеровцам возможности окружить нас.

В переулке никого. Тишина. Я помог Сазонкину перевязать руку.

- Разворачивай, Коля, лошадь... Если что – оторвемся. В лес они не сунутся, - сказал Петров.

Я побежал к саням, схватил лошадь и подогнал ее к нашему укрытию..

- Грузи и пулемет! – крикнул Петров.

Мы бросились к подводе. Я схватил вожжи и погнал лошадь на дорогу. Петров побежал сзади. Артамонов прикрывал наш отход и не давал врагам высунуть из-за укрытия головы. Но вдруг откуда-то слева прогремели два винтовочных выстрела, и Петров с простреленной ногой упал к нам в сани.

- Ах ты, гад! – Артамонов подобрался к укрытию, из-за которого стреляли, и дал длинную автоматную очередь.

Гитлеровец выронил винтовку, взмахнул руками, как крыльями, и уткнулся в снег головой. В

это время Жогин обстрелял других спрятавшихся гитлеровцев, и те отступили.

- Не было печали, так черти накачали, - ворчал Петров, заматывая тряпкой ногу. – Ничего, я еще с ними сведу счеты.

В отряд добрались поздней ночью смертельно усталые и измученные. Артамонов доложил обо всем случившемся.

- «Максим» подвел? – переспросил командир нашей роты Евгений Берндт. – Ну, ничего, в следующий раз не подведет. Отдыхайте...

Прошло несколько дней, и нам снова пришлось побывать в Овсороке. Каково же было наше удивление, когда вместо села, мы увидели развалины и пепелища! С трудом удалось отыскать нам старуху, которая и поведала о гибели села.

- Выгнали это, значит, они весь народ к церкви и давай сечь из ружей и пулеметов... А дома сожгли...

- Так все и погибли?

- Всех, родимый, кто остался здесь. Правда, те, что пошустрей, уехали в лес. А посмирней... - царство им небесное, - и старуха трижды перекрестилась.

Мы тронулись в путь. Сердце у каждого из нас представляло рану, а в глазах стояли слезы. Очутившись на краю села, мы невольно остановились, сняли шапки, как на погосте, еще раз посмотрели на пепелища.

- Смотрите, смотрите, друзья, - проговорил дрожащим голосом Артамонов, и мне показалось, что он вот-вот разрыдается. – И не забывайте того, как гитлеровцы расстреляли ни в чем не повинных мирных людей...

Он оборвал речь. Мы надели шапки и, крепче сжимая оружие, пошли на выполнение задания.

ПРАЗДНИЧНЫЙ ПОДАРОК

А.А. КОЗИН,

бывший партизан

Утро в партизанском лагере в тот день было особенно шумным: несколько диверсионных групп собирались на задание в честь 25-й годовщины Великого Октября. Партизаны завидовали тем, кто отправлялся на предпраздничные операции.

Едва солнечные лучи коснулись вершин вековых сосен, как повара доложили, что завтрак готов. Завтракали с прибаутками и шутками. Настроение у всех было бодрое, приподнятое. Особенно веселым был повар Петр Захаркин. Ему командование разрешило пойти на задание.

После завтрака мы собрались у командиров рот. Вместе с ними уточнили маршруты и секторы действия. Мне, Василию Каблукову и Петру Захаркину предстояло взорвать вражеский эшелон в районе Радицы-Крыловки. Командир роты В. Шпадырев, инструктируя нас, объяснил, что этот участок железной дороги слабо охраняется врагами.

...Опавшая листва, покрытая инеем, шуршала под ногами. Лес как будто замер в ожидании первого снега, только могучие сосны шумели, шумели. Невесело было.

Шли друг от друга на расстоянии видимой связи. Через четыре часа достигли Болвы. реку надо было переходить вброд. Мы долго наблюдали за противоположным берегом. Не обнаружив ничего подозрительного, спустились к воде, быстро разделись и разулись. На этот раз особенно было неприятно переходить Болву: около берега уже был лед, он проваливался, рвал и царапал тело. Перебравшись на другую сторону реки, мы оделись и углубились в лес. К Радице подошли ночью. Открытое место до железнодорожной насыпи преодолели ползком. Осмотревшись, поднялись вверх, на полотно, и замерли. В нескольких десятках метрах, у кладбища, сверкнули автомобильные фары, послышался чужой говор, взревел мотор. Чувствуя, что нас не заметили, принялись за работу. Поставив мину, мы всю ночь просидели возле железной дороги, ожидая взрыва, но ни один эшелон не прошел через Радицу до полудня. Очевидно, другие группы партизан опередили нас, и движение поездов на участке Бежица - Жуковка приостановилось.

Наконец, из Брянска показался первый эшелон. Мы затаили дыхание. Но состав, прогромыхав колесами, скрылся из виду. За первым эшелоном последовал второй, третий. «Почему не взорвалась мина?» - спрашивали мы друг у друга.

- Видно, взрыватель не сработал. Придется приспособлять от противопехотной, - сказал Вася Каблуков.

Целый день мы мастерили взрыватели. К вечеру пошел снег. Это усугубило обстановку: на

белом фоне фигура человека была далеко видна, и нас могли легко обнаружить. Но все обошлось благополучно. Добравшись до железнодорожного полотна, мы поставили новую мину. Взрыва опять не последовало. Очередной поезд пошел в Бежицу невредимым. Стало ясно – мины не взрывались из-за холода. Земля промерзла, прогиб рельсов стал мал, и наши взрыватели не сработали. Решаем ловить эшелон «на удочку».

- На удочку-то, на удочку, - отозвался Захаркин. – А вот как снять поставленный взрыватель и привязать к нему шнур?

А делать это, действительно, было очень опасно.

Вася Каблуков сказал, что будет снимать взрыватель один, а нам с Петром Захаркиным приказал остаться в кювете.

- Взорвусь, так один, - пояснил он и пошел к мине.

Мы подготавливали шнур. Наконец, Каблуков вернулся.

- Готов, снял. Давайте шпагат.

Петя стал разматывать шнур. А я с Каблуковым заспешил к железной дороге: со стороны Бежицы шел поезд. Спешим привязать шнур к взрывателю, но у нас дело не ладится: замерзли руки. Наконец, шнур привязан, и мы, не соблюдая никакой осторожности, бросились к Петру Захаркину, но добежать до него не успели: разгоряченный паровоз налетел на мину. Каблуков дернул шнур – и мощный взрыв потряс воздух.

В эту ночь и на следующий день движение поездов на участке Брянск – Бежица приостановилось.

Как легко и радостно было возвращаться с задания, когда оно выполнено. А сколько таких радостных моментов было в период борьбы за освобождение Родины! Радостным потому, что каждый такой взрыв приближал день победы над врагом.

Утром прибыли в лагерь. С удачей возвратились и другие группы партизан.

НА БОЛЬШАКЕ

Нас было трое. Ночь давно спустилась на землю, а мы, преодолевая усталость, двигались и двигались к Орловским дворикам, к Жиздринскому большаку. Однообразно поскрипывали лыжи, и, хотя ноги сковывала тяжесть, шаг был размерен, как и в начале пути. Правда, каждый из нас с великой радостью грохнулся бы в сугроб и лежал бы, лежал, не двигаясь, слушая, как шумят в зачарованной выси деревья. Все тело, все существо просило покоя хотя бы на минуту, хоть на миг. Но нужно было спешить: в полночь со стороны Брянска к передовой должны пойти гитлеровские воинские части, и нам предстояло заминировать большак.

Основной преградой на нашем пути была укрепленная дзотами и охранявшаяся дорога, идущая из Бежицы в Дятьково. Михаил Иванюшин первым добрался до нее и тут же плюхнулся в сугроб и сдернул с плеча винтовку.

- Фрицы! – прошипел он.

Мы залегли и приготовились к бою. Две человеческие фигуры отчетливо виднелись метрах в тридцати – сорока. Мы ждали, что противник тут же откроет огонь, поднимет шум. Но гитлеровцы почему-то не двигались, не открывали огня. Мы лежали пять, десять, пятнадцать минут. Сердце учащенно колотилось: впереди был враг, сильный, жестокий. Он видел нас и, нам казалось, замышлял какую-то каверзу.

Открывать огонь не решались, так как знали, вправо, в направлении Даркович, находится дзот, и оттуда слышались какие-то звуки. Отступить тоже не было резона: враг-то нас не трогал. Нужно было выяснить его намерения.

Около часа пролежали мы в снегу, не чувствуя порывистого ветра и жгучего мороза.

- Что за черт! – выругался Терешин. – Никак, привидения...

Подобравшись к самому краю дороги, мы увидели то, что заставило нас вздрогнуть. Не ощущавшийся ранее мороз сковал все тело. На другой стороне большака висели две женщины. Забыв предосторожность, мы разом вскочили и бросились к ним. На груди у одной виднелась фанерка. Терешин сорвал ее и прочитал: «Партизаны! Бросайте оружие, переходите к нам, мы гарантируем вам жизнь!».

Терешин выругался и далеко забросил фанеру от дороги. Молча сняв с виселицы окоченевшие трупы, мы отнесли их в сторону и зарыли в снег. В одной из женщин Алексей Терешин узнал учительницу из Любохны.

- Гады! Какую красоту загубили!

Почтив память погибших, наша тройка двинулась в путь. Горестная обида комом запеклась в наших сердцах, и мы поклялись отомстить врагам за повешенных.

В эту же ночь наша группа достигла большака Брянск-Жиздра и заминировала его. Притаившись в кустах, мы стали наблюдать за дорогой. Полная луна выкатилась из-за тучки, и кругом стало светло, как днем.

- Холодно, братцы, сидеть без дела, хлопая себя рукавицами по бокам, проговорил Михаил Иванюшин. – И рассвет близко... Может, нам смотаться еще раз за минами?

- А что, он дело говорит. Все равно здесь ни одной собаки, - отозвался я.

Алексей Терешин (старший группы) начал возражать, что, мол, нужно еще подождать, узнать результаты, что по этому поводу был приказ...

- А мы и не нарушаем приказа, - возразил Иванюшин. – А пока суд да дело, еще притащим взрывчатки, и тогда будем здесь сидеть хоть до потопа.

Терешин, в конце концов, сдался.

Коротки студеные декабрьские деньки. Не успеет солнце подняться в гору, как уже спешит на покой. Мы двигались нехоженными тропами, по целине. Время от времени присаживались отдохнуть, потом опять вставали и продолжали путь.

В лагерь прибыли к вечеру. В землянке шло ротное собрание. Началось оно видно давно. Прения уже закончились, и командир роты Пуклин зачитывал приказ о представлении партизан к правительственным наградам. В приказе упоминались и наши имена.

Собрание окончилось, и Терешин рассказал Пуклину о нашем решении.

- Никого, говорите, нет?.. Будут, - проговорил командир роты. – Разведанные точные. Непременно будут, - повторил он. – Получайте мины и... Но прежде отдохните пару – тройку часов. Вы же вторую ночь не спите.

Короткий отдых освежил нас. Забрав мины, мы стали на лыжи, и морозный снег опять размеренно хрустел под ногами. Пошли новым путем, так как на прежней лыжне могла быть засада.

Рассветало, когда наша тройка добралась до намеченного места. Мы долго не выходили из леса, прислушиваясь и всматриваясь в снежную мглу. Дорога молчала. Мы по одному выползали на большак. Кругом – ни гу-гу. Не мешкая, заминировали две накатанные колеи и отправились посмотреть на результаты прежней работы.

Еще издали сквозь голый кустарник мы увидели черный снег и обломки автомашины. На линии связи, которая шла из Брянска к передовой и которую мы вчера повредили и заминировали, подорвался вражеский связист. Алеша и Миша начали собирать документы убитого фашиста, а я принялся обрезать ремни с катушки связиста. Ремни нам были очень для крепления лыж. Зачастую лыжи крепились телефонным кабелем, который стеснял движение и быстро протирали обувь. Поэтому нельзя было устоять, чтобы не забрать находку. Обрезав ремни, я услышал резкий крик и мгновенно повернул голову в сторону друзей. Терешин и Иванюшин бежали в лес, глубоко проваливаясь в сугробы. Не сразу дошло до меня, что мне грозит опасность. «Что за черт», - подумал я и повернул голову в другую сторону. На дороге, в метрах в сорока, стояла автомашина. Высыпавшие из нее гитлеровцы бежали ко мне и что-то кричали. Вскочив, я побежал вглубь леса, но тут же упал: подвернулась лыжа. В горячке я никак не мог встать, не мог достать винтовку из-за спины. Гитлеровцы, бешено строча из автоматов, приближались ко мне. В ответ из леса хлопали винтовочные выстрелы. Немцы залегли. Я резанул ножом по креплениям, вскочил и короткими перебежками бросился в лес. Над головой засвистели пули. Я прилег, начал отстреливаться. Вот сражен один фашист, другой, но стрельба не прекращается. Выпуская обойму за обоймой, мы с Лешей Терешиним отошли вглубь леса.

- Сюда черта с два сунутся.

- А где же Миша? – спросил я.

- Наповал... У первой сосны, пряча от меня глаза, прерывисто и скорбно проговорил Терешин.

- Надо б похоронить.

- Непременно!.. Я его снегом присыпал.

За лесом послышался гул моторов, стрельба начала разрастаться. Мы поглядели друг другу в глаза и поняли, что нужно уходить немедленно. Мы встали, я тут же от боли сел в снег. Брюки выше колена были порваны. В сапоге чувствовалась кровь, и она начала замерзать на морозе. Перетянув ремнем ногу выше раны, мы пошли в обратный путь. Двадцатикилометровое расстояние преодолели за сутки. Изнеможенные, обессиленные, полузамерзшие, но мы дошли до лагеря, чтобы опять идти в бой за русскую землю, за наших хороших людей, за счастливую жизнь.

ШУМЕЛ СУРОВО БРЯНСКИЙ ЛЕС...

В.П. КОРЯВЧЕНКОВ,

бывший партизан

В тихий, не по-осеннему теплый вечер я возвращался с работы. Из репродуктора, установленного у Дворца культуры, доносилось:

Шумел сурово Брянский лес,
спускались синие туманы...

Меня всегда волнует эта песня. На этот раз особенно сильно взволновала. Я даже остановился, застыл на месте. Лилась суровая мелодия, а в памяти молниями вспыхивали одна за другой картины из моей лесной жизни.

...Мне шел семнадцатый год, когда первая бомба, сброшенная врагом, нанесла первую рану моему родному городу. После каждого налета фашистских стервятников росли горы щебня, битого стекла, изуродованного металла.

Мы покинули Брянск в памятную августовскую ночь 1941 года, предварительно вместе с отцом и его товарищами, взорвав мост через Десну, по которому фашисты должны были идти на Бежицу.

Вскоре страшное горе постигло нашу семью. Фашисты расстреляли мать за помощь партизанам. Пришлось взять в лес сестренки: семилетнюю Галю и восьмилетнюю Люсю.

...Штабная землянка. Здесь 23 февраля 1942 года перед лицом старших товарищей и сверстников я дал партизанскую клятву. В тот же день подпольный райком принял меня в комсомол и зачислил бойцом в комсомольскую роту.

И вот первое задание. Командир роты Василий Павлович Дурнев, приказал пойти в Бежицу и любым путем достать оттиск штампа немецкой городской управы. Обдумав поручение, я сразу отправился в управу. Здесь оккупанты регистрировали взрослое население. И на мой новенький паспорт тоже поставили штамп.

На другой день все партизаны были «зарегистрированы»: на их паспортах появились штампы управы, что позволяло с меньшей опасностью появляться в городе.

Замечательные ребята были в нашей роте. Комсомольцы всегда шли туда, где труднее, опаснее, охотно выполняли самые сложные задания.

Как-то командованию отряда стало известно о намерении фашистов вывезти в Германию каменный уголь, оставшийся на одном из заводов. Нужно было сорвать этот замысел. И комсомольцы блестяще выполнили задание. В операции отличился Витя Калашников. Буквально под носом у часовых он заминировал железнодорожный путь, паровоз и вагоны. Состав не ушел – мины сработали хорошо.

Приближалось 1 мая 1942 года. Партизаны решили широко отметить любимый праздник трудящихся всего мира. Накануне, 30 апреля, группа комсомольцев отправилась в деревню Корчминку проводить торжественное собрание.

В самый разгар вечера постовые сообщили о приближении крупного карательного отряда. Нас было семнадцать. Забравшись под крыши домов, мы создали круговую оборону. Патронов и гранат было достаточно. Мы близко подпустили врага и встретили его дружным прицельным огнем. Вслед за автоматными очередями полетели гранаты. Не давая гитлеровцам опомниться, Володя Маевский, Афанасий Бирюков, Коля Макаров, Жорж Скрементов, Филипп Гальпер спрыгнул наземь и, не прекращая огня, погнался карателей вдоль дороги. Бой продолжался менее часа. Убито было около семидесяти фашистов и полицейских.

В этом бою мы потеряли любимого товарища – комсомольца Витю Калашникова.

Не счесть подвигов отважных ленинцев. Наши старшие товарищи – коммунисты учили нас ненавидеть врага, любить свой народ, не щадя жизни защищать Родину. И мы старались быть достойными помощниками партии.

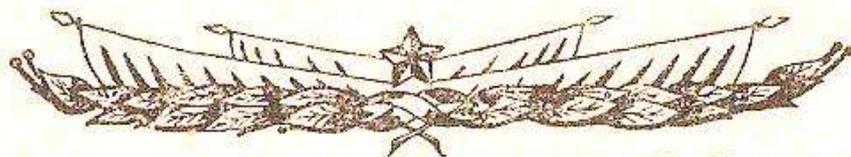
17 сентября 1943 года вместе с регулярными частями нашей армии партизаны вошли в город. Как и все мои сверстники, я вступил в ряды Советской Армии. Опыт партизанской борьбы помог мне стать квалифицированным разведчиком.

...Я вышел из оцепенения и пошел домой, когда услышал последние слова песни:

...и сосны слышали окрест,
как шли с победой партизаны.

СОДЕРЖАНИЕ

«Если Родине отдал все».....	2
В.К. Соколов. Бессмертные подвиги.....	2
Л.А. Виноградова. Светлый образ.....	4
Из писем о виноградовцах.....	5
Г.Г. Гавриличев. I. Авангардная роль коммунистов в партизанской борьбе.....	9
II. О некоторых из многих.....	16
И.С. Коренков. Этим дней не смолкнет слава.....	27
Д.Г. Пуклин. Остаемся в тылу врага.....	35
М.С. Матюшин. Уходим в тыл.....	40
И.С. Аксенов. Как мы стали партизанами.....	44
Г.А. Мирошкин. Первые бои городищенцев.....	48
В.М. Савельев. Комсомольцы-добровольцы.....	49
А.Я. Кейтлин. Нападение на землянку.....	55
Н.Н.Глотов. Хотылевская операция.....	56
В.П. Дурнев. Сильнее смерти.....	59
Ф.Е. Кузнецов. Освобождение пленных.....	62
М. Мартынов. Из орлиного племени.....	63
Г.Н. Ильяхин. Перед разгромом гарнизона.....	66
Ю.М. Протопопов. Провал вражеской засады.....	69
Н.В. Шершнева. Каратели отступили.....	72
Г.И. Соболев. В Умельских лесах.....	79
В.М. Савельев. Мины рвутся на большаке.....	79
И.Г. Борисенков. Ищем связи с армией.....	80
А.А. Тресиков. Боевое товарищество.....	83
В.Н. Гришков. Встреча с отцом.....	87
Н.Д. Меньшиков. Из дневника.....	90
А.А. Козин. Праздничный подарок.....	93
В.П. Корявченков. Шумел сурово Брянский лес.....	96

ПАРТИЗАНЫ

бежцы, погнашы в период Великой Отечественной войны 1941-1945 г.г.

Антонов	В.И.	Грибачев	П.	Карпов	Г.Р.	Карташов	С.
Антонюк	В.П.	Жокин	А.М.	Козин	А.П.	Корнеев	Я.К.
Аксентьев	И.М.	Иванюшкин	С.П.	Кричевская	С.А.	Кажков	В.П.
Алехин	М.М.	Аксентьев	П.И.	Коршунов	А.П.	Кузнецов	Я.В.
Белогород	Е.П.	Детомашин	С.П.	Ковалев	Е.К.	Лесков	Я.
Белогород	В.К.	Белоза	В.А.	Кузьмин	И.А.	Лукин	И.Б.
Белогород		Бучак	Ф.И.	Кипдинер	И.К.	Лесков	С.Л.
Васильев	А.И.	Витков	А.А.	Кузьмин	М.Л.	Лосев	А.И.
Власов	Г.А.	Борисов	И.П.	Костров		Левин	В.И.
Горюхов	А.И.	Высоцкий	В.А.	Кучкин	И.Г.	Александров	А.И.
Горюхов	Г.Ф.	Грибачев	В.Е.	Кузьмин	И.А.	Аляпин	И.Б.
Григорьев	И.И.	Грибанов	И.П.	Кузьмин	И.С.	Аляпин	В.
Григорьев	С.С.	Гавриленко	Г.И.	Кузнецов	И.В.	Антонин	В.
Детомашин	И.П.	Глушечков	П.И.	Кузьмин	А.П.	Морков	И.А.
Детомашин	И.П.	Гришин	И.О.	Курков	И.	Демин	С.Г.
Детомашин	И.П.	Душин	А.А.	Карасев	И.И.	Доголовцев	И.И.
Егоренков	А.О.	Келенков	С.М.	Копылов		Декстеров	И.П.
Егоренков	А.З.	Калашников	В.И.	Козлов	С.Л.	Емелин	В.
Ефимов	И.И.	Варков	В.В.	Евсеев	И.Г.	Милехин	Ф.Г.
Журбаев	А.И.	Гогольская	Г.И.	Зянец	К.И.	Марочанин	Ф.П.
Жуков	А.И.	Гутман	А.И.	Иванюшкин	М.Ф.	Моршалаев	
Жуков	Е.И.	Газупов	В.А.	Марков	П.Д.	Можин	В.С.
Жуков	И.П.	Гирсов	И.Е.	Миряев	И.И.	Мачехин	К.И.
Жуков	И.	Докторова	И.	Монеев	А.С.	Маслов	И.П.
Жуков	О.С.	Демочкин	В.И.	Маевский	В.И.	Нелюбов	И.П.
Жуков	И.И.	Дробышевский	В.	Митюхин	Г.Г.	Нелюбов	И.П.
Жуков	В.Ф.	Ерехин	И.З.	Морозов	В.А.	Нечев	А.И.
Жуков	В.Г.	Ефимов	А.	Макаревич	И.З.	Нечев	В.
Жуков	И.С.	Осипов	Г.В.	Паукова	А.Г.	Понаморев	М.
Жуков	А.И.	Озеров	П.	Павляков	А.И.	Павловский	И.В.
Жуков	И.И.	Щелокоев	А.Г.	Павлов	А.И.	Петров	И.З.
Жуков	В.А.	Щербак	Г.И.	Павлов	И.И.	Рожин	Г.А.
Жуков	М.И.	Щербак	И.	Павлов	И.Ф.	Родин	Р.В.
Жуков	З.И.	Юденков	В.И.	Павлов	А.И.	Рыжиков	И.А.
Жуков	И.В.	Сафуров	С.Г.	Самойкин	А.П.	Скотников	А.Г.
Жуков	В.Ф.	Самичко	Ф.И.	Судьев	В.И.	Смирнов	И.С.
Жуков	М.С.	Симонов	И.И.	Саввичева	О.И.	Смирнов	И.З.
Жуков	В.	Симонов	В.А.	Сарычев	Т.И.	Сонин	В.
Жуков	И.В.	Терешин	А.А.	Толкачев		Филатов	В.И.
Жуков	К.И.	Терешин	М.	Федченко	И.И.	Федченко	И.П.
Жуков	И.С.	Тютюков	В.С.	Фетисов	И.А.	Федков	А.И.
Жуков	С.М.	Цуканов	В.В.	Черников	В.В.	Черников	И.
Жуков	И.А.	Черников	К.С.	Чернов	С.К.	Шалский	И.П.
Жуков	И.Г.	Шатский	В.П.	Шалин	В.	Шевцов	К.

Взрывы на большаке

Редактор В. Соколов

Литературная обработка И. Швеца, А. Савина

Фото: И. Абрашкина, Г. Реймерса

Художник Н. Борисов

Техредактор А. Петерсон

Корректор М. Горелик

РМ 11504. Подписано к печати 21 мая 1963 года

Бумага 70×1081/32. 9,5 п.л. (13,3 усл. п.л.)

Заказ 6081. Тираж 15000. Цена 40 коп.

Издательство «Брянский рабочий»

Областная типография управления культуры

Брянск, Советская, 10.